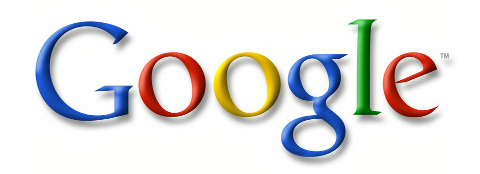
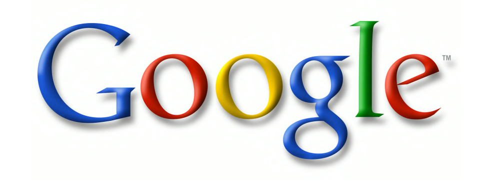
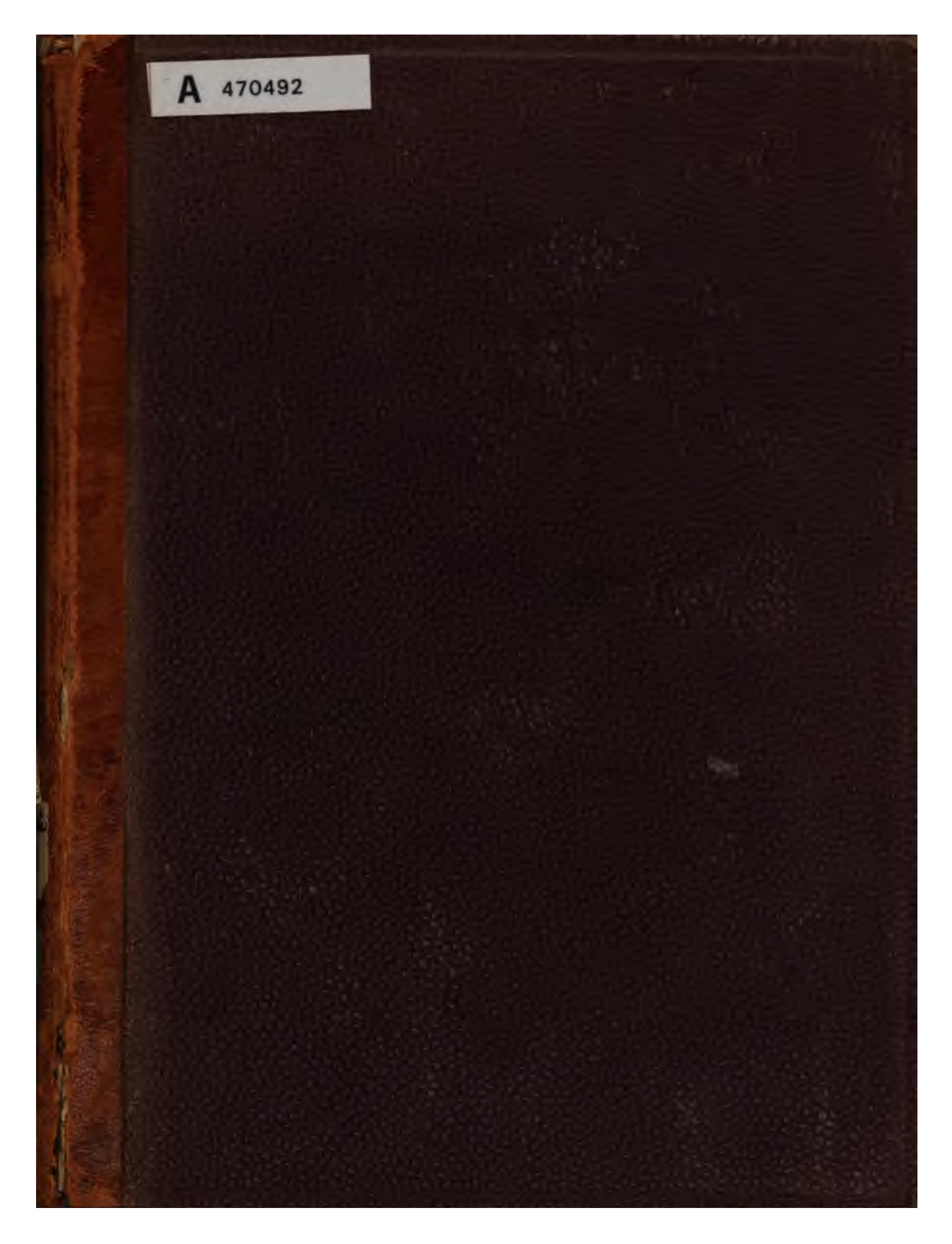

A 470492

СЦЕНЫ

ИЗЪ

НАРОДНАГО БЫТА.

СЦЕНЫ

ИЗЪ

НАРОДНАГО БЫТА

И. Ѳ. ГОРБУНОВА.

ЧЕТВЕРТОЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

ДЕСЯТАЯ ТЫСЯЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КОЛЕСОВА И МИХИНА.
1873.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГОГЕНФЕЛЬДЕНА И К°.
(Вас, Остр., 3 л., № 44).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НА ПРАЗДНИКѢ.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

ЛИЦА:

КОНДРАТІЙ ИЛЬИЧЪ, достаточный крестьянинъ.
СЛЕЗКИНЪ
ВАСЬКА РОГОВЪ } фабричные.
СТЕПКА
ДѢВУШКИ И ПАРНИ.
ТРОФИМЪ, крестьянинъ.
МАВРА, его жена.

Дѣйствіе происходитъ въ селѣ, въ день храмоваго праздника. Слобода; на право отъ зрителей кабакъ; въ глубинѣ раскинуты палатки.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кондратій Ильичъ идетъ слѣва, Слезкинъ выходитъ изъ кабака.

Слезкинъ.

Кондратій Ильичъ! Теперича я всѣ порядки справилъ какъ должно. Какъ, значитъ, отъ обѣдни пришелъ, въ радости дождамшись, разговѣлся — спать легъ, а теперича я гулять вышелъ. Все, какъ слѣдоваетъ!..

Кондратій Ильичъ.

У обѣдни-то ты былъ: а слышалъ-ли, какъ батюшка проповѣдь сказывалъ?

Слезкинъ.

Слышалъ, братецъ мой! Великій нонѣ праздникъ, и нѣтъ его больше!.. Оченно мнѣ это чувствительно!

Кондратій Ильичъ.

Великій праздникъ!..

Слезкинъ.

Великій!.. *(Молчаніе)*. Какъ, братецъ мой, тамъ теперича на небѣ... что, напримѣръ?.. Премудрость это, Кондратій Ильичъ! Странникъ это у насъ съ книжкой ходилъ, сказывалъ: „Всякая, говоритъ, теперича. звѣзда означаетъ... и все, говоритъ, я это понимать могу.“

Кондратій Ильичъ.

Не понять намъ грѣшнымъ этого.

Слезкинъ.

Потому всѣ мы—грѣшники и всѣ мы помремъ. Вѣрно твое слово.

Кондратій Ильичъ.

Странникъ твой, може, и такъ болталъ, зря. Много ихъ даромъ по бѣлу свѣту ходятъ, насъ темныхъ людей обманываютъ.

Слезкинъ.

Много, братецъ мой! Потому нашего брата обмануть оченно способно, а особливо ежели выпимши.

Кондратій Ильичъ.

Другой прельщеніемъ наровитъ тебя....

Слезкинъ.

Всякаго народу бываетъ. А странникъ этотъ теперича, за свои дѣла за хорошія, въ острогѣ сидитъ.

Кондратій Ильичъ.

Ишь ты!

Слезкинъ.

Въ острогѣ, братецъ мой, потому больно плутъ. Не плошь Васьки... такой-же разбойникъ. Они съ Васькой благопріятели были, бабъ все портили.

Кондратій Ильичъ.

Богъ съ ими, другъ сердечный!

Слезкинъ.

Главная причина—не осуди человѣка. Такъ-ли я говорю? Ежели человѣкъ супроти тебя что сдѣлалъ — обидѣлъ, значитъ.... ну, и кончено! Дай Богъ всякому!.. Что̀ намъ дѣлить? Намъ дѣлить нечего! Ты мнѣ теперича скажи.... Кондратій Ильичъ, скажи ты мнѣ: Слезкинъ! наслѣжу я слѣдовъ— ходи по нимъ.... а я ходить буду. Такъ я это и понимаю. Ежели теперича я выпимши....

Кондратій Ильичъ.

Пей, да ума не пропей.

Слезкинъ.

Зачѣмъ, братецъ мой! Я самую малость.... шкаликъ!.... И слава те Господи, съ меня и будетъ.

Кондратій Ильичъ.

Знаемъ мы вашу малость-то! Съ утра до вечера въ кабакѣ сидите.

Слезкинъ.

Для Петрова̀-дни! Безъ этого ужъ невозможно. Земляки пришли.... фабричные.... ну, и—значитъ—съ праздникомъ честь имѣемъ поздравить! Порядокъ! Вишь, народъ идетъ хороводы водить.

Кондратій Ильичъ.

Ко дворамъ пора (*идетъ*).

Слезкинъ.

Кондратій Ильичъ, не побрезгуй, пойдемъ—поднесу.

Кондратій Ильичъ

Ну-те къ Богу!

Слезкинъ.

Одинъ стаканчикъ!... За премудрость за твою.

Кондратій Ильичъ.

Нѣту, другъ сердечный, не стану.

Слезкинъ.

Для праздника! (*Кондратій Ильичъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Слезкинъ (*одинъ*).

Ну, я—значитъ—самъ по себѣ пойду. (*Запѣваетъ*).

Несчастная наша доля!
Никто, никто не любитъ!
Полюбила молодчика.. .

Васька *(подхватывает).*
Съ полянки дворянка.

ЯВЛЕНІЕ III.

Васька Роговъ, Степка, дѣвушки и парни.

Васька.

Становись, дѣвки, давай хороводы водить.

Слезкинъ.

Господамъ фабричнымъ.... почтеніе!

Васька.

Съ пальцемъ девять! Ты что-жъ оттеда ушелъ?

Слезкинъ.

Такъ, братецъ мой, грустно! Съ Кондратьемъ Ильичемъ, хошь-бы насчетъ дѣловъ, говорили.... Ты, говоритъ....

Васька.

Надо полагать, ребята, этотъ Кондратій Ильинъ—мужикъ фальшивый.

Степка

Подхалимъ!

Слезкинъ.

Нѣтъ, братцы, мужикъ важный Кондратій Ильичъ! Ежели теперича, когда придешь къ ему, сейчасъ тебѣ житіе прочитаетъ, али такъ что отъ божества скажетъ. Мужикъ онъ очень умный.

Васька.

Сказываютъ, у его денегъ залежныхъ много. Вотъ, ребята,

ка-бы нашему брату теперича деньги, — не стали-бы мы такъ-то трепаться, задали-бы форсу! Я-бы сей трактиръ снялъ, али-бы....

Степка.

Привычку надо по этой части.

Васька.

Я, братъ, всѣ степени произошелъ! Въ какихъ я мастерствахъ не находился, въ какой я должности не жилъ! Это намъ ничего!.... Женился-бы на купчихѣ.

Степка.

На купчихѣ жениться важно!

Васька.

На что лучше!

Слезкинъ.

А намъ хоть-бы на мѣщаночкѣ, когда Богъ привелъ. Есть, въ Москвѣ эдакія, которыя, значить, по мастерству по какому....

Васька.

Хошь, я тебѣ твою фортуну сдѣлаю—женю тебя? Ундерову дочь возмешь? *(Всѣ смѣются)*. Вотъ, братцы, сказывалъ я вамъ, аль нѣтъ? Чудно ужъ оченно! Такъ, голова, какъ вздумается мнѣ это когда, просто, сейчасъ умереть—смѣхъ!... Жилъ насупротивъ нашей фабрики ундеръ. Только разъ, въ воскресенье, вышелъ я за ворота, гляжу—у его подъ окошкомъ сидитъ дамочка и смотритъ на меня. Я у воротъ-то и

сѣлъ. Часу такъ въ десятомъ, гляжу, эта самая дамочка машетъ мнѣ платочкомъ. Такъ меня по сердцу-то ровно варомъ! Вотъ я къ окошку-то и подшелъ. Погода, говоритъ, оченно прекрасная.... гулять вышли? — Такъ точно, говорю, потому теперича гулять оченно вальготно. — Вышла-бы, говоритъ, и я, да компанію мнѣ водить не съ кѣмъ. — Пожалуйте, говорю, съ нами—мы вамъ обиды никакой не сдѣлаемъ. — Нельзя, говоритъ, этого, потому, тятенька увидитъ. Вы по какой части? — Такъ и такъ говорю: у своего хозяина въ плюмянникахъ живемъ.... Слышь?... *(Всѣ смѣются).*

Слезкинъ.

Ужъ такова проходимца, какъ Васька Роговъ, не найдешь!

Васька.

А вы, говорю, по какой? — Я, говоритъ, при своемъ тятенькѣ живу, потому, какъ мой тятенька ундеръ. А коли вы желаете, чтобы промежду насъ знакомство было — завсегда къ намъ пожалуйте. Завели мы съ ей это знакомство....

Степка.

Пондравилась!

Васька.

Какое къ чорту пондравилась! Блажь одна! Только я разъ къ окошку-то къ ей подшелъ, а ундеръ-то оттеда — пожалуйте, говоритъ, въ горницу.

Слезкинъ.

Значитъ, бока наминать!

Васька.

Никто Васькѣ Рогову боковъ не намнетъ.

Слезкинъ

Смирный, должно, ундеръ-то. А то есть, попадаются изъ ихняго брата.... бѣда!... замучаетъ!...

Степка.

Бывалъ, знать, ты у нихъ въ передѣлѣ-то?

Слезкинъ.

Трафилось! За мѣщанку за одну.

Васька.

Вошелъ къ имъ. Краля-то моя сидитъ, на гитарѣ разыгрываетъ. Ундеръ сейчасъ сладкой водки поставилъ, по рюмочкѣ чкнули... Намъ, говоритъ, оченно пріятно, ежели вы съ нами конпанію имѣете. Наслышанъ, говоритъ, я отъ дочки, такъ какъ вы у своего хозяина въ плюмянникахъ живете....— Такъ точно, говорю.—Коли ежели, говоритъ, вамъ моя дочка не противна, я съ ея воли не сымаю.

Одна изъ дѣвушекъ.

Ахъ ты песъ экой!

Васька.

Вы погоди, постой, что было. Вотъ, сейчасъ, нарядилась она въ шелковое платье, шляпку надѣла, въ правую ручку зонтикъ взяла, —гулять мы съ ней пошли. Оченно ужъ она мнѣ въ тѣ поры пондравилась, хоть сейчасъ жениться. Ну ужъ мы эвту политику московскую знаемъ.... Пожалуйте, говорю, въ трактиръ. — Вы, говоритъ, какъ обо мнѣ пони-

маете? Я, говоритъ, не то что, къ примѣру, какая... Я говоритъ, со всякимъ могу разговоръ имѣть, никого не острамлю.— Намъ, говорю, это очненно лестно, по той причинѣ, что намъ такую и требуется. — Я, говоритъ, съ любымъ офицеромъ потрафлю, какъ что должно, потому я всему этому обучена; я-бы, говоритъ, можетъ на разные языки умѣла, да тятенька не пожелалъ. — Такъ въ трактиръ и не пошла. Ну, вотъ, голова, цѣлое лѣто я къ имъ ходилъ; опричь жениха мнѣ и званья не было: женихъ да женихъ; рублевъ сорокъ денегъ я у ундера-то забралъ; поддевку онъ мнѣ новую сшилъ, да она мнѣ кошелекъ бисерный подарила; а ужъ что мы съ этимъ ундеромъ сладкой водки выпили!... Она бывало романцы поетъ, а мы пьемъ да про войну разговариваемъ. Пошелъ я тогда на Покровъ въ деревню—всю эту канитель-то и бросилъ.

Одна дѣвушка.

А какъ-же краля-то твоя?

Васька.

Чортъ ее возьми, много ихъ! Плакала послѣ, сказывали....

Дѣвушка.

Плакала! Самъ, гляди, около ее коровой ревѣлъ. Плакала!... Должно, и въ правду тебѣ ундеръ бока-то намялъ.

Васька.

Сказалъ-бы я тебѣ одно словечко, да ужъ такъ.... для праздника.

Дѣвушка.

Пришелъ съ Москвы-то, думаетъ, ни вѣсть онъ кто! Бо-

хвалъ! Становись, дѣвки. Запѣвайте. *(Дѣвушки запѣваютъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и Мавра.

Мавра *(съ плачемъ)..*

Чтой-то, батюшка!... дѣвыньки, не видали-ли хозяина.

Дѣвушки.

Нѣтъ, тетка Мавра, не видали.

Слезкинъ.

Какова хозяина?

Мавра.

Моего хозяина, Трофима Иваныча.

Слезкинъ.

Видѣли.

Мавра.

Гдѣ онъ, батюшка?

Слезкинъ.

Давай два двугривенныхъ—скажу, а то такъ ты и помрешь безъ его.

Мавра.

Неколи мнѣ тутъ съ тобой....

Дѣвушка.

Да говори, дьяволъ!

Слезкинъ.

Скажи сама—можетъ ты лучше....

Дѣвушка.

Да я не знаю; я-бы сказала.

Слезкинъ.

Хозяинъ твой теперича — такъ будемъ говорить.... (*указывая на кабакъ*). Окромя энтаго мѣста, ему не гдѣ быть (*Трофимъ выходитъ изъ кабака*). Вишь ты? Значитъ, такъ точно.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и Трофимъ.

Мавра.

Что прохлажаешься-то? Мало тебѣ что-ли?

Трофимъ.

Нѣтъ, я много доволенъ.... Оченно доволенъ.... Огни у меня теперича.... Разные огни ходятъ.... Душеньку мнѣ всю распалило.... Православные! Дай вамъ Господи! *(плачетъ)*. Пошли вамъ Царь милосливый на вашу долю....

Мавра.

Что домой-то нейдешь?

Трофимъ.

Будемъ дома, объ этомъ ты не сумлѣвайся.... дома мы будемъ. А вотъ что на миру намъ скажутъ. *(Къ Васькѣ)*. Ты фабричный?

Васька.

Фабричный.

Трофимъ.

Можешь по писанію?

Васька.

Могу.

Трофимъ.

Значитъ, не къ намъ дуракамъ тебя приравнять. Былъ ты въ Старомъ Ерусалимѣ?

Васька.

Далече больно, не былъ.

Трофимъ.

А есть нонѣ разрѣшеніе?

Васька.

Есть.

Трофимъ *(къ женѣ).*

Слышь, что онъ говоритъ! Ну я и разрѣшилъ.... А теперича ты мнѣ вотъ что скажи: дьявольское это навожденіе, али такъ дурь человѣческая?

Васька.

Насчетъ чего ты говоришь-то?

Трофимъ.

Все насчетъ того-же: давеча я былъ человѣкъ, а теперича, видишь, я не въ своемъ разумѣ. Для чего это я? Мнѣ это оченно стыдно.

Мавра.

Да пойдемъ домой, батюшка.

Трофимъ.

Погоди!... Да, мнѣ оченно стыдно. Дѣвки веселятся, радуются, а я домой пойду, спать лягу, а тамъ твори Богъ

волю свою. Такъ-то!... По закону мнѣ положено и шабашъ. Чужаго намъ не надо. Я много доволенъ! Прощенья просимъ! Простите мéня окаяннаго: Согрѣшилъ я грѣшный.... *(Уходитъ).*

Слезкинъ.

Всѣ мы, должно, для праздника-то согрѣшили. *(Запѣваетъ).*

Графъ Башкевичъ ариванскій
Подъ Аршавой состоялъ....
(Всѣ смѣются).

СЦЕНЫ ИЗЪ КУПЕЧЕСКАГО БЫТА.

I.

СМОТРИНЫ.

ЕРЕМЕЙ ТЕРЕНТЬЕВИЧЪ СМѢСОВЪ, купецъ лѣтъ 50.
ДАРЬЯ ИВАНОВНА, его жена.
ДУША (Авдотья), ихъ дочь, 17 лѣтъ.
ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА (бабушка), мать Смѣсова.
АННА ПЕТРОВНА, купеческая дочь, дѣвица 40 лѣтъ.
ВѢРОЧКА, подруга Души.

ДѢЙСТВІЕ ПРОИСХОДИТЪ ВЪ МОСКВѢ, ВЪ РОГОЖСКОЙ УЛИЦѢ.

Небольшая комната, меблированная безъ вкуса.

Бабушка и Анна Петровна.

Бабушка.

Съ этакимъ человѣкомъ и говорить-то пріятно, потому, у него всякое слово на пользу. По всѣмъ мѣстамъ ходилъ, все видѣлъ.... Такія, говоритъ, мѣста есть — кормятъ какъ, трапеза какая — рай земной!...

Анна Петровна *(вздыхаетъ)*.

Есть, есть; не всякій только, по грѣхамъ по своимъ сподобится увидать-то ихъ.

Бабушка.

Мы, говоритъ, въ семъ мірѣ только плоть свою тѣшимъ.... Да вѣдь и правда!

Анна Петровна.

Все правда!

Бабушка.

Я, говоритъ, не то что къ примѣру, это зря говорю: все это я изъ книгъ.... по книгамъ все....

Анна Петровна.

Вотъ-бы его, Ѳекла Ѳедосѣвна, насчетъ нашего Демьяшки-то спросить....

Бабушка.

А что?

Анна Петровна.

Въ умѣ помутился отъ книгъ-то.

Бабушка.

Зачитался?

Анна Петровна.

Третій годъ, матушка, мы съ нимъ маемся. Чего, чего не дѣлали—и въ пустынь-то возили, и на дому-то отчитывали—ничего не помогаетъ. Доктора какъ-то звали. Пріѣхалъ, посмотрѣлъ. Давно-ли? говоритъ. — Такъ и такъ, говоримъ: три года. — Поздно говоритъ: — ка-бы вы по-первоначалу ко мнѣ пріѣхали, я-бы его поставилъ на ноги, а теперь нельзя. Сестра Домна говоритъ: это мы, говоритъ, оттого полагаемъ, что онъ книгъ зачитался, потому, онъ съ малыхъ

лѣтъ все въ книжку читалъ. Ну, онъ засмѣялся. Нешто они понимаютъ! Это не Иванъ Алексѣичъ покойникъ — помните?

Бабушка.

По купечеству первый докторъ былъ.

Анна Петровна.

Тотъ, бывало, какого хошь порченнаго вылечитъ. Тогда вотъ говорили, что онъ Луку Васильевича уморилъ, а чѣмъ онъ виноватъ? Лукѣ-то Васильевичу давно ужъ умереть слѣдовало, это мы вѣрно знаемъ, потому былъ сырой человѣкъ.

Бабушка.

Какъ-же онъ теперь-то, Демьяша-то?

Анна Петровна.

Измучилъ онъ насъ совсѣмъ, хоть-бы поскорѣй прибралъ его Богъ. Третій годъ не встаетъ съ постели, дадутъ ежели поѣсть — поѣстъ; нѣтъ — ему все равно — не спроситъ.

И вѣдь это, Ѳекла Ѳедосѣвна, дивное дѣло: ума-бы, кажется, у него совсѣмъ нѣтъ, потому, говоритъ все это несообразно, платье на себѣ рветъ, пѣсни поетъ, а какъ посты всѣ знаетъ, праздники.... уму непостижимо! Сестра Домна когда это спроситъ: Демьяша, какой нынче праздникъ — сейчасъ скажетъ.

Бабушка.

Да онъ у васъ, должно, блаженный.

Анна Петровна.

Богъ его знаетъ.

(Входитъ Смъсовъ).

Бабушка.

Послушай-ко, Еремей Терентьичъ, что Аннушка про племянника разсказываетъ.

Смѣсовъ.

Слушать-то нечего, знаемъ! Уморили парня, да теперь разговариваютъ.

Анна Петровна.

Чѣмъ мы его уморили-то?

Смѣсовъ.

Молчи лучше! Скажу—стыдно будетъ.

Анна Петровна.

Сестра Домна....

Смѣсовъ.

Расказнить надо твою сестру Домну-то!

Анна Петровна.

Да коли-бы ежели въ тѣ поры не она....

Смѣсовъ.

Всѣхъ она васъ послѣ родителя-то оболванила. Который отъ покойника Петра Савича капиталъ-то остался—гдѣ онъ? Сколько страму-то было, — помнишь, аль нѣтъ? Все быть барыней хотѣлось, эниральшей! Хоть-бы теперь, дура, грѣхъ-то прикрыла.... не молоденькая!...

Анна Петровна.

Не намъ судить.

Смѣсовъ.

Нѣтъ, намъ судить. Срамъ! Вамъ теперь ѣсть, поди, нечего, а она въ колясках разъѣзжаетъ. Надо полагать, парень отъ ея безобразія-то и помутился. Помутишься! Жилъ, можно сказать, въ довольствѣ, да въ роскоши, къ наукѣ себя приспособить хотѣлъ; а опосля покойника вы его на кухню прогнали.

Анна Петровна.

Что-жъ, коли мы въ бѣдность произошли....

Смѣсовъ.

Учить-то ее не кому! Намедни, говорятъ, съ сожителемъ-то своимъ въ Марьиной такой кранболь сдѣлали, что люба два! Всѣ съ фонарями оттеда́ пріѣхали.

Бабушка.

Ну, Богъ съ ней! Она въ грѣхѣ, она и въ отвѣтѣ.

Смѣсовъ.

Да парня-то жалко. Ты-бы, бабушка, туда пошла. Скоро, чай, пріѣдутъ.

Бабушка.

Пойдемъ, Аннушка.

(Всѣ уходятъ; входятъ Вѣрочка и Душа).

Душа.

Ты знаешь, Вѣрочка, отчего у насъ такъ въ залѣ убрано?

Вѣрочка.

Нѣтъ, не знаю.

Душа.

Меня сватаютъ.

Вѣрочка.

Что-жъ, это дѣло хорошее.

Душа.

Мнѣ очень совѣстно!...

Вѣрочка.

Тутъ нечего совѣсть наблюдать, а вышла поскорѣй и конецъ....

Душа.

Страшно на первый-то разъ.

Вѣрочка.

Смотрѣть, что-ли пріѣдетъ?

Душа.

Ждутъ.

Вѣрочка

Меня четыре раза смотрѣли, я тебя научу, тутъ важности большой нѣтъ; другое дѣло, когда подъ вѣнецъ везутъ — тутъ совсѣмъ другія чувства нужно, а это очень просто. Онъ благородный?

Душа.

Нѣтъ, купецъ.

Вѣрочка.

Что-жъ, съ купцомъ особенной и политики не нужно. Не смотри ему только въ глаза, чтобъ не зазнавался.

Душа.

А ну какъ онъ говорить будетъ?

Вѣрочка.

Они не говорятъ. Онъ только вопьется въ тебя глазами....

Душа.

Ужасно конфузно!

Вѣрочка.

Это съ непривычки.

Душа.

А чтѣ ты думала, Вѣрочка, когда тебя смотрѣли?

Вѣрочка.

Извѣстно, все разное думала.... обо всемъ. Только ко мнѣ все нехорошiе сватались; а одинъ такъ пьяный прiѣхалъ, все цаловаться лѣзъ, насилу выжили.

Кухарка *(въ попыхахъ)*.

Барышня, приготовься, матушка, оправься!... Вѣра Митривна, обдерни ей платье-то.... Ѣдутъ!.... *(убѣгаетъ)*.

(Входятъ Смѣсовъ, Дарья Ивановна, Бабушка).

Дарья Ивановна.

Готова-ли ты?

Душа.

Готова, маменька.

Бабушка *(плачетъ)*.

Твори молитву.... читай про себя молитву.

Душа.

Лучше бы, Вѣрочка, въ другой разъ.....

Вѣрочка.

Не бойся....

(Входятъ: Иванъ Гавриловичъ, молодой человѣкъ, въ голубыхъ брюкахъ съ лампасами, въ палевомъ жилетѣ и пестромъ галстухѣ; Гаврила Прокофьичъ, его отецъ, лѣтъ подъ 60; Домна Семеновна его мать, въ повязкѣ).

(Продолжительное молчаніе).

Гаврила Прокофьичъ.

Ѣхали мимо....

Смѣсовъ.

Благодаримъ покорно, что не побрезговали.

Домна Семеновна *(сыну тихо).*

Смотри, тебѣ съ ней жить-то....

Иванъ Гавриловичъ.

Понимаю, маменька.

(Смѣсовъ подноситъ вино къ Гаврилѣ Прокофьичу; тотъ пьетъ и откланивается; потомъ къ Домнѣ Семеновнѣ).

Домна Семеновна *(остраняя рукой рюмку).*

Благодаримъ покорно!

Смѣсовъ.

Это легкое-съ.

Домна Семеновна.

Развѣ что легкое.... *(отпиваетъ половину рюмки).*

Дарья Ивановна *(поспѣшно).*

Всю, всю, всю-съ.... (*Домна Семеновна допиваетъ*).

(Смѣсовъ передаетъ рюмку Душѣ, та подноситъ жениху).

Иванъ Гавриловичъ.

Сдѣлайте ваше одолженіе, увольте великодушно—не употребляю.

Дарья Ивановна.

Нѣтъ, ужъ выкушайте!

Иванъ Гавриловичъ.

Ей-Богу, не могу!

Смѣсовъ.

Нѣтъ, ужъ вы сдѣлайте милость.

Домна Семеновна.

Онъ еще у насъ не набалованъ.

(Иванъ Гавриловичъ беретъ рюмку и пьетъ; кухарка приноситъ самоваръ; Душа обноситъ всѣхъ чаемъ; продолжительное молчаніе).

Гаврила Прокофьичъ.

Это у васъ какое производство?

Смѣсовъ.

Фабричку небольшую держимъ. *(Молчаніе).*

Домна Семеновна.

Варенье-то сами варите, аль покупаете?

Дарья Ивановна.

Сами. *(Молчаніе).*

Иванъ Гавриловичъ *(подходитъ къ канвовой картинкѣ).*

Это вы изволили эту самую кошечку вышивать?

Душа *(вся вспыхнувъ).*

Я.

Иванъ Гавриловичъ.

Сами?

Душа.

Сама.

Иванъ Гавриловичъ.

Это вы какъ изволили вышивать — изъ головы, аль съ картинки какой-съ?

Душа.

Съ узора.

Кухарка *(въ дверяхъ).*

За экимъ кавалеромъ никому не стыдно быть... Ишь ты!... На что лучше!...

(Душа отходитъ съ Вѣрочкой въ сторону).

Бабушка *(тихо).*

Поди, стой на глазахъ.... Куда ушла-то?

Вѣрочка.

Ей дурно.

Бабушка.

Отчего, матушка?

Вѣрочка.

Разумѣется, отъ воображенія.

(Смѣсовъ и Дарья Ивановна подходятъ къ дочери).

Гаврила Прокофьичъ.

Ну что, какъ на твои глаза?

Иванъ Гавриловичъ.

На все есть воля ваша, тятенька, а мнѣ лучше не требуется; это вы совсѣмъ по моимъ чувствамъ потрафили — какъ насчетъ разговору и насчетъ всего-съ.

Гаврила Прокофьичъ.

Мать, какъ дѣла?

Домна Семеновна.

Что-жъ я съ него воли не снимаю. Коли ему по нраву пришла, я дамъ свое благословеніе... Потолще-бы маленько... виднѣй-бы была.

Иванъ Гавриловичъ.

Въ толстыхъ-то, маменька, тоже большаго проку нѣтъ-съ...

Домна Семеновна.

Какъ хотите съ отцомъ.... мнѣ все равно....

(Всѣ встаютъ).

Гаврила Прокофьичъ.

Прощенья просимъ. Заѣзжайте, потолкуемъ. *(Отводитъ Смѣсова въ сторону).* Объявите, что нашему сыну очненно ваша барышня понравилась. А тамъ насчетъ росписи у насъ разговоръ будетъ....

(Всѣ уходятъ).

Вѣрочка.

Что, Душа, понравился?

Душа *(покраснѣвъ).*

Еще не знаю.

Бабушка.

Это опосля все узнаешь.

II.

СГОВОРЪ.

(Въ конюшнѣ).

Макаръ—кучеръ жениха; Ѳедосѣй—кучеръ Смѣсова.

Макаръ *(входя).*

Честь имѣемъ поздравить!

Ѳедосѣй.

Благодаримъ покорно.

Макаръ.

Закрутили вы нашего Ивана Гаврилыча!

Ѳедосѣй.

Это дѣло хорошее, дай Богъ всякому.

Макаръ.

Значитъ, мы съ имъ таперича будемъ жить какъ должнѳ.

Ѳедосѣй.

Да, ужъ баластво всякое надоть бросить, потому мы вамъ такую кралю отдаемъ—энаралу не стыдно.

Макаръ

Нашему Гаврилѣ Прокофьичу все одно, ему — главная причина — насчетъ денегъ, — а что на этихъ краль мы не смотримъ.... Сватали ужъ намъ всякихъ.

Ѳедосѣй.

Пожалуй, другая и съ большими деньгами, да что въ ней!... Вонъ у Сизова дочь....

Макаръ.

Знаемъ; мы и къ ней сватались. Иванъ Гаврилычъ въ тѣ

поры отъ ней въ бѣгахъ находился, въ Грузинахъ проживалъ. Дѣло-то до графа доходило, графъ ужъ имъ разделюцію сдѣлалъ. Вы меня, говоритъ, тятенька, хоть на поселенье сошлите, а ужъ на этой вашей невѣстѣ я жениться не согласенъ. Такъ ужъ онъ его точилъ, точилъ.... цѣлый годъ въ деревнѣ на фабрикѣ держалъ.

Ѳедосѣй.

Ишь онъ у васъ какой!

Макаръ.

Бѣдовый! Онъ только кажется-то подхалимомъ, а блажной старикъ. *(Молчаніе).* Старше-то вотъ сталъ тише, а то, бывало, что дѣлалъ — страсть! Стекла, посуду въ трактирѣ перебьетъ: получай, говоритъ, капиталы за все, что стóитъ, а ндраву моему не препятствуй!... Разъ онъ у насъ безъ вѣсти пропадалъ.

Ѳедосѣй.

Ну!

Макаръ.

Съ нѣмцемъ, съ красильщикомъ, запили, а куда-жъ ихъ чортъ, съ пьяныхъ-то глазъ, дернулъ?—въ Ростовъ уѣхали, да двѣ недѣли тамъ и хороводились. Бабушка выручать ѣздила, обманомъ его оттеда въ пустынь увезла, тамъ только очувствовался.... Крутой человѣкъ! Съ нѣмцемъ это они разъ было домъ сожгли. Тотъ ему, болтали тогда, какую-то химію показывалъ. А мадамъ у нѣмца жила молоденькая, при дѣтяхъ былъ приставлена насчетъ науки, такъ та захворала

со страху: я, говоритъ, такихъ людей съ роду не видывала. *(Молчаніе)*. Коли ежели за нимъ не усмотрятъ, онъ и нонѣ какое ни на есть колѣно выкинетъ, ужъ онъ это разрѣшеніе себѣ сдѣлаетъ... Сына женитъ—нельзя.

Өедосѣй.

Ну, а теперича съ Иваномъ-то Гаврилычемъ они въ ладахъ, аль нѣтъ?

Макаръ.

Простилъ. Батюшка, сказываютъ, на духу уговорилъ. Сама ѣздила, батюшку просила.

Өедосѣй

Вы вчера съ хозяйкой къ ворожеѣ ѣздили, такъ не насчетъ-ли этихъ дѣловъ она гадала. Куфарка сказывала, что хозяйкѣ не совсѣмъ ладно вышло....

Макаръ.

Объ немъ, это вѣрно.

Өедосѣй

По твоимъ рѣчамъ, надо полагать, такъ. Пойти велѣть дворнику ворота запереть, а то лишняго народа много наберется.

Макаръ

Это ничего, пущай смотрятъ.

Өедосѣй.

А что, въ самомъ дѣлѣ, пущай смотрятъ.

Макаръ.

Ужъ это вездѣ такіе порядки.

Өедосѣй.

Ну, ладно.

Небольшая комната, оклеенная желтыми обоями. Душа и Иванъ Гавриловичъ сидятъ на диванѣ.

Душа.

А послѣ сговора вы къ намъ каждый день будете ѣздить?

Иванъ Гавриловичъ.

Не токма что каждый день, а коли-бы, ежели какая возможность была, я-бы совсѣмъ отъ васъ не поѣхалъ.

Душа.

Скажите мнѣ откровенно: вы въ меня очень влюблены?

Иванъ Гавриловичъ.

Какое-жъ въ этомъ есть сумнѣніе? Поэтому самому я и жениться на васъ хочу. *(Цалуются. Продолжительное молчаніе).*

Душа.

Можетъ быть, съ вашей стороны это только одинъ разговоръ, а на умѣ вы совсѣмъ другое держите.

Иванъ Гавриловичъ.

Я только одно въ умѣ содержу: поскорѣй-бы мнѣ отъ тятеньки на свою волю выдти. Ежели я буду жить самъ по себѣ, тогда совсѣмъ другая статья будетъ. А то какъ раздумаешься иной разъ и выходитъ, что я самый несчастный человѣкъ въ своей жизни. Вы, можетъ, по вашимъ чувствамъ ко мнѣ, не видите въ какой меня строгости тятенька содер-

житъ. Давеча я папироску закурилъ, кажется, ничего тутъ нѣтъ такова, особеннаго, а ужъ онъ косится, и долженъ я этотъ взглядъ понимать, къ чему онъ клонитъ.... а клонитъ онъ къ тому, что это имъ не нравится, что я папироску закурилъ. Ну, я и бросилъ, сдѣлалъ имъ это удовольствіе. *(Молчаніе).*

Душа.

А вы прежде были влюблены?

Иванъ Гавриловичъ.

При этакой жизни, какая тутъ любовь, больше все худое на умъ идетъ. Иной разъ и не хотѣлъ-бы чего сдѣлать, и противно-бы, кажется, а дѣлаешь, потому самому, что грустно,—думаешь—легче будетъ. А женить-то меня давно собирались; невѣстъ-то мы штукъ шесть пересмотрѣли: то самому не понравится, то самой не приглянется. Самъ-то больше насчетъ денегъ — чуть что — и конецъ!... а сама, — Богъ ее знаетъ, чего хочетъ. Спросишь, бывало: что, маменька, какъ? Боюсь, говоритъ, почитать, пожалуй меня, не будетъ. Шабашъ! Другую, значитъ, надо смотрѣть. Когда мы къ вамъ-то пріѣхали, я и говорить-то ничего не могъ, боялся, что вы имъ не понравитесь.

Душа.

А если-бы я имъ не понравилась, что-бы вы сдѣлали? *(Входятъ Смѣсова и Марья Ивановна, чиновница).*

Душа.

Ахъ, маменька, вы помѣшали нашему разговору.

Смѣсова.

Говорите, миленькіе, говорите.

Душа.

Нѣтъ, ужъ мы послѣ окончимъ, а теперь лучше пойдемъ въ залу.

Марья Ивановна.

Объ любви, чай, больше толкуете?

Иванъ Гавриловичъ *(смѣется)*.

И объ любви, и обо всемъ-съ.

Марья Ивановна.

Ужъ, извѣстно, у жениха съ невѣстой другова разговору и быть не можетъ.

Душа.

Мало-ли есть разнаго разговору...

Марья Ивановна.

Нѣтъ ужъ, Авдотья Еремевна, вы меня извините, а я очень хорошо понимаю ваше положеніе: я вѣдь тоже за-мужъ выходила.

Душа.

Это вы по себѣ судите, а я про любовь совсѣмъ напротивъ понимаю.

Смѣсова.

Что тутъ понимать-то? Понимать-то нечего.... пустяки-то... А ты молись Богу, чтобы Богъ далъ счастья.... *(плачетъ)*.

Иванъ Гавриловичъ.

Это, маменька, первое дѣло!

Марья Ивановна.

Первое дѣло!

Душа.

Пойдемте въ залу *(уходитъ съ Иваномъ Гавриловичемъ)*.

Марья Ивановна.

Что это вы такія нынче грустныя?

Смѣсова.

Будешь грустная, какъ....

Марья Ивановна *(съ любопытствомъ)*.

Слухи развѣ какіе есть?

Смѣсова

Слуховъ, слава Богу, никакихъ нѣтъ, а вотъ ворожея меня больно обезкуражила, и сама теперь не рада, что поѣхала къ ней—и грѣхъ вѣдь это....

Марья Ивановна.

Да вы не безпокойтесь, вѣдь онѣ больше врутъ.

Смѣсова.

Богъ ее знаетъ.... все-таки думается. Слово она одно сказала, да такое что-то...

Марья Ивановна.

Вы завтра молебенъ отслужите.

Оффиціантъ *(въ дверяхъ)*.

Пожалуйте, сударыня, въ залу.

Марья Ивановна.

А вы не безпокойтесь; можетъ, это и такъ пройдетъ *(уходятъ)*.

Зала; на стѣнѣ два портрета — хозяина и хозяйки. У хозяина въ правой рукѣ книжка, а большой палецъ лѣвой руки заложенъ за пуговицу; хозяйка на колѣняхъ держитъ ребенка, у котораго въ рукахъ розанъ. По портрету нельзя узнать — къ какому полу принадлежитъ ребенокъ. На-право въ углу играютъ въ трынку, на-лѣво — въ преферансъ. Вдоль стѣны сидятъ гости, больше дамы; барышни, обнявшись, расхаживаютъ по залѣ. У дверей оффиціанты. Въ окнахъ виднѣются головы и приплюснутые носы смотрящихъ.

Молодой человѣкъ съ пробоомъ назади.

Прикажете кадрель?

Барышня въ палевомъ платьѣ.

Если вамъ угодно, такъ отчего-же... можно.

Молодой человѣкъ съ проборомъ назади.

По-крайней-мѣрѣ, препровожденіе времени....

Очень молодой человѣкъ въ пестрыхъ брюкахъ, *(къ музыкантамъ).*

Французскую кадрель изъ русскихъ пѣсенъ!

1-я гостья

Не люблю я этихъ танцевъ, ничего нѣтъ хорошаго. *(Уходитъ; за ней слѣдуютъ еще двѣ-три гостьи; входятъ Иванъ Гавриловичъ и Душа).*

Иванъ Гавриловичъ *(съ безпокойствомъ).*

Что, маменька?

Домна Семеновна.

Кажется еще ничего... да нешто за нимъ усмотришь!

(Становятся пары, начинается кадриль. Во время второй фигуры; въ дверяхъ показывается Гаврила Прокофьевичъ).

Гаврила Прокофьевичъ *(къ оффиціанту).*

Шпунту-бы ты мнѣ еще далъ.

Оффиціантъ.

Слушаю-съ.

Иванъ Гавриловичъ.

Вамъ-бы, кажется, тятенька, довольно.

Гаврила Прокофьевичъ (*строго*).

Молчать — твое дѣло.

Иванъ Гавриловичъ.

Да мнѣ Богъ съ вами! Кушайте сколько хотите, развѣ жалко что-ли,—срамъ только.

Гаврила Прокофьевичъ.

Никто мнѣ указывать не можетъ!

Очень молодой человѣкъ въ пестрыхъ брюкахъ.

Нѣтъ, ужъ сдѣлайте одолженіе, отъ шестой фигуры меня увольте.

Гаврила Прокофьевичъ.

Постой, я стану. *(Всѣ смѣются).*

Одинъ изъ гостей.

Нѣтъ, ты не мѣшай; мы съ тобой опосля.

Оффиціантъ.

Пуншу приказывали.

Гаврила Прокофьевичъ

Спасибо тебѣ, другъ великій! Поцалуй меня. *(Обнимаетъ оффиціанта).*

Домна Семеновна.

Шелъ-бы ты лучше на улицу, не срамился-бы здѣсь.

Гаврила Прокофьевичъ.

Это не твоего дѣла ума!

Домна Ивановна.

Да что—ума!... До ужина не дотерпѣлъ...

Гаврила Прокофьевичъ.

За ужиномъ это само по себѣ. А ты молчи, коли я не приказываю! *(Уходитъ).*

(Бабушка входитъ и говоритъ что-то гостьямъ на ухо; всѣ одна за другой выходятъ; кадриль конченъ).

Молодой человѣкъ съ проборомъ назади (*оффиціанту*).

Куда это всѣ идутъ?

Оффиціантъ.

Должно быть, закуску въ спальню пронесли. Дамамъ все больше въ спальню подаемъ, потому по купечеству есть которыя водку кушаютъ, ну такъ на виду-то не хорошо. Вы, значитъ, еще порядковъ здѣшнихъ не знаете.

Смѣсова (*входитъ*).

Вы-бы, барышни, повеличали теперь жениха съ невѣстой.

Оффиціантъ (*тихо Ивану Гавриловичу*).

Пожалуйте, сударь, уймите родителя-то. На дворѣ съ народомъ бушуетъ. Пляски затѣялъ—всѣ смѣются!...

Иванъ Гавриловичъ.

Господи, что-же это такое! Маменька, пожалуйте!

Домна Семеновна.

Что съ тобой, что ты?

Иванъ Гавриловичъ.

Самъ загулялъ. (*Бѣгутъ*).

(Въ конюшнѣ).

Ѳедосѣй.

Макаръ, вставай скорѣй....

Макаръ (*просыпаясь*).

Подавать что-ли?

Ѳедосѣй.

Хозяинъ твой....

Макаръ.

Стекла бьетъ?

Ѳедосѣй.

Нѣтъ, на дворѣ въ присядку дѣйствуетъ.

СЪ ЛЕГКОЙ РУКИ.

Разсказъ извощика.

— На троичкѣ, ваше сіятельство, прокатилъ-бы... По первопутку-то теперь чудесно!...

— Къ Сергію.

— Можно-съ. Взадъ—назадъ? Долго-ли тамъ пробудете?

— Часа три.

— А откеда васъ взять-то?

— Да вотъ сейчасъ и поѣдемъ.

— Десять рубликовъ положьте.

— Ужли, сударь, на эфтой тройкѣ поѣдите?

— Молчи, желтоглазый! На твоей что-ли ѣхать?... Развѣ у тебя лошади!...

— Далеча-ли ѣхать-то? Пожалуйте, мы на графскихъ доставимъ.

— Полно трепаться-то, дьяволъ! Пожалуйте, ваше сіятельство!...

— Со мной, ваше сіятельство!...

— За шесть рубликовъ доставлю, ваше сіятельство.

— Со мной пожалуйте.... съ первымъ. Покрайности заслужу вашей милости.

— Садись.

— Покорми дорогой-то.

— Всю Расею не кормя проѣдемъ. Микитка, поправь шлею-то... съ Богомъ!... Эхъ вы, милыя, дѣйствуй!...

— А ты—веселый.

— Я, ваше сіятельство, блажной!

— Какъ блажной?

— Такъ. Коли ежели который мнѣ баринъ пондравится—цѣну собью, а ужъ его повезу... въ убытокъ, значитъ... Обиждаются на меня на биржѣ-то, да ничего не подѣлаешь,—ндравъ у меня такой.

— А у тебя своя тройка?

— Собственная. У насъ заведенье свое... съ дядей мы пять троекъ держимъ.

— Славныя лошади.

— Бѣдовыя! Коли ежели кто охотникъ, садись теперича на эту самую тройку, да скажи: Локтевъ, дѣлай! — Ну и молись Богу! Птица! Намедни въ Колпино энарала возилъ—очченно онъ одобрялъ. Этой-бы тройкѣ, говоритъ, на моей энирадьской конюшнѣ стоять, а не мужику владать ей.

— А ты водку пьешь?

— Нѣтъ, Богъ миловалъ, не пью. Господа ежели когда хорошенькимъ угощаютъ, ну, не брезгую.

— Какое-же это хорошенькое-то?

— Мадера тамъ что-ли... какъ она у ихъ прозывается...

— А мадеру любишь?

— Люблю. Купцовъ когда трафится возить съ дамочками, ежели заслужишь—угощаютъ...

— А купцы все съ дамочками ѣздятъ?

— И купцы, и офицеры... Кто-жъ съ ними не ѣздитъ... Баловниковъ тоже по Питеру-то много; только, ваше сіятельство, супротивъ прежнихъ годовъ, насчетъ этого тише стало...

— Отчего-же?

— Такъ ужъ, значитъ... времена такія подошли. А бывало тысячи на Средней Рогаткѣ проживали. Отецъ-покойникъ разсказывалъ...

— А у тебя померъ отецъ?

— Замерзъ. Зашибался онъ. Повезъ купца одного въ Красненькой, и все съ имъ это они пили... Купецъ вѣдь, ежели онъ пьяный, нашимъ братомъ не гнушается—садись съ нимъ вмѣстѣ и все это... денегъ ежели у его попросить, хоть умирай, не дастъ, а насчетъ пьянства — первый ты ему благопріятель.

— А ты почему знаешь?

— Какъ намъ, ваше сіятельство, не знать. Десятый годъ ѣзжу, видалъ народу-то всякаго; опять-же и отъ своего брата слышишь... На нашемъ дворѣ стоитъ Ванька, Талицкой онъ прозывается.

— Лихачъ?

— Лихачъ, ваше сіятельство! Такой-то сорванецъ, какъ есть оглашенный! Купчиху одну онъ все возилъ, такъ та, за его услугу, лошадь ему подарила; теперича, можетъ, первый извощикъ сталъ по всему Питеру.

— Что-же онъ?

— Инный разъ пойдетъ это свои оказіи разсказывать... страсть! Онъ такъ съ обнаковеннымъ человѣкомъ и не поѣдетъ—у его все знакомые; онъ и на биржу-то выѣзжаетъ такъ, чтобы побатвить только.

— Про что-же онъ разсказываетъ?

— Про разное...

— Да онъ вретъ, можетъ.

— Чтожъ ему врать — врать ему нечего.

— И деньги у него есть?

— Большія.

— А у тебя, чай, тоже денегъ-то много?

— Какія у насъ, сударь, деньги—изъ-за хлѣба на квасъ выручаемъ. Это кому счастье, а нашему брату Богъ-бы привелъ коё-какъ, да кде-какъ... Опять-же эти деньги... грѣха отъ их очень много.

— Отчего-же?

— Какъ, сударь, отчего?—Баловства съ ими много. Теперича все стараешься все-бы какъ лучше; а какъ есть у тебя въ мошнѣ — ни объ чемъ тебѣ не думается, все

наровишь какъ-бы въ трактиръ, да какъ-бы что хуже еще....

— А ты женатый?

— Женатый. Да вѣдь какъ попадетъ въ голову-то, сударь, самъ съ собой не сообразишь. Нашъ братъ, извѣстно— дуракъ: коли ежели пьянъ напился, такъ ему все одно. Озарниковъ тоже много по нашей части. Эхъ вы, голубчики... дѣлай!... Ухъ тю лю лю!... Фі —у!...

«Ужъ какъ за недѣлюшку
«Ахъ да сердце чуяло...»

— Не пой: горло простудишь.

— Мы, ваше сіятельство, простуды не имѣемъ... это у насъ безъ сумлѣнія.

«Оно бѣду слышало...»

Держи правѣй-то!... Держи, лѣшій... заснулъ!... Экой обломъ!... Не по чугункѣ ѣдешь.

— Что ты лаешься-то! Аль тебѣ дороги-то мало?!...

— Мало!... Эхъ молодчики!... Барышня эта, сударь, съ офицеромъ... что сейчасъ-то насъ опередила...

— Что-же?

— Моя знакомая... Я и тетеньку ея знаю... Она и сейчасъ въ нѣмкахъ въ Средней Мѣщанской живетъ... въ ключницахъ у мадамы...

— А почемъ ты знаешь?

— Я-то? хмъ!.. Я знаю... Я съ ихней милостью ѣзжалъ.

Первый сортъ барыня... обходительная... два серебромъ завсегда на чай даетъ.

— Очень ужъ много.

— Чтожъ, деньги у ей вольныя. Скажетъ своему барину: — душенька, требуется мнѣ, хошь-бы, напримѣръ, сто рублевъ.. хошь сто, хошь двѣсти... ну и, значитъ, получай... отказу ей нѣтъ. Силу она надъ имъ большую имѣетъ.

— Надъ бариномъ?

— Да, надъ старикомъ-то.

— А онъ старикъ?

— Старикъ ужъ древній... пять домовъ у его здѣсь... Чинами его всякими жалуютъ... ужъ очненно богатый... А насчетъ гульбы какой!.. Даромъ что старый, молодой супротивъ его не можетъ потрафить, потому онъ два разъ на войнѣ былъ... на страженьи.

— Такъ гулять любитъ?

— Шибко! Какъ закатится это когда къ цыганкамъ, али съ мадамами къ Дюсё: хочу, говоритъ, я, чтобы всѣ чувствовали, чтó я есть за человѣкъ на семъ свѣтѣ: требуй кому чтó желается — за все плачу. А мадамы эти, вѣстимо.... другой и вся цѣна-то грошъ, а сама себя за барыню почитаетъ, ну и требоваетъ.

— Такъ ты почему эту барыню-то знаешь, что проѣхала-то?..

— Да это вотъ какъ, сударь: годовъ десять назадъ, зи-

мою дѣло было, только что дорога стала. Выѣхалъ я на биржу, да и думаю — Богъ-бы привелъ починъ сдѣлать. Извѣстно, тройка — не одиночка, инный разъ и недѣлю такъ простоишь. Такъ этакъ въ вечерни, идетъ баринъ, — высокой такой, — можетъ и купецъ, а по-нашему, извѣстно, всякаго бариномъ обзываешь. Тройку, говоритъ, нужно. Далеча-ли ѣхать? говорю. Куда, говоритъ, прикажу. Мы, говорю, такъ не можемъ, а куда вашей милости угодно — вы скажите. Осерчалъ. Я, говоритъ, съ тобой, дуракомъ, вниманію не хочу имѣть говорить-то. Помилуйте, говорю, сударь, у насъ дѣло любовное: угодно вашей милости — повеземъ; а коли ежели неугодно — на биржѣ стоять будемъ. — Я, говоритъ, куда разсужу, туда и поѣду. Такъ на часы прикажите ѣхать. Ладно, говоритъ: — въ 7 часовъ, будь, братецъ, въ Гороховой. стой на углу у Краснаго моста. Далъ задатокъ, посмотрѣлъ нумеръ — ушелъ. Въ семомъ часу я пріѣхалъ. Такъ этакъ черезъ полчаса, идетъ мой баринъ, — надо быть купецъ по обличью-то. Стань, говоритъ, къ сторонкѣ, и какъ я сейчасъ сяду, такъ ты и пошелъ на Красненькій. Вышли это двѣ барыни, — одна толстая такая, а другая молоденькая. Промежъ себя долго это они говорили; толстая взяла ее за ручку и ведетъ къ санямъ. Та говоритъ: — хоша вы меня, говоритъ, убейте, а я не поѣду. А баринъ-то ей: отчего-жъ вы, говоритъ, съ вашей тетенькой ѣхать не желаете? Это, говоритъ, имъ будетъ даже очненно обидно. Мы, говоритъ, только прокатимся, по той причинѣ, что теперича очненно прекрасно,

погода, говоритъ, чудесная. — Тетка ей сейчасъ по-нѣмецкому, та ей тоже по-нѣмецкому, а сама въ слезы; а баринъ-то, должно, по-ихнему-то не умѣетъ, стоитъ, словно-бы статуй какой. Поговорили, поговорили — сѣли. Баринъ-то сѣлъ съ молоденькой, а тетку посадили насупротивъ. Пошелъ! Старайся, говоритъ: три серебра, коли хорошо сдѣлаешь. А дамочка ко мнѣ это: — тише, говоритъ, шагомъ ступай; я, говоритъ, боюсь. Ладно, думаю: три серебра посулили... Подобралъ возжи-то, да какъ пустилъ голубчиковъ-то... Взвейся выше, понесися! Что тамъ они промежъ себя говорили, про какія такія дѣла—Господь ихъ знаетъ. Доставилъ. Тетка это съ купцомъ вышла, а барышня моя сидитъ. Вы, говоритъ, собственно, меня, тетенька, передъ людьми страмить хотите! Я, говоритъ, этого не желаю и управу на васъ завсегда найду. Коли-бы ежели, говоритъ, человѣкъ мнѣ ндравился, то никто мнѣ препятствовать не можетъ, а что я, говоритъ, не согласна. А тетка ей что-то по ихнему сказала: — пошли. Часу до четвертаго я ждалъ.

— А скучно дожидаться-то?

— Нѣтъ, мы къ этому привычны — ничего... то тебѣ дремлется, то думается.

— Объ чемъ думается?

— Все на счетъ своихъ дѣловъ: какъ-бы, значитъ, все лучше произойти, да чтобы, напримѣръ, супротивъ своего брата не остримиться... Вѣстимо, что по нашей части, то и думаешь.

Поѣхали мы назадъ-то, нѣмка, подгулявши, должно, была, — всю дорогу пѣсни пѣла, а барышня все плакала, и такъ это она чувствительно плакала, ровно-бы вотъ у нея мамынька родная померла. Оченно ужъ мнѣ ее жаль стало...

— А купецъ-то?

— Купецъ что?—купецъ ничего. Сѣлъ на козлы, подобралъ возжи: — самъ, говоритъ, хочу надъ твоей тройкой хозяйствовать. Пристяжную замучилъ, три четвертныхъ отдалъ, слова не сказалъ. — Только, сударь, годовъ ужъ шесть прошло. Въ Петергофъ я господъ возилъ, зимой тоже, и дамочки съ ими были. Вышли они изъ гостинницы-то, а я стою у подъѣзда, трубку курю.

— А ты куришь?

— Балую; давно ужъ этому обучился. Дядя оченно за это ругается, да ничего не подѣлаешь. Курю это я трубку-то, а дамочка и говоритъ одному господину: этого, говоритъ, извощика, я даже оченно хорошо знаю. Почемъ ты, говоритъ, миленькая, его знаешь? А потому, говоритъ, я его знаю, что Гавриломъ его зовутъ. Точно-ли, говоритъ? Вѣрно, такъ. Господинъ сейчасъ ко мнѣ: — вотъ, говоритъ, братецъ, барыня эта тебя знаетъ. Не могу, говорю, знать, ваше благородіе, потому мы господъ возимъ оченно много. А она сейчасъ: а помнишь, говоритъ... Тутъ я ее и призналъ. Дай, говоритъ, ему, душенька, три серебра на чай, потому, я съ его легкой руки жить пошла. Господинъ мнѣ сейчасъ и отдалъ.

— А старика-то ея ты почемъ знаешь?

— Въ запрошломъ году всю зиму съ имъ ѣздилъ...

— Налѣво остановись.

— Слушаю, ваше сіятельство.. Тпрру! Замаялъ тройку-то... Дорога-то больно... На чаекъ-бы съ вашей милости... Заслужилъ...

ДОМАШНІЯ СЦЕНЫ.

ЛИЦА:

ЕЛИЗАВЕТА ЯКОВЛЕВНА, барыня средней руки.

СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ, ея племянникъ, лѣтъ 17-ти, воспитывается въ пансіонѣ Штрикъ, огромнаго роста, лицо все въ угряхъ.

АСТРОВЗОРОВЪ, знакомый Елизаветы Яковлевны, толстый мужчина, съ бородой, говоритъ протяжно на *о*; въ разговорѣ разглаживаетъ бороду и возводитъ глаза въ потолокъ.

МАКАРКА—15-ти л. } слуги Елизаветы Яковлевны.
ГРИГОРІЙ—40 лѣтъ. }

ГЛѢБЪ ТИМОФѢЕВЪ, кучеръ.

СТОРОЖЪ изъ пансіона.

ВЪ ПЕРЕДНЕЙ.

Григорій.

Что, Макарка, въ пинсіёнъ ѣздили, аль нѣтъ?

Макарка.

Какже. Барышню отпустили, а Сергѣя Иваныча не отпущаютъ... проштрафился...

Григорій.

Значитъ, на хлѣбъ — на воду... ха, ха ха!

Макарка.

Надо, думать такъ... Да ужъ ему не въ первой.

Григорій.

Самой-то докладывали?

Макарка.

Гдѣ докладывать!.. нянюшку-то развѣ не знаешь...

Григорій.

А спроситъ?

Макарка.

Ну, спроситъ, тогда доложатъ.

Глѣбъ (*въ дверяхъ*).

А... помѣщики!... Наше вамъ... Сама дома, что-ли?

Макарка.

А что?

Глѣбъ.

Доложите, Григорій Петровичъ, что барышню сдалъ мадамѣ, а Сергѣй Иваныча не отпущаютъ.

Григорій (*смѣясь*).

Плохо, значитъ, просилъ.

Глѣбъ.

Да коли ежели не отпущаютъ—проси не проси, все одно. Говорили ужъ мы съ ундеромъ-то: — невозможно, говоритъ, этого, не можемъ мы, потому, говоритъ, нонѣ строго стало, не тѣ порядки.

Григорій.

А самого-то видѣлъ?

Глѣбъ.

Какже. Высыпало это ихъ на лѣстницу видимо-невидимо — и махонькіе и всякіе, а нашъ-то ото всѣхъ отличаетъ, — всѣхъ, почитай, больше... Тетенька, говорю, кланяться приказала, домой васъ дожидаетъ. Хотѣлъ онъ, должно, что-то говорить, а тутъ нѣмецъ къ имъ вышелъ и разогналъ всѣхъ. Ундеръ говоритъ, вишь, говоритъ, какъ нонѣ у насъ!.. Такъ я и уѣхалъ. Прощайте. (*Уходитъ*).

Григорій.

Теперь, Макарка, держись!

Макарка

А что?

Григорій.

Будетъ тебѣ!

Макарка.

Я этому непричиненъ.

Григорій.

Задастъ она тебѣ!... Покажетъ, какъ съ бариномъ синицъ ловить!.. Онъ долженъ въ рехметику вникать, доходить до всего, а вы съ синицами.... Постой!... (*Слышенъ звонокъ; Макарка стремглавъ бѣжитъ къ двери: входитъ Сергѣй Ивановичъ).*

Сережа

Тетенька уѣхала?

Григорій.

Никакъ нѣтъ-съ, дома.

Сережа.

Который часъ?

Макарка.

Восемь било.

Сережа.

Никого у насъ нѣтъ?

Григорій.

Степанъ Полуэхтычъ сидитъ.

Сережа *(выходитъ на улицу и быстро возвращается).*

Не спрашивали меня?

Григорій.

Сейчасъ хотѣли идти докладывать.

Сережа *(въ волненіи).*

Объ чемъ?

Макарка.

Глѣбъ Тимоѳеичъ сказалъ, что васъ не отпущаютъ.... *(ухмыляется).*

Сережа.

Вретъ онъ! Вотъ что, Макарка... *(говоритъ ему что-то на ухо).*

Макарка.

Никакъ нѣтъ-съ.

Сережа.

Поди достань *(тихо).* Няня дома?

Григорій.

У всюношной.

Сережа (*Макаркѣ*).

У Петровны спроси.

Макарка.

Слушаю-съ. (*Подмигиваетъ лукаво Григорію и уходитъ*).

Сережа.

Нынче, Григорій, что̀ за обѣдомъ было?

Григорій.

Три блюда, съ пирожнымъ—четыре.

Сережа (*охорашивается передъ зеркаломъ*).

Что я блѣденъ?

Григорій (*смотритъ пристально*).

Какъ обнаковенно. (*Молчаніе*).

Сережа.

Гдѣ сидятъ?

Григорій.

Въ зеленой гостиной.

Макарка (*входитъ*).

У Петровны нѣтъ-съ.

Сережа.

Какъ-же быть то?

Макарка (*тихо*).

У Григорья Петровича попросите, онъ дастъ, слова не скажетъ.

Сережа.

Нѣтъ, ужъ я лучше... (*уходитъ въ залу*).

Макарка (*хохочетъ*).

Григорій.

Что смѣешься-то, чортъ!..

Макарка.

Теперь опять карамболь извощикъ подыметъ.

Григорій (*мрачно*).

Опять пріѣхалъ?

Макарка.

Опять!

Григорій.

Что нужно-то?

Макарка.

Полтора цѣлковыхъ, да намедни тоже у Петровны взялъ два... что страму-то было! Нянюшка до самой-то не довела.

Григорій.

Безобразіе!

ВЪ ГОСТИНОЙ.

(*Елизавета Яковлевна и Астровзоровъ сидятъ за чайнымъ столомъ*).

Елизавета Яковлевна.

Что дѣти пріѣхали?

Горничная.

Барышня пріѣхала, а Сергѣй Иваныча не пустили.

Елизавета Яковлевна.

Опять!... Вообразите, Степанъ Полуэхтовичъ, какъ притѣ-

сняютъ ребенка; рѣшительно нѣтъ никакой жалости къ дѣтямъ. Ребенку непремѣнно нуженъ отдыхъ... (*Горничная уходитъ*).

Астровзоровъ.

Можетъ, лѣнится.

Елизавета Яковлевна.

Какое—лѣнится, помилуйте! Извѣстно, ребенокъ... что онъ понимаетъ?

Сережа (*входитъ*).

Елизавета Яковлевна (*съ удивленіемъ*).

Тебя оставили?

Сережа (*цѣлуетъ руку*).

Нѣтъ-съ, это, тетенька, по ошибкѣ.

Елизавета Яковлевна.

Какъ, по ошибкѣ?

Сережа (*смѣло*).

Ей Богу, тетенька, по ошибкѣ. Это Петрова 3-го инспекторъ не велѣлъ отпускать—онъ стекло разбилъ, а надзиратель перемѣшалъ, да меня оставилъ.

Елизавета Яковлевна.

Скажите, какія низости!

Сережа.

Ему выговоръ за это.

Елизавета Яковлевна.

А хорошо-ли ты учился?

Сережа.

Хорошо-съ: во всю недѣлю ни одной двойки, а изъ Закону вчера пять.

Астровзоровъ.

Это прекрасно!

Елизавета Яковлевна.

Покажи Степану Полуэхтовичу билетъ. Вѣдь, этого, батюшка, утаить нельзя; тамъ имъ даютъ каждый разъ такой листокъ, въ которомъ все написано — какъ ребенокъ велъ себя, какъ учился...

Сережа.

Инспекторъ хочетъ намъ каски выхлопотать.

Елизавета Яковлевна (*нетерпѣливо*).

Билетъ-то покажи.

Сережа (*шаритъ въ карманахъ*).

Тетенька, я забылъ-съ.

Елизавета Яковлевна.

Фу, какой ты разсѣянный! Какъ-же это можно?..

Сережа.

Заторопился давеча, да въ спальнѣ и оставилъ.

Астровзоровъ.

Учитесь, Сергѣй Иванычъ, учитесь!... Наука — ключъ къ жизни. Будете хорошо учиться — начальство васъ будетъ любить и тетенька, въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ, коли Господь приведетъ имъ дожить, будетъ имѣть подпору. А какіе нынче классы были?

Сережа.

Нынче легкіе.

Астровзоровъ (*съ усмѣшкою*).

А развѣ и трудные есть?

Сережа.

Какже-съ. Вотъ, напримѣръ, нѣмецкій классъ. Нѣмецъ очень строгъ—всѣмъ единицы ставитъ, такъ, за-напрасно.

Астровзоровъ.

Строги они, это точно, а умный народъ. Теперь, хоть-бы посмотрѣть, эти воздушные шары: страхъ беретъ, какъ можетъ человѣкъ въ безпредѣльную высь подняться. А кто все? — Все нѣмцы.

Елизавета Яковлевна.

Ужъ это они, Степанъ Полуэхтовичъ, такіе отчаянные....

Астровзоровъ.

Конечно, и это можетъ быть.... (*Слышенъ звонокъ; въ дверяхъ показывается Григорій; Сережа быстро бѣжитъ въ переднюю и чрезъ минуту возвращается*).

Елизавета Яковлевна.

Что тамъ такое?

Сережа.

Ничего-съ.

Астровзоровъ.

Ну-съ, такъ какіе-же еще-то трудные классы?

Елизавета Яковлевна.

Да вы его хорошенько, Степанъ Полуэхтовичъ, спросите— вы ученый человѣкъ.

Сережа.

Сегодня изъ исторіи всему классу учитель хотѣлъ по единицѣ поставить.

Астровзоровъ.

За что, любопытствую?

Сережа.

О крестовыхъ походахъ спрашивалъ, да такой вопросъ задалъ....

Астровзоровъ.

Какой-же это вопросъ, любопытно знать?

Сережа.

Почему, говоритъ, крестовые походы не начались столѣтіемъ раньше или столѣтіемъ позже?

Астровзоровъ *(вкрадчиво).*

А почему?

Сережа.

Никто не знаетъ.

Астровзоровъ *(важно).*

Да, это вопросъ трудный. Вотъ, когда вы возмужаете, тогда это само собой придетъ, а теперь нельзя.
(Слышенъ звонокъ; Сережа опрометью бѣжитъ къ двери).

Елизавета Яковлевна.

Да что ты все бѣгаешь, какъ угорѣлый?
(Григорій показывается въ дверяхъ).

Сережа.

Я сейчасъ.

Григорій *(тихо)*.

Воля ваша, сударь, онъ все звонить будетъ.

Елизавета Яковлевна *(оборачиваясь)*.

Что тамъ такое? Кто тамъ все звонитъ?

Сережа *(Григорію)*.

Тссъ!....

Григорій.

Извощикъ дожидаетъ.

Елизавета Яковлевна *(встаётъ)*.

Кого? Что такое?

Григорій.

Сергѣй Иванычъ пріѣхали.

Елизавета Яковлевна *(въ недоумѣніи)*.

Что это значитъ? Забылъ выслать деньги? (*Сережа тупо смотритъ и молчитъ*). Нѣтъ у тебя, что-ли?

Сережа (*шопотомъ*).

Нѣтъ-съ.

Елизавета Яковлевна.

Отчего-жъ ты не спросишь?

Сережа *(послѣ долгаго молчанія)*.

Мнѣ совѣстно было.

Елизавета Яковлевна.

Сколько ему нужно?

Григорій.

Полтора цѣлковыхъ, говоритъ.

Елизавета Яковлевна.

На что-же это полтора цѣлковыхъ?... Стало-быть, ты цѣ-

лый день ѣздилъ, съ утра изъ пансіона ушелъ?... Говори, гдѣ ты былъ?

Сережа.

Ей Богу, тетенька....

Елизавета Яковлевна.

Какъ-же ты могъ проѣздить полтора цѣлковыхъ, когда ты сейчасъ изъ пансіона?

Сережа *(молчитъ)*.

Григорій (*мрачно*).

Цѣлковый у него деньгами брали.

Елизавета Яковлевна.

А, такъ вотъ что!... На что тебѣ деньги? (*Молчаніе*). Да, вѣдь, я отъ тебя не отстану: зачѣмъ ты бралъ деньги?

Астровзоровъ.

Молодой человѣкъ, не хорошо быть скрытнымъ....

Елизавета Яковлевна.

Я, вѣдь, назадъ въ пансіонъ отправлю.

Григорій.

Ундеръ тамъ за ними пришелъ, дожидается; они оттеда безъ спросу ушли.

Елизавета Яковлевна.

Господи, да что-же это такое?... Ты меня убить совсѣмъ хочешь! Я объ тебѣ хлопочу, забочусь, а ты вотъ чѣмъ платишь за мою любовь! Вѣдь ты меня срамишь! Я тебѣ все вѣрила, никому не позволяла пикнуть про тебя, а ты.... Ну, ужъ теперь кончено! Сейчасъ-же въ пансіонъ и не ходи ко мнѣ больше. (*Сережа уходитъ съ Григорьемъ*).

ВЪ ПЕРЕДНЕЙ.

Глѣбъ (*сторожу*).

Ну, что-жъ, братецъ мой, такъ ты его теперича и поведешь?... (*Сторожъ молчитъ*). Надо полагать, Макарка, его теперича запрутъ на смиреніе....

Макарка.

Что врешь-то!... Ничего ему не будетъ! (*Сторожъ косится на Макарку; Сережа входитъ*).

Сторожъ (*строго*).

Пожалуйте. Надѣвайте такъ-то шинель-то.

Сережа.

Что, дежурный тотъ-же?

Сторожъ (*невнимательно*).

Пожалуйте, тамъ разберутъ дѣла.

Глѣбъ (*смѣясь*).

Коммиссія!

ВИЗИТЪ.

СЦЕНЫ.

ЛИЦА:

НИКИТА НИКОЛАЕВЪ, управляющій, изъ крѣпостныхъ.
ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА, жена его.
АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВЪ, лакей, кумъ Никиты, 45 лѣтъ, росту 2 арш. 9 вер., рябой, постоянно навеселѣ.
ЕЛЕНА ДМИТРІЕВНА, жена его, изъ горничныхъ; бывала за-границей; имѣетъ претензію на щегольство; говоритъ въ носъ.
ИВАНЪ ПЕТРОВЪ КЛЫГИНЪ, молодой человѣкъ, барскій камердинеръ, жилъ въ Петербургѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПРОИСХОДИТЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Небольшая комната; на стѣнахъ виситъ нѣсколько литографированныхъ картинъ; на столѣ стоитъ самоваръ, закуска и водка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Никита читаетъ „Ключъ къ таинствамъ натуры", Эккартсгаузена; Прасковья Петровна хлопочетъ около стола.

Никита (*оставляя книгу*).

Вотъ все прочиталъ, а въ голову забрать ничего не могу, потому науки не знаю... не обученъ.

Прасковья

Экъ вы когда хватились насчетъ науки. Въ науку-то съ малыхъ лѣтъ отдаютъ... Барчатъ тогда въ офицеры-то обучать по десятому году свезли.

Никита.

Если-бы и меня съизмалѣтства обучали и я-бы до всего дошелъ.

Прасковья.

Вы господамъ служили, а господину зачѣмъ ваша наука?... Науки вашей ему не нужно.

Никита (*строго*).

Много ты смыслишь! Человѣкъ, который ежели обученъ, онъ все можетъ. Баба ты... молчать должна, коли съ тобой говорятъ. На сердце только наводишь.

Прасковья.

Чѣмъ-же я васъ на сердце навожу?

Никита.

Тѣмъ-же!

Прасковья.

Я вамъ ничего такого обиднаго не сказала. Извѣстно, хошь-бы по вашей, по лакейской части, ученья этого вамъ совсѣмъ не нужно. Опять же покойница барыня, царство ей небесное, терпѣть не могла кто книжки читаетъ.

Никита.

Ну и молчи, потому понимать ты ничего не можешь....

Прасковья.

Вы только все понимаете!

Никита.

Я все понимаю.

Прасковья.

А намедни дьячку отвѣта не могли сдѣлать.

Никита.

Пошла вонъ!

Прасковья (*робко*).

Завсегда только себя разстроиваете.

Никита.

Не говори со мной!

Прасковья.

Мнѣ Богъ съ вами!.. Вонъ садовникъ читалъ, читалъ книги-то, да безъ вѣсти и пропалъ.

Никита.

Отъ книгъ что-ли онъ пропалъ-то?

Прасковья.

Извѣстно!

Никита (*смѣется*).

Ахъ ты дурацкій разумъ! Твое дѣло бабье—ты и понимай это. Зачѣмъ ты на свѣтъ создана, знаешь-ли?

Прасковья.

Зачѣмъ?

Никита.

Покоряться. Ну, ты и покоряйся.

Прасковья.

Я и такъ во всемъ вамъ покоряюсь... иной разъ отъ простоты что скажешь....

Никита.

А ты лучше молчи. Вотъ Алексѣй съ женой пріѣдетъ, говори съ ней, что хочешь.

Прасковья.

Гдѣ ужъ мнѣ съ ней разговоръ имѣть; люди мы простые...

Никита.

А она-то что?

Прасковья

Извѣстно, ужъ она на дворянскую ногу все....

Никита.

Не велика птица... тоже барыня—чьихъ господъ... Только форсу-то задаетъ, а все одно — ничего... не страшно.

Прасковья

Все-таки...

Никита (*смотритъ въ окно*).

Вонъ и они подъѣхали... (*Идутъ на встрѣчу*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Алексѣй Алексѣевъ, Еленх Дмитріевна и Клыгинъ.

Алексѣй (*въ дверяхъ*)

Куманечекъ, побывай у меня,
Животочекъ, побывай у меня...

Елена Дмитріевна (*тихо*).

Вѣчно съ пошлостями!

Алексѣй

Куму! (*цалуется*). Прасковья Петровна, ручку... (*цалуетъ руку*).

Елена Дмитріевна.

Мое почтеніе, Прасковья Петровна (*протягиваетъ руку*).

Алексѣй *(къ Клыгину).*

Иванъ Петровъ, поди сюда! (*Клыгинъ подходитъ*). А это, кумъ мой любезный, нашего петербургскаго барина, камардинъ... Вотъ онъ... вишь ты...

Никита.

Вы съ бариномъ изволили пріѣхать?

Клыгинъ.

Нѣтъ-съ, я его оставилъ; промежду насъ неудовольствія вышли. Онъ мнѣ не потрафилъ, а я ему не уважилъ...

Алексѣй.

Его, братецъ ты мой,—какъ-бы тебѣ сказать не солгать,—баринъ прогналъ.

Елена Дмитріевна.

Ну, что ты врешь то!

Алексѣй.

Прогналъ!... Потому, онъ молодой чаловѣкъ, а насчетъ услуги не можетъ.

Клыгинъ.

Какъ-же вы говорите, не разузнамши дѣла?

Алексѣй.

Алексѣй Алексѣевъ не знаетъ?!

Клыгинъ.

Довольно это для меня странно...

Алексѣй.

Ну, теперь мы выпьемъ (*подходитъ и пьетъ*).

Никита (*къ Еленѣ Дмитріевнѣ*).

Вы что-то похудѣли, сударыня.

Елена Дмитріевна.

Я все хвораю, все грудь болитъ. Такая ужъ слабая комплекція.

Прасковья Петровна.

А вы-бы на ночь груднаго чайку попили... говорятъ, помогаетъ... А то взять...

Алексѣй.

Ничего не надо. Къ доктору, къ Филипу Іонычу.

Елена Дмитріевна.

Твой Филипъ Іонычъ только вѣдь мужиковъ можетъ лечить.

Алексѣй (*закусывая*).

Онъ отъ сорока восьми недуговъ знаетъ лечить. Я, говоритъ, только черепъ поднимать не могу, а то все... по наукѣ. (*Садится къ столу*).

Елена Дмитріевна.

Еще меня теперь деревенскій воздухъ понравилъ. (*Къ Клыгину*). Вы, вѣроятно, Иванъ Петровичъ, забыли мои папиросы взять? Знаете, что я безъ нихъ жить не могу.

Клыгинъ.

Какъ-же я могъ забыть, когда было на то ваще прика-

заніе. Зачѣмъ вы такъ несообразно говорите? (*Подаетъ папиросы*).

Елена Дмитріевна.

Дайте мнѣ огня.

Клыгинъ (*съ улыбкой*).

Какогоесъ?

Елена Дмитріевна.

Пожалуйста безъ комплиментовъ (*закуриваетъ папиросу*). Деревенскій воздухъ на меня очень подѣйствовалъ. А когда мы были съ княгиней за-границей, такъ я такъ была больна, что всѣ лучшіе доктора отказались: она, говорятъ, не можетъ вынести этой боли, потому что нѣжнаго воспитанія...

Прасковья (*подавая чай*).

Позвольте васъ просить.

Алексѣй.

А меня, кумушка, чаемъ ты не подчуй, мы съ кумомъ... Куманекъ, ну-ка! (*Наливаетъ водки*). Иванъ Петровъ, приложись и ты.

Елена Дмитріевна.

Не будетъ ли, Алексѣй Алексѣичъ?

Алексѣй.

Я тебѣ скажу, когда будетъ.

Елена Дмитріевна (*съ ироніей*).

Ужасно глупо!

Алексѣй.

И я такъ полагаю. (*Пьютъ всѣ*). Скажи мнѣ, куманекъ

мой любезный, читалъ ты вѣдомости? Правда-ли описываютъ, что гдѣ-то, братецъ ты мой, городъ провалился?

Никита.

Есть этому описаніе... въ книжкѣ я читалъ... давно ужъ это....

Алексѣй.

Недавно! Господа за столомъ нонче говорили.

Никита.

Нѣтъ, про это не писано.

Алексѣй.

А про что-же?

Никита.

Прописано, что короли тамъ ихніе...

Алексѣй.

А много тамъ королей.

Никита.

На каждую землю по королю. А въ Туречинѣ султанъ... онъ все одно—король, а султаномъ прозывается... и вѣра у нихъ турецкая.

Алексѣй.

И языки у нихъ у всѣхъ разные?

Елена Дмитріевна.

Насмотрѣлась на нихъ за-границей....

Прасковья.

Я думаю, Елена Дмитріевна, за границей за этой все иначе какъ у насъ?

Елена Дмитріевна (*съ презрѣніемъ*).

Какое же сравненіе, Прасковья Петровна! Тамъ вы выѣзжаете туда, сюда, и все это такъ деликатно. А здѣсь что? Здѣсь всякій считаетъ себя тебѣ равнымъ, наровитъ на твой счетъ сказать что-нибудь этакое... язвительное, а тамъ все рѣшительно изъ-подъ политики.

Прасковья.

Хоша я, Елена Дмитріевна, воспитанья большаго не получила, а все это очень хорошо понимаю. У насъ въ домѣ теперь лакеи никому проходу не даютъ, все какъ-бы въ насмѣшку, да какъ-бы все въ критику....

Елена Дмитріевна.

Конечно, и тамъ есть критиканы, безъ этого нельзя-же....

Прасковья.

Опять-же вотъ я вамъ что доложу: охальства у ихняго брата у лакея очень много....

Алексѣй.

Это намъ все равно! Я свою часть знаю! Барыня говоритъ: ты, говоритъ, Алексѣй, хмѣлемъ занимаешься, а я на тебя не огорчаюсь. Вотъ оно что! Напримѣръ, сто персонъ кушаютъ: тутъ ума много нужно—гдѣ, какъ что... а я могу! и насчетъ сервировки, и насчетъ услуги — все могу. Нонче, матушка, Прасковья Петровна, нѣтъ настоящихъ лакеевъ, нѣту ихъ! Нонче лакей барину тарелку подаетъ, а самъ выше себя понимать хочетъ... Сдѣлалъ-бы онъ это при

покойникѣ, при Прокофьѣ Абрамычѣ... въ землю-бы его живаго покойникъ зарылъ — и стоитъ! Ежели господинъ кушаетъ, ты долженъ, чтобы все въ настоящемъ видѣ, стрѣлой летать долженъ... фить, фить! (*Ходитъ по комнатѣ и дѣлаетъ разные жесты*).

Елена Дмитріевна.

Вообразите, Прасковья Петровна! Никакъ не могу его отучить,—только у него и словъ, какъ господа кушаютъ! Не все-ли равно какъ я, какъ...

Алексѣй.

Далеко!...

Елена Дмитріевна (*съ презрѣніемъ*).

Да что съ тобой, дуракомъ, говорить...

Алексѣй.

И я полагаю, что молчать лучше...

ЛѢСЪ.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

(Ночь. Луговина въ лѣсу. Посрединѣ разложенъ костеръ).

ЯВЛЕНІЕ I.

Антонъ и Семенъ сидятъ у костра; Прохоръ поодаль лежитъ на армякѣ.

Антонъ (*подкладывая хворость*).

Ночь-то какая... Тихо!...

Семенъ.

Тихо....

Прохоръ (*зѣвая*).

Время чудесное... (*Молчаніе*). Эко, братцы, это лѣсъ!... Чего въ ёмъ нѣту: и трава всякая, и птица разная...

Антонъ.

Божье произволенье!...

Семенъ.

И кладъ, ежели когда попадается — все въ лѣсу... Что за причина, братцы: тетка Арина девять зорь ходила за

кладомъ. Станетъ копать — все уходитъ; пойдетъ домой — опять покажется. Такъ и не дался.

Прохоръ.

Брать, значитъ, не умѣла. Безъ разума тоже не возьмешь.

Семенъ.

Я-бы сейчасъ ухватилъ!

Прохоръ.

Ухватилъ одинъ такой-то!... Я тоже однова ходилъ, ходилъ...

Антонъ.

Може, его и не клали...

Прохоръ.

Кладъ былъ... это вѣрно.

Семенъ.

Что-жъ, братецъ мой, во снѣ тебѣ это привидѣлось, аль какъ? Тетка Арина сказывала, вишь, ей старецъ во снѣ объявился: хочу, говоритъ, я, раба Божья, счастье твое тебѣ сдѣлать; ступай ты, говоритъ, на зорѣ, къ Ѳедькину дубу, только ты иди, а назадъ чтобы не оглядывайся; придешь ты, говоритъ, къ Ѳедькину дубу, оборотись лицомъ къ зеленому лугу, отойди девять шаговъ и копай тутъ....

Прохоръ

Нѣтъ, мнѣ бѣглый солдатъ означилъ... по его рѣчамъ я искалъ.

Антонъ.

Поймалъ ты, значитъ, его, солдата-то?

Прохоръ.

Поймалъ.

Семенъ.

Какой смѣлый!...

Прохоръ.

Чего робѣть-то?

Семенъ.

Какъ чего, братецъ мой,—убьетъ.

Прохоръ.

Ничего. На войнѣ ежели—вѣстимо убьетъ; а въ лѣсу онъ ничего, потому отощаетъ. Въ лѣсу что онъ ѣстъ? Ѣсть ему нечего... Ягода... Ягодой, али корешкомъ какимъ ни на есть сытъ не будешь. Ну, и отощалъ человѣкъ, — силу, значитъ, забрать не можетъ. Опять же и ружья этого при ёмъ нѣту.

Антонъ.

А ты въ лѣсу его захватилъ?

Прохоръ.

Въ лѣсу; опричь лѣсу ему жить негдѣ. Шолъ я тогда на покосъ, только что солнышко встало: смотрю, голова, а онъ сидитъ это, муницію свою заправляетъ. Подошелъ я къ ему. Увидалъ это онъ меня — ровно-бы вотъ листъ затрясся. — Какой ты такой есть человѣкъ? говорю. — Ступай, говоритъ, дядюшка, своей дорогой, коли худа себѣ не хочешь.—

Зачѣмъ, говорю: идти мнѣ некуда: я здѣшній. — Ничего ты, говоритъ, сдѣлать мнѣ не можешь, потому, говоритъ, я служу Богу и великому государю. — Мнѣ, говорю, твоя душа не нужна, а что собственно къ начальству я тебя предоставлю. — Испужался.

Семенъ.

Испужался?!..

Антонъ.

Испужаешься! За это ихняго брата не хвалятъ.

Прохоръ.

Гдѣ хвалить!... Дѣлать, говорю, нечего, другъ мой сердешный, пойдемъ. — Есть, говоритъ, на тебѣ крестъ? — Есть, говорю. — Крещенный ты, говоритъ, человѣкъ, а своего брата не жалѣешь: мнѣ вѣдь, говоритъ, наказанье великое будетъ. — Я этому, говорю, голубчикъ, не причиненъ.

Семенъ.

Какъ-же, сейчасъ ему лопатки назадъ и закрутилъ?

Прохоръ.

Безъ этого нельзя... порядокъ. Завязалъ это я ему назадъ руки, повелъ къ становому. — Пусти, говоритъ, меня, дядюшка: — кладъ я тебѣ за это покажу, въ купцы тебя произведу. — Сказывай, говорю, гдѣ? Коли вѣрно скажешь, помилую. — Сталъ это мнѣ сказывать примѣты, гдѣ и что, а ребята ваньковскіе намъ на встрѣчу. — На войну, что-ли, говорятъ, господа честные, идете? Обступили насъ, стали до-

прашивать, да такъ вплоть до становаго и шли. Опосля ужъ я искалъ, искалъ этого мѣста: ровно и похоже найдешь, — станешь копать — нѣтъ. Такъ и бросилъ.

Семенъ.

А ка-бы нашелъ — ладно-бы было.

Прохоръ *(повернувшись на другой бокъ).*

Пущай кто другой ищетъ. (*Продолжительное молчаніе*).

Антонъ.

Соловьи-то пѣть перестали. Оченно ужъ я люблю, коли ежели когда соловей поетъ.

Прохоръ *(зѣвая).*

Синица лучше.

Антонъ.

Гдѣ-жъ синицѣ!... Синицѣ супротивъ соловья не сдѣлать.

Прохоръ.

Сдѣлаетъ...

Антонъ.

Невозможно!... Да ты соловьевъ-то слыхалъ-ли?

Прохоръ.

Гдѣ слыхать! У насъ ихъ на мельницѣ тьма тьмущая, и домики для ихъ понадѣланы.

Антонъ.

Это скворцы!...

Прохоръ.

То бишь, скворцы... Все одно, и скворцы поютъ.

Антонъ.

Соловей, ежели теперича, когда пѣть ему, онъ сейчасъ...

фіу, фіу. (*Подражаетъ пѣнью соловья; въ лѣсу раздается свистъ*).

Семенъ (*прислушиваясь*).

Что свистишь-то?

Антонъ.

А что?

Семенъ.

Погоди... молчи... (*Всѣ прислушиваются; опять раздается свистъ*).

Прохоръ.

Разгуляться вышелъ....

Антонъ.

Кто?

Прохоръ (*таинственно*).

Кто? — Извѣстно, кто.

Семенъ.

Теперича, ежели табунъ гдѣ близко, весь табунъ угонитъ.

Прохоръ.

Ничего, стороной пройдетъ.

Антонъ

Да что вы, черти, это сычъ.

Семенъ.

Похоже!

Антонъ.

А то нѣтъ? Эхъ, вы!..

Прохоръ.

Коли свиститъ — ничего; а иной разъ ровно малое дитя плачетъ... какъ есть ребенокъ.

Семенъ.

У насъ лѣтось подъ самый Успленьевъ день табунъ угналъ.

Антонъ.

Ну, ври подъ пятницу-то!

Семенъ.

Вплоть до рѣки гналъ.

Прохоръ.

Какъ до рѣки догналъ, такъ и шабашъ, дальше не погонитъ, жалѣетъ тоже скотинину-то.

ЯВЛЕНІЕ II.

Павелъ, лѣсникъ (выходитъ справа).

Павелъ.

Что-жъ огонь-то не гасите... не спите?

Семенъ.

Такъ, сами промежду себя разговариваемъ.

Павелъ.

Спать чай пора.

Прохоръ *(тихо).*

Самъ сейчасъ окликался.

Павелъ.

Въ обходъ ходилъ — не слыхалъ. Что-жъ, мы къ этому привычны: это намъ ничего.

Семенъ.

А мнѣ, братецъ ты мой, жутко стало.

Павелъ.

По первоначалу, какъ я въ лѣсъ пошелъ, и мнѣ жутко было. Привыкъ. Идешь, бывало, по лѣсу-то, все нутро въ тебѣ переворачивается, а теперь ничего. Лихаго человѣка, бойся, а лѣшой ничего тебѣ не сдѣлаетъ. Домовой хуже—тотъ наваливается; а лѣшой, коли онъ ужъ очненно когда разбалуется, такъ онъ только тебя обойдетъ. Опять-же на него молитва такая есть.... особенная. Коли кто эту молитву знаетъ, тому ничего.

Семенъ.

А ты, дядя Павелъ, знаешь?

Павелъ.

Намъ нельзя безъ этого. Я, окромя молитвы, заговоръ на его знаю. Куда хошь иди — не тронетъ.

Прохоръ.

Обучи насъ.

Павелъ.

Не переймете. Зря тоже этого не сдѣлаешь.

Семенъ.

Ему заговоръ ничего: заговору онъ не боится.

Антонъ.

А мнѣ, братцы, дворянинъ одинъ въ Калугѣ сказывалъ про лѣсовиковъ-то: ты, говоритъ, ничего этому не вѣрь: никакихъ лѣсовиковъ нѣтъ, это такъ зря болтаютъ.

Павелъ.

Много знаетъ твой дворянинъ-то!

Антонъ.

Ни лѣсовиковъ этихъ самыхъ, ни вѣдьмовъ—ничего, говоритъ, этого нѣтъ.

Павелъ.

Посадилъ-бы я его ночи на двѣ въ сторожку, такъ онъ-бы узналъ, какъ ихъ нѣтъ-то. Вотъ темныя ночи пойдутъ осенью, пущай придетъ—посидитъ. Нѣту! Да вотъ какъ разъ трафилось, слушай. Знаешь лапинскій оврагъ — мы тамъ рощу караулили. (*Садится у костра*). Дѣло близъ Покрова было. Объ эту пору ночи бываютъ темныя... дожди пошли... холодно... смерть!... Идешь по лѣсу-то, да думаешь, зачѣмъ мать на свѣтъ родила.

Семенъ.

Бѣда, сейчасъ умереть!

Павелъ.

Спимъ это мы... Часу такъ въ двѣнадцатомъ, слышу, братецъ мой, словно кто около сторожки ходитъ. Походилъ, походилъ — пересталъ. Орелка была у насъ собака... просто, бывало, отца роднаго не подпуститъ... волка разъ затеребила... Орелка раза два тявкнула, замолчала. Думаю: должно,—вѣтеръ. Только опять-то легъ, какъ Орелка завизжитъ, какъ завоетъ, вотъ надо быть кто ей задъ отшибъ. Такъ индо меня морозъ по кожѣ! Мартынъ проснулся. Выдь, говоритъ, Павелъ, посмотри. Отворилъ я дверь-то: Орелка прижалась къ косяку, сидитъ... Слышу, братецъ ты мой, около самой сторожки лошадь заржала... Такъ у меня волосья на головѣ поднялись.

Хочу назадъ-то идти, ужъ и двери не найду. Ходилъ, ходилъ, индо лихоманка забыла, а лошадь нѣтъ-нѣтъ да опять заржетъ.

Семенъ.

Страсть!... Я-бы убѣгъ!

Павелъ.

Да куда бѣжать-то? Окромя сторожки — некуда. Ввалился въ сторожку-то. Дядя Мартынъ, говорю,—у сторожки лошадь ржетъ, должно, за лѣсомъ пріѣхали. Заругался мой Мартынъ — мужикъ онъ былъ хворый, сердитый: — убью, говоритъ, до смерти кто попадется. Вышли мы изъ избы-то, а по лѣсу топорище такъ и звенитъ. Слышь, говорю, дядя Мартынъ? — Слышу, говоритъ... убью сейчасъ!... Побѣжали мы. Сталъ я Орелку уськать — не лаетъ, идетъ сзади. Что, думаю, за причина? Далъ разà въ бокъ,—только заскучала.

Семенъ.

Слышь, ребята?

Павелъ.

Не трошь, пущай спятъ.

Семенъ.

Ну!

Павелъ *(вполголоса).*

Съ полверсты мы прошли: топоръ близко, а на слѣдъ не попадемъ, потому темно оченно. Шли, шли... рядомъ шли... дядя Мартынъ, говорю... Дядя Мартынъ голосу своего не подаетъ. Что за оказія! Крикнулъ это я: дядя Мартынъ! Слышу,

Мартынъ далече вправо.... Я вправо забралъ, опять крикнулъ: дядя Мартынъ!... Дядя Мартынъ далече влѣво.... а топорище тяпъ, тяпъ... Завернулъ я къ ему на голосъ-то, сталъ Орелку кликать и Орелка пропала!... Ну, думаю: пущай всю рощу вырубятъ — пойду домой, потому страшно ужъ оченно стало, опять-же и озябъ... такъ продрогъ... смерть! Повернулъ назадъ, пошелъ. Иду да и думаю: самъ не балуетъ-ли?... Только, братецъ, это я подумалъ, какъ по всему-то лѣсу: ого-го-го-го!!! Отродясь такого я крику не слыхивалъ. Такъ у меня руки-ноги подкосились! Хочу крестъ на себя положить— рученьки мои не владѣютъ.

Семенъ *(жмется)*.

Меня индо и теперь дрожь прохватила!

Павелъ.

Очувствовался — не знаю, куда идти. Батюшка, говорю, угодникъ, выручи... Сотворилъ молитву, легче стало. Къ свѣту ужъ домой-то пришелъ: за пять верстъ онъ меня отъ сторожки-то угналъ, да въ самое бучило въ оврагъ-то и завелъ. Ка-бы, кажись, маленько еще — утопъ-бы.

Семенъ.

Ахъ ты, Господи!

Павелъ.

Ну, думаю: какъ приду домой, этого самого дядю Мартына на части разорву. Сталъ ему выговаривать-то, а онъ говоритъ: ты, надо полагать, въ умѣ рехнувши. Я, говоритъ, всю ночь изъ избы-то не выходилъ.

Семенъ

Онъ все, значитъ.

Павелъ.

Кому-жъ, окромя *его*. Шесть недѣль опосля этого я выхворалъ: всѣ волосья повылѣзли, разовъ пять отчитывали, на силу на ноги поставили. Сама энаральша Пальчикова лечила, корочки съ наговоромъ давала, ничего не дѣйствовало. Такъ вотъ, какъ *ихъ* нѣтъ-то! Можетъ дворянина-то *онъ* не трогаетъ, а нашему брату отъ *его* шибко достается. (*Встаетъ и потягивается*). Спать теперича.

Семенъ.

Кому спать, а намъ—Господи, благослови!... По травушку, по муравушку. (*Надѣваетъ армякъ*). Очевно ужъ я люблю, когда ежели разговариваютъ про чертей, али про разбойниковъ... просто, сейчасъ умереть, спать не хотца.

Павелъ.

Какже, не спамши-то?

Семенъ.

Я выспался. Я съ вечеренъ спалъ. (*Подходитъ къ Антону и толкаетъ его ногой*). Вставайте, ребята!

Антонъ.

Только было...

Семенъ.

Скотину, поди, ужъ выгнали.

Прохоръ

Господи, благослови!

Павелъ.

Жисть вамъ, ребята!

Семенъ.

Какая жисть!

Павелъ.

Покосъ подошелъ... коси да коси...

Антонъ *(набивая трубку)*.

Акштафу на дорогу закурить, дѣло-то ходчѣй пойдетъ.

Всѣ.

Прощай, дядя Павелъ.

Павелъ.

Съ Богомъ... дай Богъ часъ!

СЦЕНЫ ИЗЪ КУПЕЧЕСКАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ВИХРОВЪ, купецъ, 50-ти лѣтъ.
НАСТАСЬЯ КЛИМОВНА, жена его.
ДАРЬЯ СПИРИДОНОВНА, двоюродная сестра его.
АКУЛИНА АНДРЕЕВНА, купчиха, вдова.
ПЕТРЪ АМОСОВИЧЪ, обѣднѣвшій купецъ, проживающій въ домѣ Вихрова.
ЩУРКОВЪ, неопредѣленная личность.
КУХАРКА, въ домѣ Вихрова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Настасья Климовна сидитъ за столомъ и плачетъ. Дарья Спиридоновна входитъ.

Настасья Климовна.

А ужъ я, кумушка, за тобой посылать хотѣла.

Дарья Спиридоновна.

Что это вы, сестрица? Что съ вами?

Настасья Климовна.

Нужна ты мнѣ больно. Садись-ка.

Дарья Спиридоновна.

Крестникъ вамъ кланяется, сестринька. Вѣдь ужъ онъ у насъ, сестрица, на Покровъ сталъ дыбочекъ стоять.... А я

всѣ эти дни-то измучилась, сестринька: вѣдь у меня, внизу, жилецъ третій мѣсяцъ ни копѣечки не платитъ.

Настасья Климовна.

Что твое горе, кумушка!... Моего-то ты горя не знаешь.

Дарья Спиридоновна. *(съ удивленіемъ).*

Да что у васъ такое?

Настасья Климовна *(сквозь слезы).*

Вѣдь Иванъ-то Петровичъ четвертый день домой глазъ не показываетъ.

Дарья Спиридоновна.

Что вы? Да какъ-же это?

Настасья Климовна.

Такъ. Уѣхалъ къ городовому *), да вотъ....

Дарья Спиридоновна.

На своей лошади-то?

Настасья Климовна.

На своей. Да и лошади-то нѣтъ. Богъ знаетъ, что съ нимъ дѣлается теперь. *(Плачетъ).*

Дарья Спиридоновна.

Что-жъ вы такъ убиваетесь-то, сестрица? Его дѣло мужское: можетъ что и нужное дѣлаетъ.

Настасья Климовна.

И вѣдь никогда съ нимъ этого не было. Вотъ двадцать лѣтъ живемъ—въ первой такая оказія.

---

*) Городовыми называются иногородные купцы.

Дарья Спиридоновна.

Вы-бы, сестрица, на картахъ разложили.

Настасья Климовна

Раскладывала, да ничего не дѣйствуетъ. Вѣришь-ли Богу, кумушка, вся душенька-то у меня выболѣла. Чего-чего ужъ я не придумала: и убили-то его, и утонулъ-то онъ, и съ Ивана Великаго какъ не упалъ-ли....

Дарья Спиридоновна.

Что это вы какія мнительныя! Молоденькій, что-ли, онъ?... Пойдетъ онъ на Ивана Великаго!... Его и на парадное-то крыльцо ведутъ подъ-руки....

Настасья Климовна.

Да вѣдь все можетъ быть.... Вотъ нонче сонъ опять какой страшный....

Дарья Спиридоновна.

А вы чтó видѣли, сестрица?

Настасья Климовна

Охъ!... Вотъ вишь ты: будто-бы я стою на горѣ....

Дарья Спиридоновна.

Да-съ.

Настасья Климовна.

Только будто-бы Иванъ-то Петровичъ, пьяный-распьяный, стоитъ да на меня пальцемъ грозится....

Дарья Спиридоновна.

Ишь страсти какія!

Настасья Климовна.

А лошадь-то, будто-бы...

Дарья Спиридоновна.

Вы-бы, сестрица, къ Ивану Яковличу съѣздили. Я къ нему за всякимъ дѣломъ хожу. Вотъ, бывало, мой покойникъ запьетъ — я и къ нему. Бывало, только и спросишь: Иванъ Яковличъ, что будетъ рабу Симіону? Сейчасъ скажетъ, али такъ на бумажкѣ напишетъ.

Настасья Климовна.

Боюсь я одного, кумушка, какъ онъ да не христіанской смертью померъ-то. (*Плачетъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Акулина Андреевна.

Настасья Климовна.

Матушка, Акулина Андреевна, не знаешь ты моего горя.... не пожалѣешь ты меня....

Акулина Андреевна.

Пожалѣла-бы я тебя, когда-бы ты не такъ глупа была.

Настасья Климовна *(вскакивая со стула).*

Да вы развѣ, голубка, слышали что?

Акулина Андреевна.

Это вотъ ты тутъ на боку-то лежишь, а я всѣ документы развѣдала.

Настасья Климовна *(бросаясь къ ней)*.

Матушка, успокой ты меня, скажи что́ съ нимъ сдѣлалось? Какой онъ смертью-то померъ?

Акулина Андреевна.

Еще онъ насъ съ тобой переживетъ.... Да ка-бы на мой ндравъ такія дѣла, да я-бы его... На что это похоже? Пристало-ли старику...

Настасья Климовна.

Да гдѣ-же онъ?

Акулина Андреевна.

Да у меня волосъ дыбомъ сталъ, какъ мнѣ сказали.... И ты дура будешь, если не сдѣлаешь по-моему. Да я-бы изъ его бороды весь пухъ повыщипала! Онъ, матушка ты моя, не тебѣ будь сказано, изволитъ въ Марьиной рощѣ съ цыганками....

Настасья Климовна.

Ахъ!...

Акулина Андреевна.

Все съ себя пропилъ. Лошадь-то ваша теперь въ депѣ, вчера въ депо взяли: пьяный Тимошка задавилъ кого-то.

Дарья Спиридоновна.

Что это вы, Акулина Андреевна, во снѣ, или къ зубамъ? Да развѣ братецъ пьетъ?

Акулина Андреевна.

Ужъ молчи, коли тебя Богъ обидѣлъ... Потакай пьяни-

щамъ-то! Твой такой-же соколъ былъ, вспомни-ка сколько разъ...

Дарья Спиридоновна

Ужъ вы всегда бѣдныхъ-то людей...

Акулина Андреевна.

Да ты роли-то не представляй! (*Обращаясь къ Настасьѣ Климовнѣ*). Ну, что ты, матушка, стоишь-то? Одѣвайся. Тащи его домой, да опозори его хорошенько, да въ бороду-то ему наплюй при всемъ честномъ народѣ, чтобъ онъ блажь-то въ голову не запускалъ.

Дарья Спиридоновна.

Что-жъ, сестрица, поѣзжайте! Можетъ съ братцемъ, въ самомъ дѣлѣ, какое несчастіе, онъ васъ-то скорѣй послушаетъ?

Настасья Климовна.

А ну, какъ онъ да безъ насъ сюда пріѣдетъ!

Акулина Андреевна.

Точи лясы-то! (*Беретъ ее за руки и уводитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Кухарка (*изъ дверей*).

Что, матушка, искать поѣхали? Да ужъ гдѣ найтить! Ты, Спиридоновна, этому не дивуйся, это онъ отъ ней и бѣдствуетъ-то. Это ужъ такая нинфа на свѣтъ зародилась. Я, матушка, у господъ жила, да такой маи-то не привидывала. Бывало, барыня прикажетъ тебѣ распорядиться тамъ, а эта

день-то-деньской торчитъ все въ кухнѣ, да по горшкамъ нюхаетъ. А ругаться-то пойдетъ... да я такой обидчицы въ жизнь мою не привидывала! И такая-то ты, и сякая-то ты... тьфу! Вѣдь у нихъ, матушка, за что дѣло-то вышло: намедни сидятъ они такъ-то за чаемъ, а она ему все въ уши: пиши, говоритъ, духовную: не ровенъ часъ—помрешь, меня по міру пустишь. А онъ такъ-то залился слезами: да что-жъ, говоритъ, ужли тебѣ, говоритъ, моей смерти пожелалось?... Ужъ она у насъ, матушка, такая клятая; у нихъ и родъ-то весь такой. Вотъ когда сестра ея придетъ, семь разовъ въ день самоваръ поставишь...

Дарья Спиридоновна.

Вижу, красавица, сама вижу, какія она съ нимъ язвы-то дѣлаетъ. Ужъ она испоконъ вѣку такая мытарка была: черезъ ея милость и мы въ бѣдность произошли. Это братца Богъ наказываетъ за то, что онъ родныхъ не послушалъ, противъ нашей воли женился. Мы ему тогда говорили: погодите, братецъ, мы вамъ худа не желаемъ, свѣтъ-то вѣдь не клиномъ сошелся, мы вамъ найдемъ невѣсту богатую, изъ хорошаго роду. — Нѣтъ, говоритъ, не могу съ своимъ сердцемъ управиться. Вотъ теперь и управляйся!

Кухарка.

Да она, должно, приворожила его.

Дарья Спиридоновна

Нѣтъ, матушка, ему судьба такая, его опутали. Взялъ-то

онъ ее въ одномъ платьишкѣ; обулъ, одѣлъ ее, салоповъ ей разныхъ нашилъ. Какъ поступила она въ богатство-то — и давай мудровать! И то не такъ, и другое не такъ. Иванъ-то Петровичъ терпѣлъ, терпѣлъ, да съ горя-то, должно быть, и запилъ.

Кухарка.

Э!

Дарья Спиридоновна.

Такъ мы, матушка, и обмерли! Да четыре года послѣ этой оказіи и курилъ. Чего-чего тогда съ нимъ не дѣлали, чѣмъ-чѣмъ не лечили...

Кухарка.

Какъ-же остановили-то?

Дарья Спиридоновна.

А вотъ вишь-ты. Сидимъ мы такъ-то разъ да и плачемъ. Экое, я говорю, нашему роду пострамленіе! А молодая-то хозяюшка стоитъ передъ зеркаломъ да ломается. Я и говорю: что это, говорю, Настасья Климовна, неужели на тебѣ креста-то нѣтъ? Мы, говорю, всѣ въ такомъ несчастіи находимся, а тебѣ и горюшка мало! Она, этакъ, вывернулась фертомъ: мнѣ-ста, говоритъ, что за дѣло? Я его не неволю пить-то.... Такое-то меня зло взяло! Я, съ сердцовъ-то, и наступила на нее. Да отъ кого-жъ онъ, говорю, пьетъ-то? Ты, говорю, въ нашъ домъ несчастье принесла! Только мы кричимъ, а Иванъ-то Петровичъ что-то и застучалъ. Я къ двери-то, думаю, — не

померъ-ли. А онъ, матушка ты моя, ходитъ по горницѣ, да все руками отмахиваетъ... такъ-то все отмахиваетъ... махалъ, махалъ, да какъ грохнется!... и сдѣлался вотъ, надо-быть, мертвый. Какъ очнулся-то и говоритъ: мнѣ, говоритъ, было видѣніе. Я и говорю: какое-же, вамъ, братецъ, было видѣніе?—Не велѣно, говоритъ, сказывать. Все, говоритъ, можно сказать, только одного слова нельзя говорить.

Кухарка.

Да, вотъ тоже, какъ я у господъ жила, такъ барской камардинъ такъ-то померъ, — запилъ тоже, да на другой день и очнулся. Стали его допрашивать, — все сказалъ, только одного слова не допросили.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и Амосовичъ.

Амосовичъ.

Что, матушка, не слыхать-ли чего?

Дарья Спиридоновна.

Ахъ, Амосычъ, пропала наша головушка! Вѣдь запилъ!

Амосовичъ.

Въ такую, знать, компанію попалъ... въ пьющую... Эхма! Слабостямъ-то, мы, матушка, больно подвержены, тѣшимъ плоть свою на семъ свѣтѣ, а объ часѣ-то смертномъ не подумаемъ. А вѣдь окаянному это на руку: онъ въ тѣ-поры такъ за нами и ходитъ, такъ въ грѣховныя узы-то насъ и опутываетъ...

Дарья Спиридоновна.

Давно я тебя не видала, Петръ Амосычъ. Что дочка-то твоя?

Амосовичъ.

Ничего... живетъ. Видѣлъ намедни въ соборѣ. Хотѣлъ-было подойти, да боюсь огорчишь, вѣдь барыня; противъ другихъ совѣстно будетъ, вишь я какой! А то вотъ зимой-то ходилъ съ ангеломъ поздравить, да на глаза-то не приняла: гостей, говоритъ, много. Посидѣлъ тамъ у нихъ въ кухнѣ, погрѣлся. Спасибо, кухарка у нихъ такая добрая, рюмочку поднесла, да обѣдать съ собою посадила... А экономка съ лакеемъ двугривенничекъ выслала... все добрые люди, матушка. Вотъ теперь хоть-бы Иванъ Петровичъ: фатерку мнѣ даетъ, все у меня свое тепло есть, а то, зимнее-то дѣло, ложись да помирай. Что говорить, матушка, не легко ѣсть чужой хлѣбъ, коли самъ народъ кормилъ... Совѣстно матушка! Иной разъ пораздумаешься—кусокъ въ горло нейдетъ...

Дарья Спиридоновна.

Что-жъ вы у дочери-то не живете? Неужели на ней креста-то нѣтъ, что она васъ на старости и согрѣть не хочетъ? Неужели она не боится божескаго наказанія?

Амосовичъ.

Ну, Богъ съ ней! Вѣдь Богъ все видитъ!.. Отецъ и денно, и нощно пекся объ ней, а она противъ родителя... Захотѣлось вишь благородной, барыней быть захотѣлось!.. Вѣдь она, матушка, безъ моего благословенія съ бариномъ подъ вѣнецъ-

то пошла (*плачетъ*). Да я ей, матушка, и то простилъ. Я ей все отдалъ—что еще старики накопили, я ей отдалъ. На, дочка, живи, да нашу старость покой, а она... ну Богъ съ ней! Ты подумай, матушка, ка-бы я пьяница былъ.... (*За сценой голосъ Ивана Петровича: „въ гостяхъ хорошо, а дома лучше“*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Вихровъ (очень на веселъ) и Щурковъ.

Вихровъ (*входя*).

Ты, Настасья, ты, Настасья,
Отворяй-ка ворота.
Вотъ мы къ тебѣ вся конпанія!

Амосовичъ.

Эхъ, Иванъ Петровичъ, на старости ты лѣтъ...

Вихровъ.

Что ты мнѣ можешь препятствовать? Вонъ сейчасъ! Ты моей милостью на свѣтѣ живешь. Я тебя съ лица земнаго сотру! Вонъ!

Дарья Спиридоновна.

Здравствуйте, братецъ.

Вихровъ.

А, сестрица любезная! А гдѣ жена?

Дарья Спиридоновна.

Ея нѣтъ, братецъ.

Вихровъ.

Зачѣмъ-же ты на мои глаза показалась?

Дарья Спиридоновна.

Я навѣстить васъ пришла, братецъ.

Вихровъ.

Ладно, ступай въ свое мѣсто. *(Обращаясь къ Щуркову).* Ну, ты, прощалыга! Представляй кіятры.

Щурковъ.

Это можно-съ, только гитарки-то нѣтъ-съ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Настасья Климовна *(вбѣгаетъ).*

Да что это ты, батюшка, вздумалъ на старости лѣтъ крамбольничать-то?

Вихровъ.

Молчать! Ходи въ страхѣ! Топну ногой — понимай что значитъ.

Настасья Климовна *(къ Щуркову).*

Ты что за человѣкъ?

Вихровъ.

Гони его по шеѣ: это грабитель.

Щурковъ.

Въ гости звали, да и гнать-съ!

Вихровъ.

Сволочь! Вотъ мы какъ объ тебѣ понимаемъ *(опускаетъ голову на столъ).*

Настасья Климовна.

Вонъ, вонъ!...

Щурковъ.

Конечно, сударыня, средства мои не позволяютъ мнѣ быть хорошо одѣтымъ, но и въ несчастномъ положеніи я сохранилъ благородныя чувства. Конечно, благодѣтель мой въ такомъ видѣ, и отрекомендовали меня...

Настасья Климовна.

Ступай, ступай!

Щурковъ.

Позвольте мнѣ, какъ благородному человѣку, просить рюмку водки.

Настасья Климовна

Да съ чего ты взялъ? Пришелъ въ чужой домъ незванный и непрошенный....

Щурковъ.

Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ съ вами проститься.

Настасья Климовна.

Прощай, батюшка, нечего....

Амосовичъ.

Ступай, коли говорятъ, ступай... *(Щурковъ подходитъ къ Настасьѣ Климовнѣ и протягиваетъ ей руку).*

Настасья Климовна.

Это ты что еще выдумалъ?

Щурковъ.

Я уважаю васъ, какъ строгую женщину, а потому прошу позволенія поцѣловать вашу руку.

Настасья Климовна.

Нѣтъ, батюшка, мы отродясь такими дѣлами не занимаемся.

Щурковъ.

Какъ вамъ угодно-съ. Впрочемъ, если вамъ не будетъ составлять безпокойства, позвольте мнѣ рюмку водки.

Настасья Климовна.

Вонъ! (*Щурковъ медленно уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же безъ Щуркова.

Вихровъ (*подымая голову*).

А гдѣ мои гости? Давай намъ музыку. Аленка, валяй въ присядку.

Ты, Настасья, ты, Настасья,
Отворяй-ка ворота...

Настасья Климовна.

Опомнись, Иванъ Петровичъ...

Вихровъ.

Прочь! Гдѣ моя подруга жизни?

Настасья Климовна.

Досталось твоей подругѣ-то жизни; тебя-бы...

Вихровъ.

Меня? Не смѣй!... Меня грабить!... Я загулялъ, а меня грабить!... Дарья Спиридоновна, я въ Марьину рощу попалъ,

а за что они меня били? Деньги были мои... три тысячи серебромъ денегъ-то было... За что они меня били...?

Всѣ.

Кто-же тебя билъ-то?

Вихровъ.

Всѣ меня били!... Тимошка, ты хочешь лошадь пропить, потому хозяинъ этого чувствовать не можетъ.... Врешь!... Меня ограбили!... Меня ядомъ напоили, я помереть долженъ!... Я пропащій человѣкъ! За что они меня били?... Цыганка... она меня у... уду... удушить хотѣла!... За что они меня били? *(Опускаетъ голову на столъ).*

Дарья Спиридоновна

Должно быть, сестрица, и впрямь его опутали.

Настасья Климовна.

За что-же они его били-то?

Амосовичъ.

Такая ужъ конпанія... пьющая!

Дарья Спиридоновна.

Да ничего, сестрица. Съ моимъ покойникомъ часто бывали такія оказіи-то. Пройдетъ!

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОРЪ.

(Сцены изъ народнаго быта).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

РОМАНЪ ИГНАТЬЕВИЧЪ, содержатель постоялаго двора.
АЛЕНА, кухарка.
ЕВСЮХА, **ПАШКА**, **НИКИТА**, **БУБЕНЪ** — извозчики.
СТРАННИЦА.
СТРАННИКЪ

ЯВЛЕНІЕ I.

На сценѣ большая деревенская изба; въ углу столъ; по стѣнамъ лавки; на лѣво израсцовая печь.

Кухарка (*собираетъ со стола*).

Нѣтъ хуже народу этихъ ямщиковъ! Насорять, надрызгають!.. тьфу!..

Евсюха (*входя*).

Благодаримъ покорно, Алена Митривна, за̀ хлѣбъ—за̀ соль.

Кухарка.

Ну, за щи съ квасомъ! Проваливай! Моченьки моей нѣтъ съ вашимъ братомъ.

Евсюха (*подпоясываясь*).

Точно что оно теперича вамъ трудно: народу много идетъ.

Кухарка.

Такъ валомъ и валитъ. Барыня-то вышла?

Евсюха.

Срядилась. Съ полчаса ужъ въ тарантасѣ сидитъ, ругается. Прощенья просимъ!

Кухарка.

Что-жъ, на дорожку-то?

Евсюха.

Да Богъ ее знаетъ, Алена Митривна, пить-ли?.. Ну, пожалуйте... веселѣй ѣхать будетъ...

Кухарка (*наливаетъ стаканъ водки и подаетъ*).

Евсюха.

Терпѣть вѣдь я его не могу... этого вина!... Съ наступающимъ! (*Пьетъ*).

Кухарка.

И васъ также. Кушайте на здоровье. Дай Богъ благополучно.

Евсюха.

Благодаримъ покорно. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Странница, (*отворяя дверь*)

Пущаютъ, матушка, странныхъ?

Кухарка.

Отчего-жъ не пущать, у насъ всѣхъ пущають, постоялый дворъ на то.

Странница.

Бѣдная я, матушка, неимущая, Христовымъ именемъ иду.

Кухарка.

Войди, раба Божья, милости просимъ. Въ пустынь?

Странница.

Въ пустынь, голубушка.

Кухарка.

Къ угоднику?

Странница.

Къ угоднику, матушка.

Кухарка.

Много къ ему, батюшкѣ, народу идетъ. Какъ-же, ты, матушка, по обѣщанью?

Странница.

По обѣщанью, сестрица. Слышала, голубушка, я во снѣ звукъ трубный.

Кухарка.

Ай, матушка!.. Чего сподобилась! Разскажи, голубка... Ты, можетъ, потребляешь этого-то *(показываетъ на водку)*? Поднесу....

Странница *(стыдливо)*.

Не брезгую мірскимъ даяніемъ. Коли ваша милость будетъ.

Кухарка.

Стыда тутъ нѣтъ, матушка. Вамъ безъ этого нельзя — ходите.

Странница.

Много мы ходимъ, матушка, круглый годъ, почитай, ходимъ *(пьетъ)*. Благодарю покорно, матушка, пошли вамъ Господи на вашу долю.

Кухарка.

Какъ-же ты сонъ-то, красавица, видѣла?

Странница.

А это ночевала я въ кельѣ у матушки у Илларіи, и все она разсказывала мнѣ про божественное, и какъ все на счетъ жизни, и что, напримѣръ, какъ жить мы должны; и такой на меня, раба Божья, глубокій сонъ нашелъ—такъ сидѣмши и уснула. Вижу, будто, я въ пространной пещерѣ, и вся она, будто, позлащенная, а на полу все каменіе самоцвѣтное... И иду, будто, я по этой пещерѣ, а за мной старцы, все, будто, старцы. И говоритъ мнѣ одинъ старецъ: „почто ты, говоритъ, странная, пришла въ нашу обитель?“ Хотѣла я, будто-бы, руками-то вотъ такъ.... *(дѣлаетъ жестъ руками)*, и слышу, голубка, звукъ трубный... Тутъ я и проснулась.

Кухарка.

А вотъ мы въ міру-то никогда такихъ сновъ не видимъ.

Странница.

Это, сестрица, отъ жизни.

Кухарка.

Нѣтъ ужъ, матушка, Богъ знаетъ—отчего. Моей старой хозяйкѣ,—я у купцовъ прежде жила,—то-ли не жисть была, а все, бывало, во снѣ видитъ, что будто ее рѣжутъ, да будто ее топятъ... Такія страсти все снились, не дай Богъ никому.

Странница.

А ты по купечеству прежде жила?

Кухарка.

Я все по купечеству. Какъ хозяина въ некрута сдали, такъ и пошла по этой части. Сперва наперво у аптекаря два года жила, у армянина не вступно годъ выжила, а тамъ и пошла все по купцамъ.

Странница.

У купцовъ житье хорошее.

Кухарка.

На что лучше, первый сортъ житье! Мнѣ, по моему характеру, только и жить у купцовъ: женщина я набалованная, кусокъ люблю хорошій, чай мнѣ чтобы безпремѣнно, ну, а по купечеству на счетъ этого слободно.

Странница.

И нашу сестру странную они любятъ.

Кухарка.

Любятъ. У насъ, бывало, у Павла Матвѣича, отъ вашей сестры, да отъ нищей братіи отбою нѣтъ.

Странница.

Для души спасенья это, матушка, хорошо.

Кухарка.

Со всего свѣта ходили, грѣхи его замаливали.

Странница.

А померъ ужъ?

Кухарка.

Пора помереть! Годовъ пятнадцать безъ рукъ, безъ ногъ сидѣлъ, травами его отпаивали.

Странница.

Отчего-же это онъ, голубушка?

Кухарка.

Господь его вѣдаетъ.

Странница.

И дѣтки были?

Кухарка.

Какже, матушка, три дочки; всѣ на моихъ глазахъ повыросли; и сынокъ былъ, Митрій Павлычъ.... женить ужъ хотѣли, да не продлилъ Богъ его вѣку: пропалъ бе́зъ вѣсти.

Странница.

Бе́зъ вѣсти?!

Кухарка.

Да, матушка. Поѣхалъ на ярманку, да тамъ и остался. Большія деньги старикъ-то давалъ, кто отыщетъ — не нашли, ровно въ воду канулъ.

Странница

Убили, должно.

Кухарка.

Убили, матушка, убили. Шесть недѣль онъ опосля, голуб-

чикъ, къ намъ ходилъ; какъ, бывало, ночь, такъ онъ весь домъ и обойдетъ. Что страху-то было! А то это, вздумается ему когда, возьметъ да свѣчи по всему дому зажжетъ.

Странница.

Это, сестрица, душенька его приходила.

Кухарка.

Да, ужъ извѣстно.

Странница.

По родителямъ тосковала. А живъ у тебя хозяинъ-то?

Кухарка.

Господь его вѣдаетъ. Какъ тогда ихъ угнали на Капказъ такъ и слуховъ объ емъ нѣтъ... должно, къ австріякамъ попалъ.

Странница.

Жалко, поди?

Кухарка.

По первоначалу-то жалко было, а теперя ничего. За вѣру правую пущай кровь свою проливаетъ.

Странница.

Такъ, такъ, матушка.

ЯВЛЕНІЕ III.

Романъ Игнатьевичъ, нѣсколько извозчиковъ и странникъ.

Никита.

Народу много идетъ къ празднику-то.

Романъ.

Много! А ты, старецъ, тоже къ угоднику?

Странникъ.

Къ угоднику.

Романъ.

Издалеча?

Странникъ.

Дальній. Въ первой отъ роду въ вашихъ мѣстахъ. Въ Кіевѣ былъ, у Соловецкихъ Чудотворцевъ два раза сподобился, по окіянъ-рѣкѣ плавалъ.

Пашка.

А людоѣдовъ ты видалъ-ли? Говорятъ, въ той сторонѣ людоѣды живутъ.

Странница.

Какъ ихъ не видать!—я видѣла.

Пашка.

Что-же, они, тетушка, одноглазые?

Странникъ.

Одноглазые.

Пашка.

За что-же они людей-то жрутъ? Али ты, можетъ, врешь?

Странница.

Что-жъ намъ врать, мірской человѣкъ, врать намъ нечего. И въ книжкахъ есть этому описаніе, коли ты грамотный — въ книжкахъ прочитай. Потому какъ они одноглазые и по ихнему закону все можно.

Никита.

Привелъ-бы Богъ по раньше уѣхать: балуютъ у насъ по дорогѣ-то.

Романъ.

Шалятъ. Дорога у насъ бойкая, баловства много. А ежели въ сумерки, мимо Жукова оврага и не ѣзди — обчистятъ, потому мѣсто очень глухое. Намедни туда все село ворошили смотрѣть: одного за убивство наказывали—въ семи душахъ повинился... Начальству сталъ въ ноги кланяться — не помиловали, наказанье великое было.

Никита.

За что миловать!

Романъ.

Потому кровь христіанскую проливалъ, а вѣдь она, извѣстно, кровь-то христіанская, вопіетъ.

Никита.

Вопіетъ! Ежели душу загубилъ, — конечно!..

Вубенъ.

Нѣтъ, меня Богъ миловалъ; годовъ пятнадцать ѣзжу, на лихаго человѣка не натыкался. Въ запрошломъ году только въ кабакѣ у меня, у пьянаго, полушубокъ украли, а то ничего.

Романъ.

Это по нашей дорогѣ часто.

Пашка.

И какъ можно, братцы, убить человѣка? За что? Кажись, какъ-бы на меня кто наскочилъ — въ клочки-бы я изорвалъ.

Никита.

Въ избѣ-то говорить не страшно, а въ лѣсу попадется — въ ногахъ наваляешься.

Пашка.

Я-то?

Никита.

Ты-то!...

Пашка.

Зачѣмъ баловать! Я человѣкъ смирный, животину не бью, а за свою душу до смерти ушибу.

Романъ.

Полно, Павлуха, батвить-то! Лихой человѣкъ на то пошелъ... разбойникъ вѣдь онъ — въ лѣсу со звѣремъ живетъ, звѣря не боится можетъ, кажинную ночь руки кровянитъ, — что ты можешь такому человѣку?

Бубенъ.

Ничего не подѣлаешь!

Никита.

Безъ году недѣлю въ извозчикахъ-то ѣздитъ да разговариваетъ! Я всю Расею произошолъ, большую-то дорогу знаю. Зря говорить нечего! Звѣря лютаго, кажись, такъ не испужаешься, какъ разбойника! Замретъ твоя душа, охолодаешь весь... не дай Богъ никому!

Бубенъ.

А тебѣ трафилось? (*Кухарка ставитъ на столъ ужинъ*).

Кухарка.

Ну, господа честные, пожалуйте. Садись, матушка... Садись, старичекъ почтенный... Пріятнаго вамъ апекиту. (*Всѣ садятся за столъ*).

Никита.

Я вотъ буду сказывать, а ты слушай, каковы эти люди есть.

Кухарка *(садясь рядомъ съ Никитой).*

Сказывай, батюшка, сказывай. Люблю я старинныхъ-то людей слушать.

Никита.

Въ Озеркахъ, у насъ, у покойника у дѣдушки, станція была. Мнѣ тогда годовъ двадцать было. Ночью, какъ теперь помню, подъ самое подъ воздвиженье, пришолъ къ намъ на дворъ тарантасъ съ купцомъ на сдаточныхъ. Моя череда была. Смерть ѣхать не хотца. Я купцу-то и говорю: переночуйте, говорю, ваша милость: оченно темно, овраги у насъ тутъ, въ тарантасѣ ѣхать неспособно. Нѣтъ, говоритъ, я и такъ на ярманкѣ замѣшкался... Трогай! Господи, благослови! Съѣхали мы со двора-то — зги Божьей не видать! — Ваше степенство, говорю: воля милости вашей, а ѣхать намъ страшно, обождемъ до свѣту. Ступай, ступай, говоритъ. Верстъ пять проѣхали — ничего. Какъ въѣхали въ Легковской лѣсъ, и купецъ мой испужался. Незаплутайся, говоритъ: — темно. — Богъ милостивъ, говорю: коли поѣхали, надо ѣхать. Ѣдемъ мы лѣсомъ-то, смотрю, ровно-бы огонекъ показался, такъ махенькой...

Вубенъ.

Волкъ?

Никита.

Погоди! Ваше степенство, говорю: вы ничего не видите?

Нѣтъ, говоритъ, а что? — Огонекъ, говорю, въ лѣсу показался... сумнительно мнѣ оченно. Что-жъ ты, говоритъ, сумлѣваешься? —Да такъ, говорю: не лихой-ли человѣкъ насъ съ тобой дожидается? Сотвори, говоритъ, молитву. Творю это я молитву, а огонекъ этотъ опять. Видѣлъ, говоритъ, братецъ, и я.

Кухарка.

Это купецъ-то?

Никита.

Купецъ-то. Душу свою, говорю, намъ-бы здѣсь не оставить. Что ты, говоритъ, дуракъ, меня пужаешь? Кому наша душа нужна!... — Садись, говорю, сударь, со мной на козлы — не такъ жутко будетъ. Сѣлъ онъ со мной рядомъ, а самъ ровно-бы вотъ листъ трясется. Чего-же вы такъ, ваша милость, говорю: робѣть намъ нѣчего! Коли ежели что — насъ двое. А у самого, братецъ мой, духъ захватило, руки отымаются.

Пашка.

Тетушка Алена, плесни еще щецъ-то. Щи-то нонѣ у тебя жирныя, облопаешься. (*Кухарка поспѣшно наливаетъ щей и садится*).

Никита.

Ѣхали мы, ѣхали, — слышу: съ правой стороны ровно-бы окрикнулъ кто. Такъ у меня подъ сердце и подкатило! Я къ купцу: ваше степенство, говорю, мы попали! Что ты, говоритъ, милый человѣкъ! — Вѣрно, говорю... Подобралъ возжи, да и думаю: всю тройку зарѣжу, а въ руки не дамся. Только хотѣлъ кнутомъ-то... Стой!.. Двое повисли на пристяж-

ныхъ, да такъ всю тройку и осадили, а одинъ подошелъ къ тарантасу: аль больно скоро нужно? говоритъ.—Скоро, говорю. Съ ярманки, что-ли? — Какіе вы такіе люди есть, говорю, коли вамъ знать требуется? А далеча-ли вамъ ѣхать-то? — Далеча. Мы, говоритъ, къ вамъ на устрѣтъ вышли.... мѣсто здѣсь больно глухое.... А купецъ мой и языкомъ владать пересталъ.

Бубенъ.

Оробѣлъ!

Романъ.

Какъ, батюшка, не оробѣть — оробѣешь. Ну!...

Никита.

Только, братецъ мой, смотрю: лѣвую пристяжную ужъ отпрягли. Выскочилъ я изъ тарантаса-то, да хотѣлъ за лошадь-то уцѣпиться, какъ онъ меня хлясь!.. *(Кухарка взвизгиваетъ какъ-будто ее самое ударили).*

Никита.

Такъ я и покатился!... Въ глазахъ огни пошли... Слышу: и купецъ мой застоналъ, и такъ этотъ купецъ застоналъ — нутренная моя вся поворотилась... а опосля ужъ ничего и не помню.

Пашка.

Чѣмъ-же онъ тебя съѣздилъ-то — струментомъ какимъ, аль такъ?

Никита.

Надо полагать, закладкой.

Бубенъ.

Закладкой — бѣда! Меня разъ въ Москвѣ на *стѣнкѣ* закладкой тоже приложилъ, такъ я годъ въ больницѣ вылежалъ, кажинный день помирать изготовлялся, насилу отдыхалъ. *(Всѣ встали изъ-за стола. Странникъ ложится на лавку).*

Кухарка.

Какъ-же ты, батюшка, очнулся-то?

Никита.

Очнулся-то я въ лѣсу; съ дороги-то они насъ въ лѣсъ сволокли. Утренничкомъ меня прохватило, ровно-бы маленько я и очуствовался. Хочу головушку поднять—мо́ченьки моей нѣту. Сталъ купца обзывать: господинъ купецъ, господинъ купецъ! А купецъ мой ничуть. Доползъ я къ нему, а ужъ онъ Богу душу отдалъ и лица на немъ распознать нельзя. *(Кухарка утираетъ слезы)*. Ну, думаю, и мнѣ, должно, въ дремучемъ лѣсу помирать надо; въ останный разъ хошь Богу помолюсь за родителевъ. Уцѣпился за дерево, всталъ, да опять, ровно снопъ, ударился. Въ полдни кое-какъ выползъ на дорогу-то; гляжу: тарантасъ мой въ канаву спихнули и кожу съ его всю ободрали...

Романъ.

А домой какъ ты попалъ, батюшка?

Никита.

Проѣзжій одинъ баринъ доставилъ.

Вубенъ (*взглянувъ въ окно*).

Ужъ и туча-же, братцы, какая лютая заходитъ! Безпремѣнно гроза будетъ.

Пашка (*разстилая на полу армякъ*)

Аи, братцы, эта гроза! Насъ однова въ лѣсу застала, дрова мы рубили... страсть! Какъ ударила эта молонья въ сосну, вотъ надо быть зубомъ дерево-то перекусила.

Вубенъ.

Потому стрѣла у ей очення тонкая... у молоньи-то!... И никуда ты отъ ей не уйдешь. И ежели тебѣ отъ грозы померетъ нужно, такъ ты отъ грозы и помрешь.

Романъ.

Помереть, голубчикъ, отъ всего можно.

Вубенъ.

Это точно, что... какъ не помереть.

Странница.

Завсегда къ этому готовиться надо.

Странникъ (*сквозь сонъ*).

Въ помышленіи держать.

Вубенъ (*значительно*).

Вѣрно!

Странникъ.

Ходимъ мы по разнымъ мѣстамъ, а не знаемъ, гдѣ наша смерть будетъ.

Пашка (*зѣвая*).

Гдѣ ни на есть, тетушка, а ужъ помрешь; помяни ты

мое слово. *(Раздается ударъ грома; всѣ крестятся).* Лѣшему-то теперича смерть! *(Молчаніе).*

Вубенъ.

А что?

Пашка.

Очевно онъ грозы боится. Ужъ теперь онъ подъ деревомъ жмется.

Вубенъ *(ложится на полъ).*

Не любитъ!

Пашка.

Она его теперича по лѣсу-то гоняетъ. Ты, тетушка, лѣшихъ-то видала-ли?

Странница.

Гдѣ ихъ, батюшка, видѣть.

Пашка.

Мы разъ видѣли: одна ноздря у него, а спины нѣту.

Романъ.

Полно врать-то, дурацкой твой разумъ!

Пашка.

Сейчасъ умереть, Романъ Игнатьичъ, кого хошь спроси. Онъ только показывается не всякому, а кого ежели очевно любитъ.

Никита.

Что-жъ, ребята, я запрягать пойду.

Вубенъ.

Съ Богомъ!

Никита.

А вы утромъ?

Пашка.

Мы чѣмъ — свѣтъ.

Никита.

За хлѣбъ за соль....

Романъ.

Ступай, справляйся.

Странница.

Съ меня, хозяинъ, съ неимущей, что положите?

Романъ.

Что съ тебя класть? Класть съ тебя нечего. Богу за насъ помолись.

Странница.

Спаси тебя, Господи, рабъ Божій.

Романъ.

Ну, ребята, спать чтобы у меня крѣпче....

Пашка.

На счотъ этого, Романъ Игнатьичъ, не сумлѣвайся, вплоть до пѣтуховъ проспимъ. Спать нашему брату оченно въ пользу.

УТОПЛЕННИКЪ.

СЦЕНА ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

Открытый шалашъ на берегу рѣки. На рѣкѣ паромъ. Занимается заря.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПОТАПЪ, КУЗЬМА, МАТВѢЙ, ДЕМКА — работники на перевозѣ.
НИКИТКА, племянникъ Потапа, 7 лѣтъ мальчикъ.

Кузьма.

Какъ книжка-то прозывается?

Матвѣй.

„Черный гробъ или Кровавая звѣзда."

Потапъ.

Книжка занятная. Въ старину, говорятъ, и въ нашей сторонѣ тоже разбойникъ жилъ. Знаешь Булаткинъ лѣсокъ.... тамъ просѣка-то....

Кузьма.

Какъ не знать.

Потапъ.

Тутъ онъ и жилъ. И грабилъ какъ.... страсть! Проѣзду не было. Дѣдушка покойникъ сказывалъ, — онъ еще махонькой въ тѣ-поры былъ:—бывало, говоритъ, соберетъ махонькихъ ребятишекъ къ себѣ въ лѣсъ, и ничего, не трогаетъ; не то, чтобы, къ примѣру, билъ, али что,—ничего. Ходи, говоритъ, ребята, завсегда.

Матвѣй.

Ребятъ онъ не трогаетъ. Парнишку махонькаго за что? Хошь-бы вотъ Микитку? Его за виски, коли онъ забалуется.... вотъ его сейчасъ. *(Беретъ Никитку слегка за волосы).* Что, чертёнокъ?

Никита *(смѣется).*

Больно!

Матвѣй.

А тебѣ не больно хотца? *(Никитка смѣется).* Постой, я тебя произведу. Богъ дастъ, подростешь,— рѣпу воровать обучу. Ишь ты, вѣрченой!

Кузьма.

А ты, Микитка, скажи: я молъ и безъ тебя воровать-то умѣю.

Никита *(смѣется).*

Я и безъ тебя воровать-то умѣю.

Матвѣй.

Умѣешь?! Ахъ, ты, паршивой! Такъ ты умѣешь?!.. *(Тянется къ нему; Никитка, съ звонкимъ смѣхомъ, прячется за Потапа).*

Кузьма.

Микитка, скажи: жену молъ свою собственную на чаю пропилъ.

Никита.

Жену на чаю пропилъ.

Кузьма.

Свою собственную.

Никита.

Собственную.

Матвѣй.

Убью! За ноги, да такъ въ рѣку и брошу, и матери не скажу.

Никита.

Не смѣешь!

Потапъ.

Полно, дурашка! Ложись такъ-то. *(Никита ложится на армякъ).*

Матвѣй (*одѣваетъ его*).

Гдѣ такой воръ парень родился, въ какомъ полку онъ служить будетъ, на какой народъ воевать пойдетъ?...

Потапъ.

Разъ дѣдушка съ ребятами пришелъ къ нему....

Кузьма.

Къ разбойнику-то?

Потапъ.

Да.... въ лѣсъ-то. А онъ и говоритъ: скажи, говоритъ,

старостѣ, чтобы безпремѣнно въ Спасовъ день на поклонъ приходилъ, а то, говоритъ, краснаго пѣтуха къ вамъ пущу. Староста заартачился, а онъ ночью село съ обѣихъ концовъ и зажогъ. Все тогда погорѣло! Церква была у насъ большая—и церква сгорѣла. Вотъ гдѣ теперь крестъ-то стоитъ, тутъ церква была. Въ тѣ-поры какъ она погорѣла, крестъ на самомъ на этомъ мѣстѣ и поставили, чтобы во вѣки вѣковъ стоялъ.... Чтобы, значитъ, чуствовать.

Кузьма.

Чтобы мы это понимали.

Потапъ.

Да, извѣстно. Какъ, значитъ, тутъ церква была и вотъ теперича, напримѣръ, крестъ.—И это, дѣдушка сказывалъ, какъ эта самая церква загорѣлась, сейчасъ до самаго неба огненный столбъ всталъ.... верстъ за пятьдесятъ его было видно. И стоялъ этотъ столбъ....

Демка (*входитъ*)

Словно-бы по берегу кричитъ кто-то.

Матвѣй.

Что-жъ, пущай кричитъ.

Демка.

Можетъ, тонетъ кто.

Кузьма.

Мелко, не утонетъ.

Потапъ.

Коли ежели около дубу кто сорвался — утонетъ: тамъ глубко.

Демка.

Лодку нешто отвязать....

Матвѣй.

Что-те коробитъ-то... чертъ!

Демка.

Да мнѣ все одно, я такъ сказалъ. *(Садится).*

Матвѣй.

Кто теперь на рѣку пойдетъ, кому нужно?

Демка.

Я, братцы, однова̀ тонулъ.

Матвѣй.

Пьяный?

Демка.

Выпимши.

Матвѣй.

Выпимши не хорошо: долго на водѣ проваландаешься; а пьяный — любехонько: ровно-бы ключикъ, такъ и опустишься да сядешь на донышко пузырики пущать.

Демка (*вздрагиваетъ*).

Страсть!

Матвѣй.

Рѣка никого не помилуетъ.

Кузьма̀.

Что говорить!

Потапъ.

А меня разъ въ Волгѣ сомъ за ногу ухватилъ. *(Всѣ смѣются).*

Матвѣй.

Вотъ на чорта-то наскочилъ.

Потапъ.

Сейчасъ издохнуть! *(Демка вздрагиваетъ).*

Матвѣй.

Да ты что трясешься-то, аль съ фальшивымъ пачпортомъ по бѣлу свѣту гуляешь?

Демка.

Да такъ, братецъ мой, какъ вздумаю это я, какъ было утопъ-то, такъ индо лихоманка прохватываетъ.

Кузьма.

Да гдѣ-жъ ты это?

Демка.

Въ прокшинскомъ бочагѣ.

Матвѣй.

Экъ тебя лѣшой-то куда занесъ!

Демка.

Были мы у кума на менинахъ, въ Прокшинѣ. Ну, извѣстно, напились. И такъ я этого хмѣлю въ свою голову засыпалъ—себя не помню. Кума прибилъ *(всѣ смѣются)*, теткѣ Степанидѣ шаль изорвалъ.... Просто, сейчасъ умереть, лютѣй волка сдѣлался. И съ чего-бы, кажись: окромя настойки, ничего не пили. Кумъ-то: что жъ ты, говоритъ, мою

хлѣбъ-соль ѣшь, а самъ.... да какъ хлясь меня въ ухо, хлясь въ другое!... И такъ мнѣ пьяному-то это обидно показалось, кажись-бы такъ вотъ зубами весь потрохъ изъ его выворотилъ! Вышибъ я окно, выскочилъ на улицу, да бѣжать. Дѣло-то въ самое въ Воздвиженье было. Ночь темная, дождикъ такъ и хлещетъ. Выскочилъ-то я въ одной рубахѣ, да и бѣгу ровно очумѣлый, и не знаю куда бѣгу, больно ужъ злость-то меня одолѣла. А собаки со всего-то Прокшина за мной.... Батюшки мои! просто, на части рвутъ.

Кузьма.

Вотъ оказія-то!

Демка.

Бѣжалъ, бѣжалъ.... разъ! Сорвался въ оврагъ, да колесомъ вертѣлся, вертѣлся.... бултыхъ!...

Потапъ.

Въ самой этотъ бочагъ?

Демка.

Да.

Кузьма.

Ну, чудо!

Демка.

Помню маленько: рукой это по водѣ-то бью, а голосу ужъ этого во мнѣ нѣтъ. Ровно-бы очувствовался, да и думаю: тону. Какъ вздумалъ я это, такъ ко дну и пошолъ.

Потапъ.

Значитъ, испужался.

Демка.

Мырнулъ опять на верхъ-то, ударилъ рукой-то, должно, плыть хотѣлъ,—въ руку мнѣ ровно-бы что-то попало. Весь хмѣль соскочилъ! Кустъ тутъ былъ; прутъ отъ его мнѣ въ руку-то и попалъ; за кустъ-то я и уцѣпился. Тутъ ужъ въ разумъ пришелъ. Вижу, братецъ: ночь темная, хошь гласъ выколи, вѣтеръ такъ и воетъ. Висѣлъ, висѣлъ на кусту-то,—слышу: собаки залаяли и огонекъ показался. И закричалъ-же я, братцы, огонечекъ-то увидамши!... Давай теперича тысячу рублевъ—тàкъ не крикнешь. Два года опосля глотка болѣла. Слышу и тамъ кричатъ.... Народъ прибѣжалъ съ фонарями.

Матвѣй.

Какъ-же нашли-то?

Демка

По собакамъ, собаки означили. Жена за мной выскочила, а за ей и гости которые побѣжали. Вытащили меня, привели къ куму, опять я этой настойки выпилъ три стаканчика, согрѣлся... *(Прислушивается).* Взаправду, кричатъ.... *(Выбѣгаетъ изъ шалаша и снова возвращается).* Выходи всѣ! *(Всѣ выходятъ).* Слышь! *Всѣ смотрятъ другъ на друга вопросительно; съ противоположнаго берега слышится глухой стонъ).*

Матвѣй

Далече!...

Потапъ.

Окрикни.

Матвѣй.

Держись!... Держи-ись! *(Снова слышится стонъ).*

Демка.

Тонетъ, братцы!

Потапъ.

Постой. *(Прислушивается).* Да! Чья-то душа Богу понадобилась. Отвязывай лодку.

Матвѣй.

Эка наша рѣка блажная! Сколько она за лѣто народу переглотаетъ. *(Берутъ весла, отвязываютъ лодку; Матвѣй съ Демкой садятся).*

Потапъ.

Садись живо. Матюха, отчаливай. Права держи.... Наголосъ ступай. Ахъ ты, Господи!.... *(Лодка быстро отваливаетъ).*

Кузьма.

Гдѣ найти! Долго больно держался-то. Демка-то еще когда сказывалъ, что кричитъ.

Потапъ.

Поди-жъ ты!

Кузьма.

Слава Бо́гу, что ночь-то свѣтлая. Ишь ты зоря-то... бѣлый день.... Да вонъ, вонъ.... видишь—плещется....

Потапъ.

И то!

Кузьма (*кричитъ*).

Вправо забирай!.... *(Съ лодки слышатся голоса: „держи-ись! держи-ись!“).*

Потапъ.

Богъ милостивъ! Видишь.... окунулся. Вонъ.... опять выскочилъ. *(Слѣдятъ внимательно).*

Кузьма.

Сохрани, Господи, всякаго человѣка.

Потапъ.

Не видать?

Кузьма.

Опустился!... Должно, конецъ его душенькѣ....

Потапъ.

Кричитъ что-то. *(Долго смотрятъ съ напряженнымъ вниманіемъ).*

Кузьма.

Вонъ поплылъ, вонъ поплылъ.... Должно вытащили. Какъ-то Богъ далъ. *(По рѣкѣ раздается неясный говоръ; всходитъ солнце; Потапъ и Кузьма крестятся; лодка подходитъ къ берегу).*

Потапъ.

Что, братцы?

Матвѣй.

Подержи лодку-то. Чуть было самъ не утопъ. Какой тяжелой, Богъ съ нимъ. Принимай, ребята. *(Потапъ съ Кузьмой выносятъ трупъ на берегъ).*

Потапъ.

Не опущай на-земь. Качай такъ.

Матвѣй.

Ничего не подѣлаешь: мертвый.

Кузьма.

Взаправду, мертвый.

Потапъ.

А можетъ.... *(Начинаютъ откачивать)*. Только, ребята, чтобы не разговаривать, не пужать.

Демка.

Нѣтъ, братцы, смотри-ко: спина-то у его какъ посинѣла. *(Всѣ смотрятъ)*.

Кузьма.

Да.

Потапъ.

Воды много наглотался.

Демка.

Долго оченно. *(Кладутъ трупъ на рогожу)*.

Матвѣй.

Какъ ухватилъ-то я его, еще онъ, ровно бы, живъ былъ.

Демка.

Подошли-то какъ мы, еще онъ держался.

Потапъ.

Мы видѣли.

Матвѣй.

Долго оченно въ водѣ то я его искалъ. *(Выжимаетъ подолъ рубашки)*. Продрогъ какъ.... Ухватилъ я его за волосья-то, словно-бы маненько шевелился.

Потапъ.

Какой здоровенной парень-то.

Кузьма.

Надо быть—купецъ.

Демка.

Купецъ и есть: ишь какая одежина-то.

Матвѣй.

И какъ, братцы, это онъ попалъ?

Потапъ.

Какъ попалъ! Можетъ ограбили да бросили. Большая дорога по той сторонѣ-то пошла....

Кузьма, (*покрывая трупъ рогожкой*).

Отмаялся ты на семъ свѣтѣ, голубчикъ. (*Никитка выходитъ изъ шалаша; слышится звонъ колокола*).

Потапъ.

Въ монастырѣ къ заутрени ударили. (*Всѣ крестятся*). Упокой, Господи, душу раба твоего.

Всѣ.

Упокой, Господи.

Матвѣй (*къ Никитѣ*).

А ты, что-жъ не крестишься? Крестись.

Никита (*безсознательно*).

Упокой, Господи, душу раба твоего.

Потапъ.

Что-жъ, ребята, теперь ступай къ становому. Объявить надо такъ и такъ....

Кузьма.

Затаскаютъ насъ, братцы, теперича.

Демка.

Да, не помилуютъ. Пожалуй, и въ острогъ влетишь!

Кузьма.

Хитраго нѣтъ.

Матвѣй.

За что?

Демка.

А за то.

Матвѣй.

За что—за то?

Демка.

Тамъ ужъ опосля выйдетъ разрѣшеніе....

Матвѣй.

Коли ежели такъ, я его опять въ рѣку сволоку.

Демка.

Экой дуракъ! Ты крещенный-ли?

Кузьма.

Да какъ-же! За что-жъ меня въ острогъ....

Демка.

Я сидѣлъ разъ въ острогѣ-то, за подозрѣніе. Главная причина, братцы, говори всѣ одно, не путайся. Мѣсяца два меня допрашивали. Сейчасъ приведутъ тебя, становой скажетъ: „вотъ, братецъ, человѣка вы утопили; сказывай, какъ дѣло было“. Ничего молъ, ваше благородіе этого я не знаю; а что, собственно, услыхамши мы крикъ, и теперича, какъ человѣкъ ежели тонетъ, отвязали мы, значитъ, лодку....

Кузьма.

Ну вотъ, ребята, слушай да и помни. Чтобъ всѣмъ говорить одно.

Матвѣй.

Отвязали мы лодку, подошли къ энтому самому мѣсту и, значитъ, вытащили.

Кузьма.

Мертваго?

Матвѣй.

Вѣстимо, мертваго.

Кузьма.

То-то.

Демка.

А на счетъ того, что откачивали—молчи. Потому, скажетъ: какъ ты смѣлъ до его дотронуться? Какое ты полное право имѣешь? Коли ежели человѣкъ померъ, опричъ становаго ни кто не можетъ его тронуть. Такъ вы это и понимаете.

Матвѣй.

Ишь ты, лохматой чортъ, какъ онъ судейскія-то дѣла произошолъ.

Демка.

Я, молъ, какъ свѣча горю передъ вашимъ благородіемъ, прикажите хоть огни подо-мной разжигать, — я ничего незнаю. „Я, скажетъ, братецъ, вѣрно знаю, что это *ваше дѣло*“. Говори одно: какъ вашей милости будетъ угодно, я этому дѣлу не причиненъ.

Потапъ.

Такъ, значитъ, всё такъ и говори.

Демка.

Его завтра потрошить прiѣдутъ, доходить до всего будутъ, что къ чему.

Кузьма.

И мертвенькому тебѣ, голубчику, не даютъ спокою.

Потапъ.

Бабъ-то нѣтъ, некому надъ тобой и поплакать-то.

Демка.

Можетъ, матушка родная по емъ теперича плачетъ.

Матвѣй.

Кто-жъ, ребята, пойдетъ?

Демка.

Да я пойду.

Потапъ

Ступай, братъ. Ты на счотъ разговору лучше.

Демка.

Я разговаривать сь кѣмъ хошь могу. *(Идетъ въ шалашъ.*

Кузьма.

Ахъ, господинъ честной, хлопотъ намъ твое тѣло бѣлое понадѣлало.

Потапъ.

Богу тамъ за насъ помолитъ.

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПОТАПЪ, бѣдный крестьянинъ.
МАТРЕНА, его сестра.
СТЕПКА, 7 лѣтъ } его дѣти.
СЕРЕГА, 6 лѣтъ }
ДЕМЕНТІЙ, его сосѣдъ, 30 лѣтъ
РОГОНОКЪ } безпаспортныя личности, одѣты въ дубленые полушубки.
КЛЕЙМО }
ВАВИЛОВНА, прохожая старушка.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, на большой дорогѣ.
Деревенская изба.

ЯВЛЕНІЕ I.

Рогонокъ *(подпоясываясь).*

Справляйся скорѣй.

Клеймо.

Я сейчасъ, за мной дѣло не станетъ. Пущай, лошадь-то пожуетъ маленько, умаялась-чай. *(Смѣется).*

Рогонокъ.

Да ужъ задали ей жару! Долго помнить будетъ.

Клеймо.

Чай ужъ теперича хватился.

Рогонокъ.

Какъ не хватиться: часа три мы гнали, да часъ, пожалуй, здѣсь сидимъ.... Чай ужъ навылся до-сыта.

Клеймо.

Экой у насъ народъ глупой!

Рогонокъ.

Мы тоже лѣтось въ Питерѣ у чухонца лошадь угнали; опосля я его увидалъ, недѣли черезъ двѣ: худой такой сталъ...

Клеймо.

Грустно, значитъ. (*Смѣется*).

Рогонокъ.

Всѣмъ-бы хороша наша должность, кабы острога не было, а то попадешься—томятъ, томятъ....

Клеймо.

Я разовъ шесть въ уголовной-то парился, да Богъ миловалъ, одинъ разъ только въ сильномъ подозрѣніи оставили. А ужъ однова какъ приходилось: если-бы попался, миногами-бы накормили.

Рогонокъ.

На темную что-ль кого взялъ?

Клеймо.

Нѣтъ я рукъ не кровянилъ и бить чтобы очченно кого тоже не приходилось; разъ только одного нѣмца потрепалъ маленько. А это, братецъ, вотъ какъ было: ушелъ я тогда съ этапу, на родину меня послали. Ну, какъ ушолъ, прямо сейчасъ въ Питеръ.... Къ Лаврюшкѣ—въ части! къ Гуську—въ острогѣ! Что дѣлать? Къ Никонычу: нѣтъ, говоритъ, братъ, ступай, я больше вашего брата не пущаю, потому, говоритъ, меня самаго затаскали. Дня четыре я путался по Питеру-то коѐ-чѣмъ да коѐ-чѣмъ пробавлялся. Только иду разъ по Обуховскому, смотрю: часовня. Подошолъ, помолился, копеечку въ кружку опустилъ, а самъ замокъ пощупалъ. Думаю, постараться можно. Три ночи сбирался, да все какъ-то опасился. На мое счастье дождикъ, и ночь такая темная— зги не видать. Извѣстное дѣло, въ такую пору не токма дворниковъ—собаки на улицѣ не найдешь. Пошолъ. До костей меня прохватило, покуда я дошолъ-то. Только что я перекрестился да ломъ за обручь-то запустилъ, какъ меня сзади дубиной разъ!.... два! Караулъ!... Стрѣла такъ не летитъ, какъ я бросился!... И ничего, т. е., никакой боли не чувствую. Слышу: карета ѣдетъ, я маленько остановился, только что она поравнялась со мной, я разбѣжался да на задкѣ и повисъ, да вплоть до Сѣнной и ѣхалъ.

Рогонокъ.

Чисто!

Клеймо.

Да такой штуки въ другой разъ, пожалуй, не сдѣлаешь. Опосля самому смѣшно стало. Ужъ и досталось-же мнѣ! Вѣдь какъ пришлось-то! Кабы это на сухопараго человѣка,—до смерти-бы на мѣстѣ убилъ, и я-то двѣ недѣли не разгибался! *(Надѣваетъ полушубокъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Матрена.

Матрена.

Въ дорогу справляетесь?

Рогонокъ.

Да, тетушка, замѣшкались.

Матрена.

А вы откелева?

Рогонокъ.

По хозяйскимъ дѣламъ....

Матрена.

Дальніе?

Клеймо.

Нѣтъ, тутошные....

Матрена.

Погода завернула, неспособно вамъ ѣхать-то. Мятелица такая, что и!...

Рогонокъ.

Доѣдемъ. Прощенья просимъ.

Матрена.

Дай Богъ часъ, господа честные.

Клеймо.

Ужли, тетушка, мужиковъ-то у тебя нѣтъ, одна живешь?

Матрена.

Какъ, касатикъ, безъ мужиковъ—безъ мужиковъ нельзя. Въ городъ самъ-то уѣхалъ, да вотъ что-то нѣтъ долго. *(Клеймо и Рогонокъ переглядываются).*

Рогонокъ *(Тихо).*

Не здѣшняя-ли лошадь-то?

Клеймо.

Прощай, тетушка.

Матрена.

Не посвѣтить-ли, голубчики?

Рогонокъ.

Нѣтъ, не требуется. *(Быстро уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Матрена, потомъ Дементій, Степка и Серега.

Матрена.

Нѣтъ, должно, нонѣ не пріѣдетъ, заночуетъ. *(Зѣваетъ).* Эхъ, грѣхи, грѣхи! Куда скучно въ экую погоду-то.

Дементій *(входя)*.

Вотъ я тебѣ, тетушка Матрена, ребятъ привелъ. *(Серега, при входѣ въ избу, быстро бросается на печь).*

Матрена.

Ты-бы ноги-то въ сѣнцахъ околачивалъ. Ишь ты что снѣгу-то въ избу наворотилъ. Некому тутъ за вами прибирать-то!

Дементій.

Мой что-ли снѣгъ-то? На лапатѣ я тебѣ его что-ли принесъ.... Ты погляди-ко, что на дворѣ-то: свѣту Божьяго не видать. Потапъ Митричъ не бывалъ еще?

Матрена.

Нѣтут-ка. Сказывалъ, около вечерень пріѣдетъ, а нѣтъ.

Дементій.

Не застрялъ-бы въ дорогѣ-то. Ну, ребята, спать чтобы! А Серега-то гдѣ-жъ? *(Степка смѣется)*.

Матрена.

На печи, на печь забился... Да не уйдешь, песъ, не уйдешь!

Дементій.

Аль опять провинился?

Матрена.

У насъ съ нимъ одна вина-то — житья отъ его никому нѣтъ.

Степка.

Афроськѣ давеча голову было проломилъ.

Дементій.

Что-жъ, за это выстегать надо. Какъ, Степа, полагаешь: за такія дѣла надо стегать, аль нѣтъ?

Степка.

Надо. *(Смѣется)*.

Дементій.

А коли надо, такъ кончено! Справляйся, тетушка Матрена. Сейчасъ мы его оттедова стащимъ, да своимъ судомъ... Я подержу, а ты опустишь, сколько слѣдоваетъ. *(Серега заревѣлъ во все горло)*. А! Не любишь!... Баловать такъ твое дѣло, а какъ....

Серега.

Я ее не трогалъ! Она меня сама все за виски дергала.

Матрена.

Что те рѣжутъ что-ли окаяннаго, прости Господи! Что ты ревешь-то?

Дементій.

Полно, дурашка! Съ тобой шутки шутятъ, а ты думаешь взаправду. Ступай сюда, не тронемъ. *(Серега начинаетъ хныкать)*. Утрись, да и слѣзай.

Серега.

Не слѣзу.

Дементій.

Говорятъ, не трону.

Степка.

Не тронетъ. *(Серега робко высовываетъ голову съ печи и опять прячетъ)*.

Дементій.

Полно, ступай! Я сказку сказывать буду. *(Ложится на лавку; Степка садится у него въ головахъ).* Вотъ, братцы, въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ былъ царь; а у этого самого царя было три дочери: одна глухая, другая нѣмая, третья безрукая. Только вотъ царь и говоритъ своимъ дочерямъ: дочери мои милыя, изъ разныхъ земель короли ко мнѣ понаѣзжаютъ... *(Прислушивается).* Что это, словно-бы воетъ кто? Ужли вѣтеръ! Тетушка Матрена, труба-то у васъ закрыта-ли?

Матрена.

Какже, закрывала давеча. Энтотъ озарникъ-то не открылъ-ли?

Дементій.

Серега, ты трубу не открылъ-ли?

Серега.

Открылъ.

Матрена.

Ахъ ты, пёсъ экой! Вотъ баловень-то зародился. Закрой сейчасъ! *(Серега, молча, исполняетъ приказаніе).*

Дементій.

Нечего ему дѣлать-то, вонъ онъ и балуется. Степка, давай выкинемъ его въ сугробъ, пущай его волки растерзаютъ на части. Что его сорванца жалѣть-то!

Серега.

Выкинулъ одинъ такой-то!

Дементій.

Что?! Ты у насъ молчи лучше, насъ вѣдь здѣсь двое. Вѣдь мы съ имъ сладимъ, Степа?

Степка.

Сладимъ.

Дементій.

Значитъ, тебѣ востроносому супротивъ насъ ничего не подѣлать. Ну вотъ, говоритъ, изъ разныхъ земель короли понаѣзжаютъ...

Степка.

А ты лучше про вѣдьму разскажи.

Дементій.

Про киевскую? Изволь. *(Серега сползаетъ съ печи).* Да ступай, милята, слушай.

Серега.

Прибьешь?

Дементій.

Не трону.

Серега.

Побожись.

Дементій.

Сейчасъ умереть, не трону.

Серега.

Нѣтъ, ты скажи: провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ.

Дементій.

Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ! *(Серега робко слѣзаетъ*

съ печи и подходитъ къ Дементью). Я вишь какой человѣкъ: сказалъ, но трону и кончено! И никому, значитъ, не позволю тебя обиждать. Садись на меня теперича хошь верхомъ, и то ничего. Ты вѣдь озарничать не будешь?

Серега.

Не буду.

Дементій.

Ну, значитъ, ты милый человѣкъ, а милыхъ людей я очченно люблю. И будемъ мы съ тобой жить, пока Богъ грѣхамъ нашимъ терпитъ. Садись на меня верхомъ. (*Серега робко садится, думая, не обманываетъ-ли его Дементій*). Хошь я тебя теперича въ Москву свезу, али въ Питеръ, куда хошь—мнѣ все равно. (*Качаетъ Серегу*). Жизнь, тетушка Матрена, малолѣтнымъ-то! Хошь-бы денечекъ по ихному-то пожилъ. Ничего это они не чувствуютъ, какъ должно... Вотъ хоть-бы теперича Серега. Ну, что, ты, пострѣлъ, понимать можешь? Что ты можешь чувствовать? Какая такая твоя должность?

Матрена.

Должность его извѣстная: всталъ ни свѣтъ—ни заря, не умымши, Богу не помолимши—шасть изъ избы, да и мается день-то деньской нѐ вѣсть гдѣ.

Степка.

Что-жъ ты про вѣдьму-то?

Дементій.

Не токма, что я тебѣ про вѣдьму, а какъ я тебя за

твою добродѣтель, очень люблю, потому ты парнишко смирной, я тебѣ къ святой пару голубей достану.

Серега.

И мнѣ!

Дементій.

Тебѣ, братъ, нѐ за что. А можетъ, мы тебя къ святой-то въ солдаты отдадимъ. (*Серега смотритъ на него вопросительно*). Что глядишь-то? Это вѣрно! Свяжемъ, значитъ, свеземъ къ становому: вотъ, скажемъ, ваше благородіе, Серега у насъ очень балуется, прикажите ему лобъ забрить. (*Степка смѣется*). А Степкѣ пару голубей предоставлю... Синицъ съ имъ пойдемъ ловить. Синицъ много въ тѣ-поры поналетитъ.

Серега *(сквозь слезы)*.

А я баловать не буду.

Дементій.

Коли ежели не будешь, значитъ, и мы съ тобой будемъ компанію водить, а то въ солдаты.

Матрена.

Ты самъ, посмотрю я на тебя, ровно махонькой—городитъ нѐ вѣсть что.

Дементій.

Больно ужъ ребятъ-то, тетушки Матрена, люблю, потому они очень смѣшные.

Степка.

А вонъ дьячковы дѣти лѣтось воронье гнѣздо раззорили.

Дементій.

Потому, они кутейники. Нешто они могутъ понимать? А вы, ребята, гнѣзда не трогай. Грѣхъ великій, ежели кто гнѣздо раззоритъ. Коли найдешь гнѣздо съ яичками — не трошь, пущай выводитъ. А кутейники эти, вѣстимо, голодные: они не токма́ яица—-они и голубей лопаютъ.

Матрена.

Тьфу! Какъ это имъ въ душу-то лѣзетъ!

Дементій.

Жрать хочется!

Матрена.

Да вѣдь голуби-то не показанное?

Дементій.

Мало-ли что не показанное! А вы, ребята, коли ежели мнѣ пріятели,—коли кто примѣтилъ гнѣздышко: сейчасъ покажи мнѣ. (*Молчаніе*). А вотъ, братцы, Богъ дастъ полая вода придетъ, рыбу пойдемъ ловить. Какъ занятно!

Матрена.

Ну, этимъ рыбакамъ-то спать пора. Снуютъ, снуютъ деньто деньской, умаются.

Дементій.

Что-жъ скажи, ребята: за нами дѣло не станетъ, мы и спать можемъ. (*Встаетъ и почесывается*). Погода, значитъ, самого-то задержала.... Оченно ужъ вьюга-то. Теперешное дѣло, какъ разъ съ дороги собьешься. Бѣда, тетушка

Матрена, объ эту пору въ дорогѣ! Не приведи-то Господи! Стужа! Глазыньки тебѣ это всё залѣпитъ, борода обмерзнетъ, злой сдѣлаешься, животину бьешь, ровно-бы она причинна! Все это, значитъ, Божья власть, а ты въ ту-пору ничего этого чувствовать не можешь, потому сердце въ тебѣ больно раскипится. (*Потягивается*).

Матрена.

Хозяина-то дома нѣтъ, словно-бы и страшно одной-то.

Дементій.

Точно что одной-то жутко.

Матрена.

Да мнѣ нонѣ цѣлый день что-то не по себѣ, ровно-бы я что потеряла, аль такъ душенька ноетъ. (*Съ улицы въ окно слышится стукъ*).

Дементій.

Не самъ-ли?

Матрена.

Кому-жъ, опричь его. (*Выходитъ изъ избы*).

Дементій (*къ ребятамъ*).

А вы что-жъ не ложитесь? У меня спать чтобы, а то вѣдь я сердитый, наказывать стану.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и Вавиловна.

Вавиловна.

Пустите, православные, душу на покаяніе. (*Садится въ изнеможеніи на лавку*).

Дементій.

Ишь ты, какъ тебя занесло-то! Въ самую мятель-то ты, значитъ, и попала...

Вавиловна.

Охъ, батюшки, мои!...

Дементій.

Ты ноги не ознобила-ли?

Вавиловна.

Моченьки моей нѣтъ!

Матрена.

Раздѣнься, голубка. (*Помогаетъ ей раздѣться*). Ишь ты, на тебѣ одного снѣгу-то пудовъ пять будетъ.

Вавиловна.

Не чаяла я ужъ и живой-то быть; думала, помру, въ чистомъ полѣ, не замоливши грѣховъ своихъ.

Дементій.

Что хитраго померетъ въ экую стужу! Въ экую стужу и мужику только въ пору, а ужъ вашей сестрѣ гдѣ. Ты теперича на печь ступай.

Вавиловна.

Ноженьки-то въ снѣгу-то вязнутъ, идти-то не способно, а тороплюсь поспѣть засвѣтло, чтобъ ночью на лихихъ людей не наткнуться.

Дементій.

Что съ тебя взять-то, баушка! Опять же въ нашей сторонѣ тихо. А ты далече-ли пробираешься-то?

Вавиловна.

Въ Москву, батюшка. Сыночекъ у меня въ Москвѣ живетъ.

Дементій

По какой части?

Вавиловна.

По пачпорту ходилъ, а теперича приписался.

Дементій.

А вы господскіе были?

Вавиловна.

Господскіе, батюшка, господскіе.

Дементій.

Чьихъ?

Вавиловна.

Семенъ Иваныча Батурина. (*Продолжительное молчаніе*).

Дементій.

Отъ господъ-то отошли теперича?

Вавиловна.

Слободные, батюшка.

Дементій.

Вѣдь тебѣ, баушка, чай все равно, ты старый человѣкъ. Вѣдь тебѣ годовъ, чай, много?

Вавиловна.

Много, батюшка.

Дементій.

Ты французское-то раззореніе помнишь-ли?

Вавиловна.

Помню, голубчикъ, все помню. Въ тѣ-поры, какъ ему придти-то, французу-то, на небѣ все столбы ходили. Небо это загорится, загорится, и пойдутъ столбы, и пойдутъ столбы. Думали тогда, къ мору, анъ ждемъ-пождемъ — онъ и пришолъ и двѣнадцать языковъ съ собой привелъ.

Дементій.

Двѣнадцать языковъ — это ты вѣрно. Видимо-невидимо, говорятъ, ихъ привалило тогда. Дѣдушка намъ сказывалъ.

Вавиловна.

Въ тѣ-поры нашъ энералъ кресты свои, медали всѣ понавѣсилъ, да ночью съ Васильемъ фалеторомъ на войну и уѣхалъ.

Матрена,

На страженіе?

Вавиловна.

Да, матушка. Прощайте, говоритъ, православные, ѣду я проливать свою энеральскую кровь. И могилку батюшкѣ велѣлъ себѣ выкопать у церкви. Да Богъ его помиловалъ, голубчика, опять къ намъ пріѣхалъ. Какъ это у французовъ землю эту ихнюю подъ нашего царя подвели, въ нашу вѣру правую ихъ всѣхъ перегнали—онъ и пріѣхалъ, и помню это, нѣмца съ собой привезъ; барчатъ онъ тогда, сказывали, на разные языки обучалъ, по ихнему.

Дементій (*потягиваясь*).

Ишь ты, старинные-то люди, тетушка Матрена, все знають! Ну, прощайте. Ты, бабушка, на печь-бы шла. (*Хочетъ идти. Съ улицы слышится невнятный разговоръ; всѣ прислушиваются*). Что это, тетушка, словно какъ самъ пріѣхалъ. (*Молчаніе*). Да, онъ и есть! Его рѣчи-то. Что за причина! (*Разговоръ становится внятнѣе*). „Да тутъ въ Алешинѣ." „Да, какъ-же ты прозѣвалъ?" „Надо-бы бѣжать." „Въ экую вьюгу много-ли набѣжишь, зги Божьей не видать." (*Всѣ въ недоумѣніи; Дементій смотритъ на Матрену вопросительно*). Отпирай ступай. (*Матрена бѣжитъ и возвращается съ Потапомъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и Потапъ, окоченѣвшій отъ холода.

Матрена.

Чтой-то, батюшка!

Потапъ.

Божеское попущеніе!

Дементій.

Что ты, Потапъ Митричъ?

Потапъ.

Ограбили!

Дементій.

Какъ ограбили?

Потапъ.

Лошадь угнали!

Дементій.

Что ты!!

Матрена (*воетъ*).

Ай батюшки! Чѣмъ мы Бога прогнѣвили? За что на насъ экое наказаніе!...

Потапъ.

Раззорили меня, съ малыми дѣтьми раззорили! Взяться теперь нечѣмъ. Словно и свѣтъ Божій мнѣ все одно, хошь руки на себя накладай. (*Обратившись къ образу*). Батюшка, Царь милостивый! Твоя воля, Твой предѣлъ, Отецъ нашъ небесный! (*Плачетъ*). Легче-бы хворость какую лютую выхворалъ, ничѣмъ это дѣло. Ахъ ты, Господи!

Матрена.

Чуяла моя душенька, что быть нехорошему. Цѣлой-то денечекъ нонѣ не спалось мнѣ, не ѣлось....

Дементій.

Да какъ-же, братецъ, кое мѣсто угнали-то? Можетъ, еще мы на слѣдъ попадемъ....

Потапъ.

Гдѣ попасть, гдѣ попасть! Не на то воруютъ лихіе люди....

Вавиловна.

Кабы маленько я не поспѣла, и меня-бы ограбили.

Дементій.

Постой, баушка, что съ тебя взять! Что-жъ дѣлать, Потапъ Митричъ?

Потапъ.

Что дѣлать!—Ложись да умирай!

Дементій.

Зачѣмъ умирать, умирать не слѣдъ. Да какъ дѣло-то было?

Потапъ.

Прозябъ я очснно, погода-то больно завернула, да въ Алешинѣ въ кабакъ и заворотилъ; отъ кабака-то и угнали. Цѣловальникъ сказывалъ, что двое какихъ-то сидѣло. Одинъ, говоритъ, кривой, а другой рыжій такой. Опричъ ихъ, говоритъ, некому.

Матрена.

Батюшки!... Касатики!.... Выньте изъ меня мою душеньку!... (*Ребятишки просыпаются и смотрятъ въ недоумѣніи*). Батюшки! Они вѣдь здѣсь были.

Дементій.

Кто?

Матрена.

Воры-то, воры-то! И лошадь-то наша у насъ на дворѣ была!.... Давя, какъ тебѣ съ рябятами-то придти, я ихъ только что спустила. Ой смертушка моя!

Дементій.

Это двое-то выѣхали?

Матрена.

Они, они самые. Кривой одинъ.

Дементій.

Ну такъ, Потапъ Митричъ, не сумлѣвайся. Они ночью по экой погодѣ далеча не уѣдутъ. Вотъ погода перестанетъ, мы ихъ нагонимъ.

Потапъ.

Какъ-же тебѣ не въ догадь? Ужли ты нашей лошади не знаешь?

Матрена.

Не въ догадь, батюшка, не въ догадь! *(Воетъ).*

Потапъ *(къ дѣтямъ).*

Вотъ, ребятушки, лошадь нашу угнали. Пропащій я теперича съ вами человѣкъ! *(Плачетъ и опускаетъ голову на столъ).*

ЖИВЕМЪ ВЪ СВОЕ УДОВОЛЬСТВІЕ.

СЦЕНЫ ИЗЪ КУПЕЧЕСКАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

НИКОНЪ НИКОНЫЧЪ, купецъ, 45 лѣтъ. Говоритъ важно, притворяется умнымъ, ходитъ во фракѣ.

ВАСИЛІЙ ФИНОГЕИЧЪ, 30 лѣтъ, мелкій фабрикантъ.

ИВАНЪ ТРИФОНЫЧЪ, старикъ, почетный гражданинъ.

НИКОЛАЙ ГЕРАСИМЫЧЪ, 50 лѣтъ, судопромышленникъ.

АРИСТАРХЪ ЗАХАРЫЧЪ, купеческій братъ, безъ занятій и безъ капитала.

НАЗАРЪ АРТЕМЬИЧЪ, старичекъ, чѣмъ-то торгуетъ.

СЕМЕНЪ ЕРЕМЕИЧЪ, пожилой купецъ.

ЯША, главный конторщикъ Никона Никоныча.

ГОРДѢЙ, песѣнникъ, играетъ на бубнѣ.

ЦЫГАНЕ.

СЛУГА.

Дѣйствіе происходитъ на Нижегородской ярмаркѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

На сценѣ—комната въ гостинницѣ.

Иванъ Трифонычъ, Василій Финогеичъ и Николай

Герасимычъ играютъ въ карты. Назаръ Артемьичъ сидитъ въ углу на стулѣ. Яша смотритъ на играющихъ.

Иванъ Трифонычъ.

Купилъ.

Николай Герасимычъ.

Пасъ.

Василій Финогеичъ.

Какими товарами торгуете?

Иванъ Трифонычъ (*разбирая карты*).

Товарами-то?... товарами-то?... А вотъ какими товарами... червонными.

Василій Финогеичъ.

Какую цѣну имъ поставите?

Иванъ Трифонычъ.

А цѣна имъ будетъ—семь.

Василій Финогеичъ (*раздумываетъ*).

Семь... семь... Это очень прекрасно... Это оченно превосходно... Такъ ваша игра семь?... Ну-ко, Николька, открой. Семь... (*Ходитъ*). Какъ поживаешь, дѣдушка? (*Беретъ взятку; ходитъ*). Семь... Домашніе ваши здоровы-ли? (*Беретъ взятку; ходитъ*). Семь... Этихъ вамъ не требуется?

Иванъ Трифонычъ (*въ недоумѣніи*).

Я полагалъ...

Василій Финогеичъ.

И я полагалъ! (*Ходитъ*). Восчувствуй! (*Беретъ взятку; Иванъ Трифонычъ задумывается*). Одной короче, что-ли?

Иванъ Трифонычъ (*бросаетъ карты*).

Безъ двухъ.

Василій Финогеичъ.

Такъ мы въ книгу и занесемъ. Семь черви.... (*записываетъ*), да за бесчестье...

Иванъ Трифонычъ (*со вздохомъ*).

Вотъ народъ-то!

Василій Финогеичъ.

Народъ плутъ!

Голосъ изъ другой комнаты.

Кого это вы нагрѣваете?

Василій Финогеичъ.

А вотъ по первой-то гильдіи... потомственнаго-то нашпариваемъ... медаль они получили...

Иванъ Трифонычъ (*къ слугѣ*).

Поднеси, что-ли.

Василій Финогеичъ.

Опосля этакого разу какъ не выпить,—всѣ выпьемъ. Съ наступающимъ, дѣдушка! Дай Богъ завсегда такъ. Яшенька, по рюмочкѣ.

Яша.

Во что это вы пьете-то?

Василій Финогеичъ.

Въ свое удовольствіе. (*Ударяетъ его по животу*). Эхъ ты, милый! Садись на счастье. Ну-ка, обидчикъ, сдавай.

Иванъ Трифонычъ (*сдаетъ*).

Обидишь васъ!

Василій Финогеичъ.

Н—да!...

Иванъ Трифонычъ.

Мы торговцы мелкіе!

Василій Финогеичъ.

Мелкіе!

Иванъ Трифонычъ.

Обидѣть насъ не долго.

Назаръ Артемьичъ.

Всякое дыханіе да хвалитъ Господа!

Василій Финогеичъ.

Вонъ оно что!

Назаръ Артемьичъ.

Немощи наши!

Василій Финогеичъ.

Немощи ваши! Ужъ ты, братъ, не ворчи, ужъ это до завтрашняго числа не поправишь. Ты только не шевелись, а то замутитъ. Травникомъ, что-ли, ошибся-то?

Назаръ Артемьичъ.

Всего было.

Василій Финогеичъ.

Травникъ этотъ—бѣда! Никого не помилуетъ!

Назаръ Артемьичъ.

Боже, очисти мя грѣшнаго!

Василій Финогеичъ.

Недостойнаго раба твоего. Ну, кто что? Купилъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

(*Никонъ Никонычъ выходитъ изъ другой комнаты съ Семеномъ Еремеичемъ*).

Никонъ Никонычъ (*важно*).

Коли онъ не желаетъ, значитъ—промежду нами все кончено. Я баловства терпѣть не могу и никому не позволю.

Семенъ Еремеичъ.

Извѣстно, уваженіе должно сдѣлать.

Никонъ Никонычъ.

Бросьте-ко на время ваше занятіе. (*Къ слугѣ*). Подавай. Холодненькаго по стаканчику. Пожалуйте! Иванъ Трифонычъ... Николя... Василій Финогеичъ... милости просимъ. Яковъ!...

Яша.

Благодарю васъ, не пью.

Никонъ Никонычъ.

А еще въ коммерческомъ судѣ учился.

Яша.

Въ коммерческомъ училищѣ.

Никонъ Никонычъ.

Все одно, къ тому-же клонитъ.

Василій Финогеичъ.

Да ты хоть въ руки-то возьми. Возьми въ руки-то, подержись, что за важное дѣло!

Николай Герасимычъ.

Господа, позвольте предложить тостъ за здоровье хозяина. Онъ сдѣлалъ намъ уваженіе, собралъ наше обчество, и мы должны ему эту политику соблюсти.

Всѣ.

Ура!

Никонъ Никонычъ.

Кушайте во здравіе.

Николай Герасимычъ.

Только что-бы, господа, условіе теперича такое: пить не отставая отъ другихъ судопромышленниковъ; обгонять можно, а отставать нельзя, у насъ такъ и въ контрактахъ сказано. А то произойдетъ скопленіе судовъ, заднія баржи и коноводки, которыя будутъ имѣть притѣсненіе, а хозяевамъ, значитъ, ущербъ!

Никонъ Никонычъ.

Вѣрно!

Всѣ.

Ура!

ЯВЛЕНІЕ III.

(*Входитъ Аристархъ Захарычъ*).

Всѣ.

А!!... Другу!...

Аристархъ Захарычъ.

Вижу—свѣтъ; думаю: не пьютъ-ли, не зайти-ли на всякой случай?

Никонъ Никонычъ.

Откуда, старый грѣшникъ?

Аристархъ Захарычъ.

Въ самомъ дѣлѣ что-ли пьете, али такъ, примѣръ одинъ.

Никонъ Никонычъ.

Откуда, старый грѣшникъ? Въ непоказанный часъ... въ пьяномъ образѣ...

Аристархъ Захарычъ.

Нѣтъ, еще маковой росинки въ роту не было, а вотъ коли вы въ настоящую пьете, такъ мы подъ васъ подражать будемъ. (*Смотритъ на всѣхъ*). Сумнительно мнѣ что-то: лики-то у васъ у всѣхъ чистые...

Василій Финогеичъ.

Не отчего, любезненькій, загорѣть-то!

Назаръ Артемьичъ.

Господи, прости наше великое согрѣшеніе!

Василій Финогеичъ.

Главная причина, чтобы не умереть безъ покаянія.

Назаръ Артемьичъ.

Жизнь наша!

Василій Финогеичъ.

Жизнь хорошая! Лѣтнее дѣло, поѣдешь провѣтриться въ паркъ, али тамъ куда, ляжешь на травку: птички поютъ, цвѣтики пахнутъ, душенька твоя радуется... Думаешь: Господи, за что ты взыскалъ меня, недостойнаго? Думаешь, думаешь...

Аристархъ Захарычъ.

Да и къ буфету!

Василій Финогеичъ.

Дѣло понятное! Налей!... А тутъ еще кто подъѣдетъ...

Аристархъ Захарычъ.

Да коли пьющій подвернется: дорогъ въ этомъ разѣ бываетъ.

Никонъ Никонычъ.

Первый человѣкъ!

Аристархъ Захарычъ.

Повымерли настоящіе-то пьяницы, мало ужъ ихъ осталось. Бывало, въ Нижнемъ-то земля стонетъ, какъ они разойдутся, а нынче ежели и пьютъ, такъ—одна политика.

Василій Финогеичъ.

Пьютъ, значитъ, положенное, кому сколько слѣдуетъ, для фантазіи; пріѣхали въ Нижній, безъ этого, словно, нельзя.

Семенъ Еремеичъ.

Покойникъ дяденька тоже со временемъ этими пустяками занимались. Бывало, пріѣдутъ изъ Нижняго, лица ихняго распознать нельзя, синіе этакіе сдѣлаются, говорятъ все такое не подходящее...

Аристархъ Захарычъ.

На разные языки. Бываетъ! (*Смѣется*).

Семенъ Еремеичъ.

И это даже удивительно: все будто по нихъ жуки ползаютъ; ничего мы этого не видимъ, а имъ все явственно. Сеня, говоритъ—въ тѣ-поры я еще маленькой былъ—задави жука. Гдѣ, говорю, дяденька? Вишь, говоритъ, ползетъ. Это, значитъ, окаянные къ нему свою привязку дѣлали.

Аристархъ Захарычъ.

Разно бываетъ: кому жуки, кому шмели, а кому, по грѣхамъ, и въ своемъ видѣ покажется.

Назаръ Артемьичъ.

Не къ ночи слово!

Василій Финогеичъ.

Что, али во ожиданіи? Къ концу-то ярманки, можетъ, навѣстятъ.

Назаръ Артемьичъ.

Все это отъ винъ, отъ сладкихъ... Это они меня...*(Вздыхаетъ).* Вотъ пакость-то! тьфу!..

Никонъ Никонычъ.

Что-жъ, господа, налито—простынетъ. Кушайте во славу Божью. *(Всѣ берутъ стаканы и пьютъ).* Блаженный!

Назаръ Артемьичъ (*беретъ стаканъ*).

Вотъ грѣхъ-то! Все неразуміе наше!.. Скотина — и та... (*пьетъ*).

Никонъ Никонычъ.

А ты не думай!

Николай Герасимычъ.

Коли человѣкъ много думаетъ, это ему хуже, потому заберешь въ голову и никакъ сообразить невозможно, и сейчасъ на тебя страхъ нападетъ, все словно ты чего боишься, словно за тобой бѣжитъ кто...

Василій Финогеичъ.

Со мной было. Въ самой чистой понедѣльникъ на Москворѣцкомъ мосту караулъ закричалъ.

Аристархъ Захарычъ.

Послѣ заговѣнья это со многими.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Слуга.

Гордѣю приказывали придти: пришолъ-съ. *(Гордѣй входитъ).*

Никонъ Никонычъ.

Милости просимъ, Гордѣюшко. Поднеси ему. Выкушай. За общее, молъ, здоровье. *(Слуга наливаетъ рюмку водки и подноситъ).*

Гордѣй.

Водки я не кушаю-съ.

Никонъ Никонычъ.

Ну мадерцы, что̀-ли... (*Слуга подноситъ*).

Гордѣй.

Съ ярманкой честь имѣемъ проздравить.

Никонъ Никонычъ.

И тебя также, другъ сердечный.

Гордѣй (*пьетъ*).

Покорнѣйче благодаримъ.

Никонъ Никонычъ.

Дмитрій, перемѣни посуду.

Василій Финогеичъ.

Что-то это у тебя глазки-то?

Гордѣй.

У Семена Ивановича наскрось всю ночь.

Никонъ Никонычъ.

Публика была?

Гордѣй.

Персюковъ угощали. Изъ кіятра какой-то пѣсни пѣлъ. Семенъ Иванычъ гитару ихнюю сломалъ, только верешечки остались. Двѣ красненькихъ отдалъ, да плису на брюки при-

казалъ отрѣзать, а въ Москвѣ, говоритъ, новую купимъ. У артельщика опосля гармонію достали; подъ гармонію-то пѣть не сталъ... Семенъ Иванычъ два раза передъ ними на колѣнки становился—не сталъ.

Василій Финогеичъ.

Ну, а ты-то, голубчикъ, выручалъ-ли?

Гордѣй

Три пѣсни сдѣлалъ, да опосля по Кунавину приказали съ бубномъ пройти.

Никонъ Никонычъ.

Все, значитъ, благородно, ничего таковà не было?

Гордѣй.

Ничего-съ. (*Ухмыляется*). Семена Иваныча опосля въ полицію вытребовали.

Аристархъ Захарычъ.

Значитъ, загулъ какъ быть слѣдуетъ.

Никонъ Никонычъ.

Хорошо!

Аристархъ Захарычъ.

Битва была?

Гордѣй.

Битвы чтобы это безобразной не было, а только, къ примѣру, они жида раздавили.

Никонъ Никонычъ.

До смерти?

Гордѣй.

Нѣтъ-съ, испугъ онъ только получилъ, а главное—сорвать захотѣлось. Играетъ онъ, это, примѣрно, на своихъ цимбалахъ, а Семенъ Иванычъ подошелъ къ нему, да были-то немножко...

Никонъ Никонычъ.

Понимаю...

Гордѣй.

Посклизнулся, да на него и упалъ. А жидъ этотъ, самый что ни на есть дрянной, выскочилъ на улицу, да на все Кунавино и кричитъ: „помогите, купецъ мнѣ кишки выдавилъ.“ Мы было за руки его ухватили, а Семенъ Иванычъ: бросьте, говоритъ, его, потому цѣна ему—грошъ.

Назаръ Артемьичъ.

Пустите меня, пожалуйста, сдѣлайте милость... невозможно мнѣ!.. Звѣрь, и тотъ теперича... тьфу!.. Все нутро выжгло!.. Говоритъ!...

Василій Финогеичъ

Погоди, еще не то будетъ. (*Всѣ смѣются*). Ну-ко, Гордюша, махни! Какъ бишь ее... (*Запѣваетъ*).

Какъ женила молодца
Чужа дальня сторона.

Гордѣй (*съ бубномъ подхватываетъ*).

Чужа дальня сторона
Макарьевска ярмарка.

Василій Финогеичъ.

Дѣлай!

Гордѣй.

И солучилася бѣда
И у Сафронова купца.

Назаръ Артемьичъ.

Катай!...

Василій Финогенчъ.

Очуствовался!

Назаръ Артемьичъ.

Катай, катай!...

Гордѣй.

И не сто рублевъ пропало,
И не тысяча его...

Назаръ Артемьичъ.

Тьфу!.. Смерть моя!

Василій Финогенчъ.

Схоронимъ. (*Вмѣстѣ съ Гордѣемъ*).

Пропадала у него
Дочь любимая его.

Никонъ Никонычъ.

Дмитрій! Цыганъ сюда, чтобы всѣ... (*Слуга уходитъ*).

Василій Финогенчъ.

Этотъ бубенъ кому хошь сердце растопитъ. Грохни, Гордюша, грохни! (*Поютъ вмѣстѣ*).

Ужъ искали ту пропажу
По болотамъ, по лѣсамъ,
По макарьевскимъ кустамъ...

Никонъ Никонычъ.

Шшъ!.. (*Останавливаются*). Не побрезгуйте. (*Всѣ берутъ стаканы*).

Василій Финогенчъ.

Эхъ, Гордюша! (*Беретъ его за borороду*). Цѣны ты себѣ не знаешь!

Николай Герасимычъ.

Да. Когда, напримѣръ, обчество... выпили и, значитъ, всѣхъ меланхолія, и кто можетъ объ эту пору на какомъ струментѣ распорядиться — большихъ денегъ такой человѣкъ стоитъ.

Василій Финогенчъ.

Ну-ко, особенную.

Гордѣй (*запѣваетъ*).

Торжествуетъ вся наша...

ЯВЛЕНІЕ V.

(*За дверью хохотъ, входятъ цыгане*).

Василій Финогенчъ.

А, милые!.. Къ самому разу!...

Аристархъ Захарычъ.

А, чавалы!.. Вотъ теперь пойдетъ самое настоящее!...

Никонъ Никонычъ.

Дмитрій! (*Показывая на столъ съ закуской*). Все сънова и дверь... чтобы лишній кто не вошолъ.

САМОДУРЪ.

КАРТИНЫ ИЗЪ КУПЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДАНИЛО ГРИГОРЬЕВИЧЪ БАЛЯСНИКОВЪ, купецъ 50 лѣтъ.
МАТРЕНА ПАНКРАТЬЕВНА, его жена.
ДАША, ихъ дочь.
ТАТЬЯНА МАТВѢЕВНА, жена ихъ сына.
БАБУШКА, мать Балясникова.
ЕГОРУШКА } племянники Балясникова.
ЛУША
АБРАМЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ, бывшій главный прикащикъ.
ЗОЯ ЕВГРАФОВНА, мѣщанка, другъ дома Балясниковыхъ.
ИВАНЪ ПРОХОРОВЪ, прикащикъ.
СЕРГѢЙ ИЛЬИЧЪ.
ПЕТРЪ САВИЧЪ РАЗСЫПНОЙ.
КАЛИНЪ ВЛАСОВЪ, подрядчикъ.
МАІОРЪ КАРТАШЕВЪ.
КУХАРКА, въ домѣ Балясниковыхъ.
ПОДРУГИ ДАШИ, дѣвушки, гости разнаго званія, офиціанты.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Балясникова.

Картина первая.

На сценѣ гостинная.

ЯВЛЕНІЕ I.

Зоя Евграфовна *(отворяетъ дверь).*

Можно грѣшной душѣ въ рай войти? Здравствуй, Авдотья Алексѣвна! *(цалуется).* Здравствуй, красавица ты моя! *(цалуется).* Вѣрно, ужъ не ждали меня не чаяли.

Авдотья.

Съ диву мы дались, куда ты только это запропала.

Зоя Евграфовна.

Въ Кіевѣ, голубушка моя, была, въ Кіевѣ. Невступно два года путешествовала. Ну, ужъ, матушка, сподобилась! Этакого, можно сказать, благолѣпія...

Авдотья.

То-то не видать тебя было. А у насъ безъ тебя тутъ...

Зоя Евграфовна.

Что?...

Авдотья.

И!... Хуже чего быть нельзя... все въ разсыпную пошло! При тебѣ мы Семена-то Данилыча женили, аль нѣтъ? Нѣтъ, тебя ужъ не было.

Зоя Евграфовна.

Безъ меня, матушка, безъ меня.

Авдотья.

Ну вотъ, голубка, женили мы его; годикъ онъ пожилъ у насъ съ молодой-то супругой, да и убѣгъ... Невтерпешь вишь ей жить стало. Да оно и правда: не всякая можетъ по здѣшнему безобразію, надо дѣло говорить.

Зоя Евграфовна.

Батюшки!

Авдотья.

Да, къ матери его и увела, теперича у тещи живутъ. И прежде у насъ въ домѣ кранболь былъ, а теперь хоть святыхъ вонъ понеси.

Зоя Евграфовна.

Вотъ такъ оказія!

Авдотья.

Самъ-то лютѣй волка сталъ! День-деньской ходитъ, не знаетъ на комъ зло сорвать. Кабы Егорушки не было, бѣда-бы намъ всѣмъ пришла; тотъ хоть своими боками отдувается, до полусмерти парня заколотилъ.

Зоя Евграфовна.

Кто это Егорушка?

Авдотья.

А сиротка тутъ у насъ живетъ, племянникъ, покойника Пантелѣя Григорьича—братъ нашему-то будетъ—сыночикъ.

Зоя Евграфовна.

Знаю, матушка, знаю; я къ покойнику-то хаживала. Вѣдь у него и дочка еще была.

Авдотья.

Лушенька. И та у насъ. Мать крестная въ пансіонъ ее къ мадамѣ отдавала на выучку. Только, матушка ты моя, померла она, а Данила Григорьичъ денегъ не захотѣлъ платить, ее оттедова назадъ къ намъ и оборотили. Эдакая-то раскрасавица, этакая-то ангельская душа!

Зоя Евграфовна.

И покойникъ-то былъ: эдакого, кажется, добраго человѣка...

Авдотья.

А какъ ему, голубушка, помирать-то не хотѣлось, какъ онъ плакалъ-то!... Дѣтокъ-то ему жалко было. — Братъ! нашему-то говоритъ: коли Богъ меня приберетъ, не бросай моихъ сироточекъ. А тотъ: видишь, говоритъ, Владычицу? Хошь со стѣны сниму ее, матушку? Все одно: твои дѣти — мои дѣти. Съ мѣста мнѣ не сойти! А покойникъ-то залился слезами: ну, говоритъ, дѣтушки, почитайте дядю всеодно — меня. А ужъ какая, матушка, у насъ жизнь, какая мука-то мучинская!...

Зоя Евграфовна.

Говорили тогда, что самъ послѣ покойника-то попользовался.

Авдотья.

Было! Съ прикащикомъ своимъ, Абрамомъ Васильичемъ, они всѣ дѣла обдѣлали, ни синя пороха малолѣтнимъ-то не оставили. Много грѣха на ихней душѣ, много, голубушка,

ахъ много! Да то ли еще у насъ, какъ тебѣ разсказать... Вѣдь у насъ скоро сватьба.

Зоя Евграфовна.

Сватьба?!

Авдотья.

Какъ же, матушка, сватьба. Ерцогиню свою мы за маіора просватали.

Зоя Евграфовна.

Да полно!

Авдотья.

Какъ есть маіоръ... значительный.

Зоя Евграфовна.

Вотъ громъ-то гремитъ не изъ тучи! Скажите пожалуйста!

Авдотья.

Теперь ты насъ голыми-то руками не хватай!

(За сценой голосъ Матрены Панкратьевны).

Авдотья.

Гдѣ Егорушко? Пошли его къ хозяину.

Авдотья.

Они, матушка, съ Володей ушли подъ Симоновъ синицъ ловить; домой, говорили, ближе вечера не потрафятъ. Да ужъ теперь скоро и вечерня. Ты погляди-ко, Матрена Панкратьевна, кто у насъ-то...

(За сценой голосъ Матрены Панкратьевны).

Кто тамъ такое?

Авдотья.

Пропащая пришла!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Матрена Панкратьевна.

Матрена Панкратьевна *(входя)*.

Ахъ, ты, Господи Боже мой! Вотъ кому не пропасть-то!

Зоя Евграфовна.

Именно ужъ, ангелъ мой, Матрена Панкратьевна *(цалуется)*. Богъ милости вамъ прислалъ... всѣмъ вамъ и вашему семейству, ангелы вы мои! *(плачетъ)*. Вѣдь эдакіе вы, Матрена Панкратьевна, ей Богу!.. Точно въ святое мѣсто придешь къ вамъ... Пошли вамъ Господи... *(цалуетъ въ плечо)*.

Матрена Панкратьевна.

Откуда притрепала?

Зоя Евграфовна.

Душу свою грѣшную, ангелъ мой, Матрена Панкратьевна, соблюдала... изъ Кіева.

Матрена Панкратьевна.

Плохо, знать, ты молилась объ насъ!

Зоя Евграфовна.

Да за кого же мнѣ больше молиться, голубь вы мой! Кого больше благодарить-то, матушка! Въ печь огненную велите броситься—брошусь! Вотъ какъ я васъ, можно сказать,

почитаю. Я вамъ правду говорю, Матрена Панкратьевна, мнѣ душа нужна, не продамъ своей души!

Матрена Панкратьевна.

Горе-то у насъ какое, слышала?

Зоя Евграфовна.

Нѣтъ, голубь мой, а что?

Матрена Панкратьевна.

Какъ же, матушка, вся Москва про нашъ срамъ знаетъ?

Зоя Евграфовна.

Да что вы говорите?

Матрена Панкратьевна.

Семенушку-то мы женили, а онъ отъ насъ и сбѣжалъ.

Зоя Евграфовна.

Ахъ!

Матрена Панкратьевна.

Да, вотъ ты и подумай, каково въ нынѣшнемъ свѣтѣ родителямъ-то!

Зоя Евграфовна.

Истинно, можно сказать, искушеніе вамъ Господь посылаетъ.

Матрена Панкратьевна.

Да я его и не виню, потому, ему Богъ понятія не далъ; въ коммерческомъ онъ у насъ шесть лѣтъ обучался, а курсу своего не могъ произойти, потому, его кормилица маленькаго макомъ опоила:—это все женушка его, она все....

Зоя Евграфовна.

Откуда вы, Матрена Панкратьевна, такую сокровищу выкопали?

Матрена Панкратьевна.

Богатая, матушка, съ деньгами, только ужъ такая-то идолъ, такая-то огневая баба, словно не изъ купеческаго рода.

Зоя Евграфовна.

Изъ чего голубушка, дѣло вышло?

Матрена Панкратьевна.

Самъ-то былъ не въ духѣ, драка у нихъ что-ли была, не умѣю сказать. Сѣли ужинать, а она, матушка, и надулась, не пьетъ, не ѣстъ, словно ночь темная сидитъ. Данило Григорьичъ косился, косился, да какъ крикнетъ: что ты, говоритъ, словно на мениналъ сидишь? Да на Семенушку: чему ты, дуралей, свою жену учишь? Она какъ вскочитъ! И пошла, и пошла! Я, говоритъ, не такого воспитанія, чтобы надо мной командовали, да помыкали мной. Я, говоритъ, свой капиталъ имѣю. Тотъ, послѣ этихъ словъ, какъ вскинется на нее: кто, говоритъ, смѣетъ въ моемъ домѣ такъ со мною разговаривать! Ну, разъ и ударилъ, не то чтобы шибко, а такъ, для острастки. Та, матушка, ни слова, посоловѣла вся, словно каменная сдѣлалась, пошла и заперлась въ спальнѣ. Ну ужъ, Данило Григорьичъ, да при своемъ-то характерѣ... мы думали, что и живы не останемся. Утромъ встали, хвать, анъ ихъ и слѣдъ простылъ.

Зоя Евграфовна.

Да что-жъ это такое? Да какъ же это возможно?

Матрена Панкратьевна.

И не знаю чтó теперь будетъ. Весь родъ нашъ острамила. Самъ-то ходитъ, да поѣдомъ всѣхъ ѣстъ. А кто виноватъ? Спьяну женилъ парня-то, ей Богу, и со мной не посовѣтовался. А теперь, говоритъ, брошу все да въ Америку уѣду.

Зоя Евграфовна.

Въ Америку?

Матрена Панкратьевна.

Въ Америку, матушка, какую-то.... кто его знаетъ, что ему на умъ придетъ.

Зоя Евграфовна.

Ну, а Дмитрій-то Данилычъ?

Матрена Панкратьевна.

О, матушка, Дмитрій Данилычъ такихъ бѣдъ настряпалъ, такихъ чудесъ натворилъ... какъ же, матушка, въ газетахъ распечатали! Поѣхалъ онъ, отецъ послалъ въ чужіе края по машинной части. На разные-то языки онъ не умѣетъ, переводчика, жиденка какого-то купцаго нанялъ, по Москвѣ] безъ дѣла шлялся. Ну, вотъ, матушка ты моя, пріѣхали они въ какой-то городъ нѣмецкій, а тамъ для короля ихняго, али прынецъ онъ што-ли какой, феверки приготовили. У Дмитрія-то Данилыча въ головѣ-то, должно быть, было: зажигай, говоритъ, скорѣй. А тамъ и говорятъ: погодите, почтенийи,

когда прынецъ пріѣдетъ. — Я, говоритъ, московскій купецъ, за все плачу. Тѣ, голубушка, заглядѣлись, а онъ цыгарку туда, въ феверку-то, и сунулъ, — такъ все и занялось! Самъ ужъ просьбу подалъ, чтобы по этапу его оттеда сюда предоставили. Да какъ поѣхалъ-то, изъ выручки хватилъ; стали лавку-то считать...

ЯВЛЕНІЕ III.

(Входитъ Егорушка).

Матрена Панкратьевна.

Что ты шляешься безъ пути?

Егоръ.

Что-жъ, я мѣшаю что-ли кому?

Матрена Панкратьевна.

Какъ ты это можешь говорить мнѣ! Пошелъ сейчасъ къ хозяину, ищетъ тебя. *(Егоръ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же безъ Егорушки.

Зоя Евграфовна.

Что, Матрена Панкратьевна, на какомъ онъ у васъ положеніи?

Матрена Панкратьевна.

Какое его положеніе! Голубей гоняетъ... Да вотъ, пить

обучился; мальчишка молодой, присмотрѣть-то некому — и пьетъ. На фабрику посылали, — фабрика у насъ подъ Троицей: пристращали его тамъ, а онъ, со злости, въ озеро бросился.... на силу раздѣлались.

Зоя Евграфовна.

Ну, Матрена Панкратьевна, истинная вы, ангелъ мой, страдалица. Именно ужъ Богъ... *(плачетъ).*

Матрена Панкратьевна.

Самъ, никакъ, идетъ *(встаетъ).* Пойдемъ отсюда; можетъ, не въ духѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же, Данила Григорьичъ и Абрамъ Васильичъ.

Данила Григорьичъ.

А! живая душа!

Зоя Евграфовна.

Здравствуйте, батюшка Данила Григорьичъ! Богъ вамъ милости прислалъ *(цалуетъ въ плечо).*

Данила Григорьичъ *(обращаясь къ Абраму Васильичу).*

Ступай съ Богомъ, ступай.

Матрена Панкратьевна.

Шелъ-бы лучше, старикъ, домой, что толчошься-то тутъ? Помогали вамъ — будетъ. Что у насъ богадѣльня, что-ль?

Абрамъ Васильичъ.

Матушка, Матрена Панкратьевна, вы дѣловъ нашихъ не знаете. У насъ большія дѣла были.

Матрена Панкратьевна.

Не знаю я твоихъ дѣловъ, а что надоѣлъ ты намъ хуже горькой полыни. Пойдемъ, Евграфовна *(уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Данила Григорьичъ и Абрамъ Васильичъ.

Абрамъ Васильичъ.

Съ малыхъ лѣтъ въ вашемъ домѣ... старался ужъ кажется... душу свою положилъ.

Данила Григорьичъ.

Вѣрю, братецъ, я вѣрю.

Абрамъ Васильичъ.

И радъ-бы работать—зрѣнія нѣтъ, наказалъ меня Богъ.

Данила Григорьичъ.

Абрамъ Васильевъ, ты меня, кажется, долженъ знать: я сказалъ....

Абрамъ Васильичъ.

Батюшка, Данила Григорьичъ, что-жъ мнѣ дѣлать-то съ малыми-то дѣтьми? Отецъ родной... хоть для нихъ-то. ¡Надѣть нечего. Не для себя я прошу. Самъ я буду терпѣть, такъ мнѣ и надо. Еще мало мнѣ этого наказанія; можетъ,

больше Богъ пошлетъ. Для дѣтей, батюшка, для ребятъ малыхъ. Богу за тебя помолятъ. Вѣдь я по улицѣ хожу — милостыньку прошу *(плачетъ)*. Вѣдь меня за это два раза въ часть на веревкѣ водили.

Данила Григорьичъ.

По теперешнимъ временамъ ничего не могу.

Абрамъ Васильичъ.

Голубчикъ, съ голоду помираютъ. Жену въ больницу положилъ, другой годъ, голубушка, мается. Вѣдь за грѣхи за мои. А грѣхи-то я для кого дѣлалъ? Взгляни-ка на Бога-то?

Данила Григорьичъ.

Что-жъ, тебѣ легче, что-ль, отъ этого будетъ?

Абрамъ Васильичъ.

Можетъ, совѣсть тебя зазритъ, можетъ ты очуствуешься. Вспомни-ка, что я для тебя сдѣлалъ! Что я сдѣлалъ-то для тебя! Вѣдь я отъ этого ослѣпъ, зрѣніе у меня Богъ за это отнялъ. Не одна сотня, можетъ быть, изъ-за моихъ дѣловъ по Москвѣ по міру ходитъ. А для кого я старался-то?

Данила Григорьичъ.

Ты, братецъ, въ грѣхѣ, ты и въ отвѣтѣ.

Абрамъ Васильичъ.

Да грѣхъ-то нашъ одинъ и дѣла-то наши однѣ... Фабрику-то сожгли...

Данила Григорьичъ.

Кто жогъ-то?

Абрамъ Васильичъ.

Я жогъ! Для тебя это я! Какъ собака я тебѣ преданъ былъ.

Данила Григорьичъ.

Ты вотъ что: ты старыхъ дѣловъ не трогай. Ныньче не тѣ порядки. Ныньче вашего брата, кляузника, сотнями на каторгу гонятъ. Пора отъ васъ Москву очистить. Туда улетишь...

Абрамъ Васильичъ.

Нѣтъ, ужъ если летѣть, такъ полетимъ вмѣстѣ, врозь намъ съ тобой невозможно. Свидѣтели-то которые живы, по трактирамъ ихъ розыскать можно, да и наслѣдники-то...

(*Егорушка показывается въ дверяхъ*).

Данила Григорьичъ.

Что ты шляешься!... (*Егорушка скрывается*). Понимаю! Это ты насчетъ... Это дѣло темное.

Абрамъ Васильичъ.

Высвѣтлютъ, свѣтло будетъ.

Данила Григорьичъ.

Что-жъ ты, слѣпой чортъ, пугать меня пришелъ, что-ли?

Абрамъ Васильичъ.

Кто тебя теперича съ твоимъ капиталомъ испугаетъ? Кого ты испугаешься? Дѣло сдѣлано: душу мы съ тобой продали, наслѣдниковъ ограбили, концы схоронили. Работа наша чистая! Малымъ дѣтямъ моимъ помоги: ни въ чемъ они не повинны.

Данила Григорьичъ.

Сказано и сдѣлано.

Абрамъ Васильичъ.

Ну, человѣкъ! Господи! Правъ твой судъ надо мною! Сказано, зубы грѣшниковъ сокрушу. Сокруши меня Господи! сокруши меня за мои дѣла неправыя. Кирюша! (*входитъ мальчикъ*). Пойдемъ, батюшка (*уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Данила Григорьичъ одинъ.

Ишь ты, подхалимъ какой! Смиреніе напустилъ! Пользовался,—будетъ. Бывало, сундукъ трещитъ, успѣвай только для него деньги подкладывать. Знаемъ мы тебя, выжигу очненно намъ хорошо всѣ твои дѣла извѣстны. Да-съ! Ишь лазаря поетъ, другой какой, можетъ, и повѣритъ. Не въ тѣ ворота ходите, напротивъ пожалуйте, тамъ подаютъ, а у насъ всѣ живы. Да-съ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Даша, Бабушка, Егорушка и дѣвушки.

1-я дѣвушка.

Сейчасъ Сергѣй Ильичъ мимо насъ въ коляскѣ пролетѣлъ... Сидитъ такъ важно.

Даша.

Его танцмейстеръ училъ.

Егорушка.

Въ коляскѣ-то сидѣть? *(смѣется)*.

Даша.

Что-жъ ты смѣешься?

Егорушка.

Чему-жъ тутъ учиться?

Даша.

Что съ тобой, дуракомъ, говорить? ты развѣ что понимаешь?

Егорушка.

Ты много понимаешь!

Даша.

Ну, можешь-ли ты въ коляскѣ проѣхать, чтобы не смѣшно было?

Егорушка.

Я лучше его проѣду (*всѣ смѣются*). Онъ глаза какъ-то выворотитъ, руки растопыритъ, словно его казнить везутъ.

Даша.

Егорка, пошелъ вонъ!

Егорушка.

Что-жъ тебѣ мѣста мало, что-ли?

Даша.

Мѣста много, а потому что ты невѣжа, не знаешь обращенія.

Егорушка.

О!

Даша.

Егорка, ты не груби! Знаешь, что тебѣ за это?

Егоръ.

Ухъ, какъ страшно!

2-я дѣвушка.

Егорушка, вамъ-бы жениться пора. *(Егоръ ухмыляется)*. Право! Что вы не женитесь?

Егорушка.

Еще невѣста не выросла.

2-я дѣвушка.

А когда выростетъ, вы не прочь?

Егорушка.

Что-жъ, извѣстно.

1-я дѣвушка.

Женитесь на мнѣ. *(Егоръ хохочетъ)*. Чему-же вы смѣетесь?

Егорушка.

Да какъ-же такъ сразу...

1-я дѣвушка.

Мы-бы съ вами въ паркъ въ коляскѣ поѣхали.

2-я дѣвушка.

Вотъ опять Сергѣй Ильичъ ѣдетъ. *(Всѣ смотрятъ въ окно)*.

Егорушка.

Стрюцкой!

Даша.

Егорка, разозлишь ты меня... смотри!

Егорушка.

Ну, Богъ съ тобой, не буду *(идетъ)*.

2-я дѣвушка.

Куда же вы идете изъ нашей компаніи? Значитъ, вамъ съ нами непріятно?

Егорушка.

Нѣтъ, ничего, да надо голубямъ корму задать.

1-я дѣвушка.

Стало быть, вы барышень на голубей хотите промѣнять! Хорошъ кавалеръ!

Егорушка

Да вѣдь голуби-то что дѣвицы—тоже ѣсть хотятъ *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ-же безъ Егорушки.

1-я дѣвушка.

Какой онъ у васъ чудной!

Даша.

На него находитъ. Бываетъ, что онъ по три дня не говоритъ ни съ кѣмъ.

Бабушка.

Били его больно махонькаго-то. Столько этотъ парень побой принялъ,—какъ еще онъ живъ-то! Бывало, Данила Григорьичъ выпивши когда, начнетъ на немъ зло срывать—па-

рень почернѣетъ весь. Разъ до смерти было-убилъ, за попомъ посылали, причащали и исповѣдывали.

2-я дѣвушка.

Сирота вѣдь онъ?

Даша.

Онъ намъ двоюродный братъ *(молчаніе)*.

1-я дѣвушка.

Мы зимой Еруслана и Людмилу въ театрѣ видѣли; какъ отлично розыгрываютъ, какъ танцуютъ!

Бабушка.

Заиграешь, матушка, затанцуешь, какъ жрать-то нечего. Куда только душу-то свою уготоваютъ.

2-я дѣвушка.

Да вѣдь въ этомъ, бабушка, грѣха нѣтъ.

Бабушка.

Почитай въ умныхъ книжкахъ, что тамъ про это. Почитай-ка, да чтобы съ чувствомъ, такъ узнаешь. Намедни Володя читалъ эту книжку, да послѣ сталъ у воротъ, да всякому кто ни пройдетъ—мужикъ-ли, баринъ-ли, всѣмъ въ ноги кланялся, плачетъ да кланяется, простите, говоритъ, меня окаяннаго.

1-я дѣвушка.

Зачѣмъ-же онъ въ ноги кланялся?

Бабушка.

Книжка ужъ такая. Все, говоритъ, Ѳекла Герасимовна,

мое сердце растопилось. Ужъ и я-то на его глядя наплакалась.

1-я дѣвушка.

А кто это Володя?

Бабушка.

Старичокъ тутъ у насъ... Почетный гражданинъ, потомственный, большой капиталъ имѣлъ, только разумомъ помутился; въ ямѣ онъ долго сидѣлъ,—отъ этого, говорятъ.

Даша.

Да полноте! Это онъ отъ бѣлой горячки. Докторъ сказалъ, что у него бѣлая горячка, онъ все и безобразничаетъ.

Бабушка.

А блаженные-то люди...

ЯВЛЕНІЕ X.

Кухарка *(въ попыхахъ).*

Барышня! Татьяна Матвѣевна пріѣхала! Ѳекла Герасимовна, упреди ты ее, матушка! Данила-то Григорьичъ еще не уѣхалъ.

(За сценой голосъ Матрены Панкратьевны).

Батюшка, Данила Григорьичъ, не убей ты ее!

Кухарка.

Ну, на самаго, знать, наткнулась.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Данила Григорьичъ и Татьяна Матвѣвна.

Матрена Панкратьевна.

Батюшка!

Данила Григорьичъ.

Вонъ всѣ отсюда!

Бабушка

Полно, батька, что съ тобой!

Данила Григорьичъ.

Маменька, я себя понимаю! Кто я и что я — очення я это хорошо знаю. Это до васъ не касающее.

Бабушка *(къ Татьянѣ Матвѣвнѣ).*

Покорись, матка:—нехорошо, грѣхъ.

Данила Григорьичъ.

Подите всѣ вонъ (*всѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Данила Григорьичъ.

Такъ вы вотъ какъ! Ловко! Что-жъ мнѣ теперича... Что долженъ дѣлать? Убить, напримѣръ, тебя, такъ ты этого не стоишь...

Татьяна Матвѣвна.

Убить вамъ меня не за что.

Данила Григорьичъ.

Гм!... Я такъ понимаю: когда ежели я съ кѣмъ говорю, стоять долженъ такой человѣкъ передо мною.

Татьяна Матвѣвна.

Я женщина.

Данила Григорьичъ.

Ты-то? Развѣ есть тебѣ какое званіе окромя...

Татьяна Матвѣвна.

Я къ вамъ пришла не ссориться, я пришла къ вамъ за дѣломъ.

Данила Григорьичъ.

А я полагалъ за другимъ чѣмъ. Я полагалъ: ежели кто меняострамилъ...

Татьяна Матвѣвна.

Никто. васъ не срамилъ.

Данила Григорьичъ.

Кто ежели меня на всю Москву ославилъ...

Татьяна Матвѣвна.

Что вы кричите!

Данила Григорьичъ.

Ты мнѣ не смѣй указывать! Что ты меня учить что-ли пришла?

Татьяна Матвѣвна.

Я пришла къ вамъ за дѣломъ, а вы не хотите меня слушать.

Данила Григорьичъ.

Какія промежду насъ могутъ быть дѣла? Я васъ знать не знаю! Ежели вы, теперича, умнѣй меня стали, значитъ мнѣ до васъ дѣла нѣтъ. Ступайте на всѣ четыре стороны. Промежду нами все кончено! А съ Сенькой мы разсчитаемся. Я ему покажу.

Татьяна Матвѣвна.

Да онъ ни въ чемъ не виноватъ.

Данила Григорьичъ.

Дѣло понятное! Гдѣ ему, дураку, такое колѣно выдумать! Знаемъ, что ты эту статью обработала.

Татьяна Матвѣвна.

Да, я.

Данила Григорьичъ.

Ну, такъ и проваливай, никто тебя за хвостъ не держитъ. Наше вамъ-съ! А за непочтеніе родительское мы съ нимъ раздѣлаемся.

Татьяна Матвѣвна.

Я пойду, только отдайте мои деньги.

Данила Григорьичъ.

Какія деньги?

Татьяна Матвѣвна.

У васъ мои деньги.

Данила Григорьичъ.

Что ты очумѣла что-ль? Какъ воры какіе изъ дому родительскаго ушли... вѣдь вы воры!...

Татьяна Матвѣвна.

Не обижайте меня, Данила Григорьичъ.

Данила Григорьичъ.

Ушли, напримѣръ...

Татьяна Матвѣвна.

Я ушла потому, что жить у васъ невозможно.

Данила Григорьичъ.

Да, безобразничать нельзя. Этого я не люблю. Дѣйствительно, вамъ жить у меня дѣло не подходящее, на слободѣ вамъ лучше. Ежели теперича со стороны кто послушаетъ: взяли ее въ домъ, можно сказать, какъ дочь, а она сейчасъ завела разстройство, сына напротивъ отца научила, благо дуракъ, и за это за самое чтобы ей денегъ! Ты очумѣла, братъ.

Татьяна Матвѣвна.

Я вашихъ не прошу, я хочу получить свои.

Данила Григорьичъ.

Да я у тебя бралъ?

Татьяна Матвѣвна.

Да я вамъ на другой день послѣ сватьбы своими руками отдала деньги, которыя мнѣ бабушка подарила.

Данила Григорьичъ.

А свидѣтели у тебя есть?

Татьяна Матвѣвна.

Какъ свидѣтели, зачѣмъ свидѣтели? Я при мужѣ вамъ отдала.

Данила Григорьичъ.

А развѣ можетъ ему довѣріе быть, если онъ, напримѣръ, отъ отца своего убѣжалъ?

Татьяна Матвѣвна.

Данила Григорьичъ!

Данила Григорьичъ.

И ежели я вамъ въ своемъ домѣ все скопировалъ, напримѣръ, въ лучшемъ видѣ.

Татьяна Матвѣвна.

Послушайте!

Данила Григорьичъ.

Слушать мнѣ тебя нечего, потому какъ ты есть пустая баба, и разговаривать я съ тобой не согласенъ.

Татьяна Матвѣвна.

Чтó-же это такое?

Данила Григорьичъ.

Ничего! Ступай откуда пришла. Мужъ хоша и дуракъ, а умнѣе тебя, чувствуетъ свою провинность—не лѣзетъ, а ты лѣзешь—значитъ, ты пустая баба и есть.

Татьяна Матвѣвна.

Да вѣдь нельзя-же такъ, Данила Григорьичъ!

Данила Григорьичъ.

Денегъ нѣтъ.

Татьяна Матвѣвна.

Маменька знаетъ, что деньги вамъ отданы.

Данила Григорьичъ.

Нѣтъ у меня денегъ никакихъ. Ступай откуда пришла.

Татьяна Матвѣвна.

Я не знаю... Какъ-же это такъ? Я попрошу дяденьку Артемья Сергѣича, я его къ вамъ пришлю.

Данила Григорьичъ.

Да, присылай, да только поскорѣе, а то его въ яму посадятъ: пожалуй, не успѣешь. Покуда на слободѣ-то, пусть придетъ, провѣтрится, ему это въ пользу. А этому бѣлогубому-то, мужу-то своему, скажи, чтобы онъ мнѣ и на глаза не попадался.

Татьяна Матвѣвна.

Прощайте.

Данила Григорьичъ.

Да и матери-то своей скажи: стыдно ей на старости лѣтъ. Чѣмъ лясы-то точить со странниками-то, она-бы лучше тебя добру учила.

Татьяна Матвѣвна.

Маменька дурному меня не учитъ.

Данила Григорьичъ.

Дѣло это на виду, чему она тебя обучила-то.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ-же и Матрена Панкратьевна.

Матрена Панкратьевна.

Другая-бы хорошая баба, на твоемъ мѣстѣ, въ ногахъ досыта навалялась, а ты фыркаешь.

Данила Григорьичъ.

Пусть поломается, ничего. За деньгами пришла. Ты это какъ понимаешь?

Матрена Панкратьевна.

Какія деньги, безстыдница! Какія твои деньги? Даромъ что-ли васъ съ мужемъ-то...

Татьяна Матвѣвна.

Прощайте. (*Поспѣшно уходитъ*).

Матрена Панкратьевна.

Полно ботвить-то! Ужли ты въ-заправду... Тьфу тебѣ... Чтобы и духу твоего здѣсь не было! Да вотъ, Данила Григорьичъ, воля твоя, а съ Егоркой сладу нѣтъ. Вчера напился, да съ фабричными сталъ въ присядку плясать.

Данила Григорьичъ.

А вотъ послѣ сватьбы его на фабрику, а Лукерью замужъ.

Матрена Панкратьевна.

Что-жъ на фабрику: опять уйдетъ. Теперича въ кухнѣ

какими-то деньгами похваляется; у меня, говоритъ, скоро свой капиталъ будетъ.

Данила Григорьичъ.

Какой капиталъ?

Матрена Панкратьевна.

Кто его знаетъ, какія его рѣчи. Пригрози ты ему, чтобъ не болталъ пустаго. Народу у насъ всякаго много. *(Подходитъ къ двери)*. Кликните энтого оглашеннаго-то.

Данила Григорьичъ.

Это ужъ, напримѣръ, день такой вышелъ, всѣ меня разстроиваютъ. Словно сговорились всѣ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ-же и Егорушка.

Данила Григорьичъ *(становится въ важную позу)*.

Ты кто такой? (*Егоръ молчитъ*). Я тебя спрашиваю: что̀ ты за человѣкъ?

Егорушка.

Что-жъ, человѣкъ, обнаковенно.

Матрена Панкратьевна.

Какой такой у тебя капиталъ? (*Егорушка улыбается*). Что̀ зубы-то скалишь? Покажи, коли есть. (*Молчаніе*). Отодрать-бы тебя хорошенько, чтобъ не болталъ зря.

Данила Григорьичъ.

Егоръ, ты меня знаешь. Ты знаешь, что я, ежели кто пустыя слова какія говоритъ...

Матрена Панкратьевна.

Абрамка что-ли тебя...

Данила Григорьичъ.

Молчи! (*Подходитъ близко къ Егорушкѣ*). Про какія значитъ, ты это деньги говорилъ?

Егорушка.

Что-жъ, бей!

Матрена Панкратьевна.

Экая эхида мальчишка!

Егорушка.

Бей! ну!

Матрена Панкратьевна.

Вотъ злющій-то!

Данила Григорьичъ.

Съ кѣмъ ты это такъ говоришь?

Егорушка.

Съ тобой говорю. Ну!

Данила Григорьичъ.

А я кто такой?

Егорушка.

Воръ! (*Прыгаетъ въ окно*).

Матрена Панкратьевна.

Батюшки! Опять пожалуй, утопится!

Картина вторая.

Зала, убранная для бала.

ЯВЛЕНІЕ I.

Алешка и Официантъ.

Алешка.

Вчера нашего хозяина судили... при всей публикѣ! Чтò страму было! Всѣ медали надѣвалъ, думалъ, страшно будетъ.

Официантъ.

Засудили?

Алешка.

Сама собой! Потому, у Татьяны Матвѣвны деньги зажилилъ, и сейчасъ всѣ отдать велѣно. Какъ сталъ онъ тамъ говорить, такъ публика вся и покатилась со смѣху, словно въ кіатрѣ. Разозлился, борода распушилась!... Пріѣхалъ домой — ужъ онъ меня лупилъ, лупилъ, за то, что я на его страмъ глядѣть ходилъ. Я, говоритъ, тебя живаго въ гробъ заколочу... Невозможно! (*Хохочетъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Данила Григорьичъ и Иванъ Прохоровъ.

Данила Григорьичъ.

Скажи ему: хоша окружной судъ и засудилъ меня, но что, молъ, это неправильно, и денегъ я ей не отдамъ. И какъ, напримѣръ, теперича у меня сватьба....

Иванъ Прохоровъ.

Онъ говоритъ, коли ежели хозяинъ платить не хочетъ, такъ на воротахъ объявленіе прибьютъ.

Данила Григорьичъ

Это очень хорошо будетъ. По крайности, народъ будетъ видѣть, какъ ныньче съ родителями-то... Гдѣ онъ?

Иванъ Прохоровъ.

Въ конторѣ сидитъ.

Данила Григорьичъ.

Я самъ пойду переговорю съ нимъ. (*Къ официанту*). Чтобы все было въ аккуратѣ... И какъ сейчасъ женихъ пріѣдетъ, долженъ ты докладать.

Официантъ.

Слушаю-съ. Порядки знаемъ. (*Уходятъ: Официантъ, Алешка и Иванъ Прохоровъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Матрена Панкратьевна и Даша.

Матрена Панкратьевна.

Данила Григорьичъ, что съ дѣвкой-то сдѣлалось? Ревма реветъ.

Данила Григорьичъ.

Терпѣть я этого не могу!

Матрена Панкратьевна.

Разговори ты ее.

Данила Григорьичъ.

Дарья, какъ я долженъ это понимать?

Даша.

Мнѣ скучно. *(Плачетъ).*

Данила Григорьичъ.

Дарья!

Матрена Панкратьевна.

Чтò ты, Богъ съ тобой! За маіора за военнаго выходить, да скучно. Да другая-бы, на твоемъ мѣстѣ, такъ-бы носъ-то вздернула, да хвостъ растопырила...

Даша.

За чтò-жъ я должна за старика идти?

Данила Григорьичъ.

Это не твое дѣло! Значить, мнѣ это нужно, для моихъ дѣловъ. *(Даша плачетъ).* Что я задумалъ, никто этого

знать не можетъ. А ваше дѣло, что̀ я приказываю—кончено! Не мерзавецъ я въ своей жизни, я чувствую свою дѣятельность. Учить вамъ меня нечего. Отецъ съ матерью должны за дѣтей своихъ Богу отвѣчать, стало быть, они знаютъ.

Матрена Панкратьевна.

Вотъ ты и слушай, что отецъ-то тебѣ говоритъ.

Даша.

Полноте, маменька! *(Плачетъ).*

Данила Григорьичъ.

Дарья, чтобъ я этого не видалъ, слышишь? *(Къ женѣ).* Это твое дѣло; ты должна все произвести. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Зоя Евграфовна, (*входя*).

Это она, ангелъ мой, просто отъ волненія. Какъ готовится Дарьѣ Даниловнѣ перемѣна въ жизни, опять же эдакое счастіе, за военнаго выходятъ, такъ они этого равнодушно перенести и не могутъ. Это я вамъ вѣрно говорю. Да вотъ я на Угрешу ходила, такъ одна дама...

Даша.

Ахъ, батюшка! *(Уходитъ съ Матреной Панкратьевной).*

Зоя.

Скажите, пожалуста! Кто со стороны посмотритъ, можетъ, и повѣритъ. Терпѣть я не могу, какъ эти лапотницы при-

вередничаютъ. Ну, что разрюмилась-то! Мало ей, видишь, маіора! Что-жъ тебѣ, генерала, чтò-ли?... А можетъ, я и грѣшу; можетъ, ей, и вправду не нравится; хоть и маіоръ, а не подъ кадрель онъ ей! Что за женихъ... такъ бодрится только, а ужъ, пожалуй, на два аршина въ землю смотритъ... Господи, прости Ты мое великое согрѣшеніе! Сказано: не суди...

ЯВЛЕНІЕ V.

Егорушка (*входитъ*).

Зоя.

Здравствуйте, батюшка, Егоръ Пантелеичъ.

Егорушка.

Здравствуйте.

Зоя.

Что это вы, батюшка, какой невеселый.

Егорушка.

Радоваться-то нечему.

Зоя.

Какъ нечему, ангелъ вы мой! Сватьба у васъ въ домѣ. (*Егорушка смѣется*). Чему же вы, батюшка, смѣетесь?

Егорушка.

Потому, смѣшно! (*Передразниваетъ жениха*).

Зоя.

Именно, батюшка, именно! (*Хохочетъ*). Ахъ вы потѣшникъ эдакой! Ну, что, красавецъ, какъ вы поживаете? (*Его-

рушка оглядывается кругомъ). Вы меня, голубчикъ, не бойтесь, я жалѣючи васъ спрашиваю.

Егорушка.

Въ острогѣ лучше.

Зоя.

Содомъ у васъ въ домѣ-то, какъ я посмотрю. Вамъ я, знаете, чтò-бы посовѣтовала (*входитъ официантъ, Егорушка уходитъ*)...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Зоя Евграфовна и Официантъ.

Зоя.

Ахъ, вотъ мой батюшка... ты кандитеръ?

Официантъ.

Официантъ... все одно-съ.

Зоя.

Скажите мнѣ, сударь ты мой, что къ ужину наготовлено?

Официантъ.

Первое дѣло—ветчина.

Зоя.

Съ горошкомъ?

Официантъ.

Съ горошкомъ.

Зоя

Ну, а второе?

Официантъ

Галантиръ будетъ.

Зоя.

Вотъ это, сударь ты мой, я очень люблю—этотъ галантиръ. Ежели его оттянуть хорошенько...

Официантъ.

Повара оттягиваютъ.

Зоя.

А больше ничего?

Официантъ.

Какъ возможно-съ! Жаркое фазаны...

Зоя.

Какъ это все безподобно!

Официантъ.

Пирожное мислероде и померанцовые зефиры.

Зоя, (*ударяя его по плечу*).

Разчудесно, милостивый государь! Вотъ что теперь, батюшка, имени отечества я вашего не знаю...

Официантъ.

Осипъ Яковлевъ.

Зоя Евграфовна.

Осипъ Яковличъ! Попрошу я у тебя. (*Оглядывается кругомъ и шепчетъ на ухо*).

Официантъ.

Съ великимъ удовольствіемъ! Сколько угодно-съ...

Зоя.

Такъ, небольшую. Оно-бы и не слѣдовало мнѣ... ну да по немощамъ по моимъ.

Официантъ.

Это завсегда можно-съ.

Зоя.

Я въ садъ пройду... туда.

Официантъ.

Слушаю-съ. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

(*Черезъ сцену проходятъ гости, нѣкоторые остаются на сценѣ*).

Дама.

Что вы къ намъ никогда не зайдете?

Кавалеръ.

Это зависитъ, если вы меня пригласите.

Дама.

Пріѣзжайте къ намъ въ воскресенье на дачу.

Кавалеръ.

Коли случай выдетъ—пріѣду. (*Проходитъ важная купчиха, старуха одѣта по-русски*).

Кавалеръ.

Наше почтеніе, Домна Степановна!

Купчиха.

Здравствуй, батька! Ишь ты кортеколъ какъ напялилъ...

Кавалеръ.

Что вы, Домна Степановна, это спинжакъ...

Купчиха.

Одна ему цѣна-то. *(Уходитъ).*

Кавалеръ.

Не любитъ! По старой вѣрѣ, по преображенскому. *(Изъ боковой двери выходятъ дѣвицы и мужчины).*

Иванъ Макаровичъ.

Нѣтъ, политика-съ!

Дѣвица.

Никакой въ этомъ политики нѣтъ.

Иванъ Макаровичъ.

Коли ежели не политика—докажите! А я вамъ сейчасъ докажу. Давеча Прасковья Титовна говоритъ...

Прасковья Титовна.

Вы меня, пожалуйста, въ ваши дѣла не путайте. Я себя очень хорошо понимаю.

Иванъ Макаровичъ.

Ну, значитъ, и разговору конецъ! А между прочимъ, я всетаки буду говорить, коли человѣкъ съ чувствомъ, онъ завсегда женскія дѣла понимать можетъ.

Дѣвица.

Не всякая женщина дастъ себя понимать.

Иванъ Макаровичъ

Надо, чтобы взаимнообразно. Мы и это можемъ.

Дѣвица.

Вы женились-бы лучше, чѣмъ изъ пустаго въ порожнее пересыпать.

Иванъ Макаровичъ.

Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ же-съ!

Дѣвица.

Что вы это говорите! Всѣ люди женятся. Вы богатый женихъ, можете составить партію...

Иванъ Макаровичъ.

Въ пирамиду, пожалуй, а на эти дѣла я не согласенъ. Такъ помаемся, пока Богъ грѣхамъ терпитъ.

Дѣвица.

Ну, давайте, мы васъ величать будемъ. Хоть и не стоите вы этого.

Иванъ Макаровичъ.

Я не стою?

Прасковья Титовна.

Не стоите!

Иванъ Макаровичъ.

Да опосля этаго....

(Дѣвушки запѣваютъ).

Царскій сынъ королекъ,
Войди, сударь, въ городокъ.
Стань, низко поклонись,
Любешенько поцалуй.

Иванъ Макаровичъ.

Всѣхъ цаловать, али кого на выборъ? (*Всѣ смѣются*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Калинъ Власовъ (*входитъ, обнявши чиновника*); **официантъ** (*вноситъ мороженое*).

Калинъ Власовъ.

Мы, вишь ты, простые мужики, а вы благородные.

Чиновникъ.

Все равно, Калинъ Власьичъ! Кто имѣетъ благородную душу...

Калинъ Власовъ.

Это дѣйствительно! Кто ежели что умѣетъ, онъ сейчасъ! Вѣрно? А женихъ пріѣдетъ, я ему сейчасъ въ ноги. Потому, какъ родитель нашъ былъ простой мужикъ, и мы, значитъ, мужики простые. Дѣло я говорю? Ваше благородіе, вѣрно? Ахъ, ты мой батюшка! Поцалуй ты меня мужика простаго, неученаго...

Чиновникъ.

Что вы, Калинъ Власьичъ. (*Цѣлуются*).

Калинъ Власовъ.

Ахъ, ты мой голубчикъ!... А живемъ мы, слава тебѣ Господи! Дай Богъ всякому... и капиталъ имѣемъ... и большой мы капиталъ имѣемъ.

Иванъ Макаровичъ.

Въ три вѣка вашего капиталу-то не прожить, Калинъ Власьичъ.

Калинъ Власовъ.

Вѣрно! Видишь? (*Показываетъ на медаль*). Не простой я человѣкъ, а? А я казну знаю... наскрось я ее матушку знаю! Дѣвушки, повеличайте меня... мы заплатимъ. А это дочка моя... вишь, желтинькая-то... Парашей прозывается. Параша, какъ ты своего отца понимаешь?

Дѣвушка.

Что вы ее конфузите!

Калинъ Власовъ.

Ничего, пущай скажетъ, какъ она меня понимаетъ. Дѣти должны своихъ родителевъ... Она у меня неученая, не то, что какъ другія прочія, а дѣвушка настоящая, во всей формѣ.

Офиціантъ

Иванъ Макаровичъ, пожалуйте!

Иванъ Макаровичъ.

Готово? До пріятнаго свиданія.

Дѣвица.

Что-жъ вы, Иванъ Макаровичъ, оставляете нашу компанію?

Иванъ Макаровичъ.

Да вѣдь ужъ подано. Пропустить этого никакъ невозможно. Съ градомъ! Стоятъ двѣ рядомъ! (*Уходитъ*).

Дѣвица.

Ну, и мы пойдемъ съ вами. (*Уходитъ*).

Калинъ Власовъ.

Баринъ, я тебя полюбилъ! Будешь жениться, приходи ко мнѣ, я тебѣ помогу. Не то, что къ примѣру... денегъ дамъ... Истинно тебѣ говорю: денегъ дамъ, за простоту за твою. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Сергѣй Ильичъ и Зоя Евграфовна.

Сергѣй Ильичъ.

Ты, Зоя Евграфовна, кажется, тамъ на вольномъ-то воздухѣ рюмочку протащила?

Зоя.

Не солгу: былъ грѣхъ! Что-жъ за важное дѣло! Вѣдь экіе вы, право! (*Сергѣй Ильичъ пристально смотритъ на нее*). Что это вы на меня такъ смотрите?

Сергѣй. Ильичъ.

Такъ, я... (*Ухмыляется*).

Зоя.

Ей-Богу, только одну маленькую.

Сергѣй Ильичъ

Нѣтъ, я не насчетъ этого, а что ты тамъ на молодыхъ ребятъ больно засматривалась.

Зоя.

Что вы, ангелъ мой, куда мнѣ! Иногда и придетъ эдакая мечта, да сейчасъ и разсыплется, словно облако. Да полноте

на меня такъ смотрѣть! Эдакой у васъ взглядъ язвительный! Ужъ вѣрно задумали что-нибудь...

Сергѣй Ильичъ.

Задумать-то я задумалъ, только будешь-ли ты для меня стараться-то?

Зоя.

Для эдакаго красавчика-то? Всю землю наскрось произойду.

Сергѣй Ильичъ.

Всю?

Зоя.

Съ этого мѣста мнѣ не сойти.

Сергѣй Ильичъ.

Коли все сдѣлаете такъ точно — сто серебра... сотельную. Да не токма сотельную, а приходи въ контору, открой сундукъ, да и бери сколько захватишь.

Зоя.

Ухъ, какой ты тонкій молодецъ-то!

Сергѣй Ильичъ.

Поняла?

Зоя.

Толковать еще! Ахъ ты Господи! Какія этимъ мужчинамъ могутъ приходить мысли въ голову.

Сергѣй Ильичъ.

Ну, да ужъ тамъ... Такъ вѣрно?

Зоя, (*ударяя по рукѣ Сергѣя Ильича*).

Кончено!

Сергѣй Ильичъ.

Кабы этой бабы на свѣтѣ не было, нашему бы брату въ тѣ-поры совсѣмъ погибать надо. Просто ложись да умирай. Пойдемъ еще по рюмочкѣ, по одной.

Зоя.

Нѣтъ, соколикъ, я ужъ и такъ согрѣшила. Эхъ, кабы этотъ раскрасавецъ жениться задумалъ, какую-бы я ему невѣсту!...

Сергѣй Ильичъ.

Балоство-то меня, Зоя Евграфовна, ужъ больно одолѣло! Опять-же, по моей простотѣ...

Зоя.

Скажите! Кабы всѣ такіе простые-то были...

Сергѣй Ильичъ.

Что вы! Я простой человѣкъ! Что — вы смѣетесь? Ей-Богу! Я самый простой, во мнѣ этой хитрости никакой нѣтъ. Меня малый ребенокъ обманетъ. Отъ этого отъ самаго я и жениться-то боюсь... пожалуй такъ налетишь...

Зоя.

А сколько изъ-за васъ, изъ-за холостежи, дѣвокъ даромъ пропадаетъ. Вотъ хоть-бы Лукерья Пантелевна. Положимъ, сирота, приданаго нѣту...

Сергѣй Ильичъ.

Ну, коли хочешь, чтобъ женился — жени на этой. Эта

вотъ совсѣмъ по мнѣ, въ самую препорцію. Ужъ давно я на нее зарюсь.

Зоя.

Такъ что-жъ ты чешешься-то? Кто-жъ тебѣ мѣшаетъ?

Сергѣй Ильичъ.

Да смѣлости во мнѣ нѣтъ! Опять-же и бабъ кругомъ себя не имѣю, некому похлопотать за меня. Вѣдь одинъ въ домѣ-то, инда страшно... Просто бѣда моя!...

Зоя.

За что-жъ тебя мужчиной-то зовутъ? Да ты... Ну, ужъ ей-Богу!... видно, придется мнѣ тебя въ руки взять.

Сергѣй Ильичъ.

Да возьми! Сдѣлай милость, возьми! Дѣлай со мной, что хочешь, только не обманывай — терпѣть не могу!

Зоя.

Ну, хочешь, я насчетъ Луши все тебѣ оборудую? Женишься?

Сергѣй Ильичъ.

Глазомъ не моргну!... А съ чертомъ-то какъ-же?

Зоя.

Да тебѣ что̀ съ чортомъ-то разговаривать! Чортовы-то дѣла теперича плохи. Онъ не знаетъ, какъ и свою дочь съ рукъ сбыть. Маіоръ-то теперича думаетъ, что за ней денегъ много, а онъ его смазать хочетъ, денегъ-то за ней онъ ни гроша не дастъ. Опять-же Егорушка его теперь безпокоитъ. Слышалъ?

Сергѣй Ильичъ.

Нѣтъ. А что?

Зоя.

Вѣдь Данила Григорьичъ послѣ покойника Пантелѣя Григорьича все къ рукамъ прибралъ, да послѣ колоколъ въ монастырь слилъ, куппулъ позолотилъ—молитесь, говоритъ, братія, за раба грѣшнаго Даніила. Теперича Егорушка-то всѣ эти дѣла прознала, да и позоритъ его гдѣ ни попало. Онъ хоть и дурашный, а продувной парень... Ухъ, какой прозженый!

Сергѣй Ильичъ.

Ну, такъ сватай, что-ли! Тысячу тебѣ серебра! Человѣкъ, молъ, смирный, капиталъ большой...

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ-же и Егорушка (вбѣгаетъ).

Егорушка.

Да за что это такая мука мученская! Что я кому сдѣлалъ? (*плачетъ*).

Зоя.

Должно быть, опять побилъ.

Сергѣй Ильичъ.

Что ты, Егорушка?

Егорушка.

Батюшки! Смерть моя!

Сергѣй Ильичъ.

Экой злодѣй!

Зоя.

О, батюшка, есть ли еще такіе! Извергъ рода человѣческаго!

Егорушка.

Издохнуть-бы скорѣй, легче-бы было.

Зоя.

Полно, Егорушка, не грѣши!

Егорушка *(рыдаетъ).*

Да вѣдь больно! Какъ голова-то моя держится!...

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ-же и Луша (входитъ).

Луша.

Егорушка, пойдемъ отсюда. (*Беретъ его за руку*).

Егорушка.

Опять меня, голубушка, избили.

Луша.

Что-жъ дѣлать, Богъ съ нимъ! Ну, что-жъ ты плачешь-то, какъ тебѣ не стыдно!

Сергѣй Ильичъ.

Егорушка, пойдемъ жить ко мнѣ, будешь все одно, какъ у отца роднаго.

Зоя.

Вотъ это-бы разчудесно было! Человѣкъ ты холостой, деньжищевъ этихъ у тебя пропасть...

Сергѣй Ильичъ.

Коли хочешь, я съ великимъ удовольствіемъ. Лукерья Пантелевна, позвольте...

Луша.

Благодарю васъ, Сергѣй Ильичъ, только я не знаю... Мнѣ кажется, что сдѣлать этого нельзя.

Сергѣй Ильичъ.

Да что-жъ за важное дѣло! По крайности, мы не однѣхъ синицъ ловить, а, можетъ, дѣло будемъ съ нимъ дѣлать: я его въ анбаръ посажу. Егорушка, пойдемъ. Я вѣдь, Лукерья Пантелевна, не то что такъ, а вѣрно.

Луша.

А какъ-же дяденька-то?

Зоя.

Да что̀ дяденька! Можетъ, у васъ такое дѣло выдетъ.. Мало-ли что! Ей-Богу! Ты дѣвушка молодая, онъ человѣкъ самъ по себѣ.

Луша *(сконфузясь)*.

Что вы, Зоя Евграфовна?

Зоя.

Да я-бы на вашемъ мѣстѣ и думать-то бы долго не стала...

Сергѣй Ильичъ *(ухмыляясь)*.

Полноте, Зоя Евграфовна...

Зоя.

Да что̀ полноте. Извѣстно, ужъ это не отъ насъ, а какъ Богу угодно. Я только къ примѣру говорю. А ты вотъ что: тащи ты его отсюда.

Луша.

Онъ разсердится.

Сергѣй Ильичъ.

Въ судъ ужъ его разъ сволокли, еще стащимъ, коли что̀. Не прежнее время! Это прежде, бывало, коли человѣкъ съ деньгами, хоть всю Москву разнеси: нынче и на своемъ дворѣ бунтовать-то не велятъ.

Зоя.

Это истинно! Вотъ Иванъ Назарычъ, богачъ, именитый, кучеру своему плюху закатилъ... (*За сценой смѣхъ и голосъ Данилы Григорьича*): Эй, Офиціантъ! (*Луша и Егорушка уходятъ*). Поди въ садъ, поговори, можетъ, что... Наше женское дѣло — чуть мужчина глазъ накинулъ — тутъ она и есть... Да ступай, что зѣваешь-то! (*толкаетъ его*).

Сергѣй Ильичъ.

А коли мнѣ отъ нея конфузъ будетъ, ты ужъ лучше такъ и умирай, пока я тебя не убилъ. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

На сцену входятъ гости.

Данила Григорьичъ (*официанту*).

Ты обнесъ-бы гостей-то мадеркой, али тамъ чѣмъ; можетъ, которые и выкушать желаютъ. Али вотъ что: давай сюда шампанскаго. Полагаю, теперь время самое настоящее. Садиться милости просимъ. Мы будемъ пить, а насъ будутъ величать, а можетъ кто и проплясать вздумаетъ. Матрена Панкратьевна, что-жъ твоя команда плохо дѣйствуетъ? Барышни, что-же намъ почету отъ васъ не будетъ? (*Дѣвушки запѣваютъ пѣсню, по окончаніи которой за сценой музыка играетъ персидскій маршъ. Всѣ встаютъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Офиціантъ (*громко*).

Маіоръ Карташевъ!

Маіоръ (*въ дверяхъ*).

Какую мнѣ парадную встрѣчу! Съ музыкой! (*цалуется*).

Данила Григорьичъ.

Это ужъ у насъ такіе порядки, чтобы, напримѣръ, съ музыкой. Милости просимъ. Домна Степановна, пожалуйте рядомъ. Милости просимъ. (*Усаживаетъ*). Это значитъ, Домна Степановна, первая по нашему дому, можно сказать...

Купецъ.

Основанія...

Маіоръ (*протягивая руку*).

Прошу принять меня въ ваше расположеніе. Я цѣню расположеніе людей пожилыхъ и опытныхъ.

Данила Григорьичъ.

Это первое дѣло! Это я завсегда говорю: коли человѣкъ, къ примѣру, пожилой, и, значитъ имѣетъ...

Купецъ.

Достатки... это такъ, это истинно.

Данила Григорьичъ.

Я такое разсужденіе имѣю: ежели человѣкъ... (*Официантъ подаетъ вино*). Пожалуйте! Домна Степановна! (*Отказывается*). Нельзя! Хоть пригубить надо.

Купецъ (*беретъ бокалъ*).

Примѣръ этотъ соблюсти.

Данила Григорьичъ.

Невѣста, и ты должна откушать.

Маіоръ.

Прошу меня не конфузиться.

Данила Григорьичъ.

За здоровье дорогаго жениха! (*Музыка играетъ тушъ*).

Маіоръ.

Нѣтъ, ужъ теперь музыку въ сторону.

Данила Григорьичъ.

Это дѣйствительно! Дѣвицы! Что-же вы? Вашъ чередъ.

(*Дѣвушки поютъ*).

Маіоръ.

Я въ полной мѣрѣ доволенъ! Я истинно доволенъ! (*Домнѣ Степановнѣ*): Я ужасно люблю русскую пѣсню. Во время моей боевой службы, я только и любилъ лихую тройку и русскую пѣсню.

Купецъ.

На тройкѣ важно!

Маіоръ.

Какъ-то увлекаешься! Что-то этакое необъяснимое! (*Дѣвицамъ*): Еще разъ благодарю, и прошу принять отъ меня мою благодарность. (*Дѣвушка подходитъ, онъ даетъ деньги*). Вы вполнѣ ее заслужили.

Калинъ Власовъ.

Она заслужитъ! Параша, ты у меня старайся! (*треплетъ по плечу*). Это, ваше превосходительство, дочка мнѣ будетъ.

Маіоръ.

Очень пріятно!

Калинъ Власовъ.

А это, Домна Степановна, тоже намъ сродственница. В—превосходительство! такъ будемъ говорить: простые мы мужики, только съ деньгами.

Маіоръ.

А это главный рычагъ въ жизни и есть. Слава что? Слава—дымъ!

Петръ Савичъ.

Въ клубѣ этто у насъ разговоръ былъ...

Калинъ Власовъ.

Домна Степановна, матушка! Изъ чего мы съ твоимъ покойникомъ произошли? Изъ мужиковъ изъ простыхъ...

Офиціантъ.

Лиминацію зажгли.

Данила Григорьичъ.

Въ садъ, на вольный воздухъ, пожалуйте... милости просимъ... и чтобы музыку туда. (*Всѣ уходятъ. Маіоръ и Даша остаются*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Маіоръ.

Скажите мнѣ откровенно: чувствуете вы ко мнѣ расположеніе?

Даша.

Да-съ.

Маіоръ.

Я не столь молодъ, какъ-бы, можетъ быть, вы желали, но я вамъ замѣню отца. Я вамъ буду отецъ, а не мужъ.

Даша.

Мнѣ все равно.

Маіоръ (*обнимая*).

Ваше сердце, можетъ, уже занято?

Даша.

Совсѣмъ напротивъ.

Маіоръ.

Выслушайте меня...

Даша.

Пойдемте въ садъ.

Маіоръ.

Зачѣмъ-же въ садъ?

Даша.

Какъ-же можно, здѣсь никого нѣтъ.

Маіоръ.

Готовъ. Ваше дѣло теперь приказывать, мое—исполнять. (*Уходятъ; сцена остается пуста*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Луша, Сергѣй Ильичъ и Зоя Евграфовна.

Луша (*сквозь слезы*).

Голубчикъ, Сергѣй Ильичъ, дѣлайте со мною, что хотите, только, ради Бога, возьмите меня отсюда.

Сергѣй Ильичъ.

Кончено!

Зоя.

Вотъ мы съ тобой какъ живо эту статью-то обработали. Только пока ни гу-гу! (*Уходитъ*).

Картина третья.

ЯВЛЕНІЕ I.

Авдотья и Зоя Евграфовна.

Зоя.

Что-жъ теперь будетъ-то?

Авдотья.

А то и будетъ... сказала-бы... тьфу!... Только дѣвушку-то раздразнили. Ужъ она выла, выла, ревѣла, ревѣла...

Зоя.

Да какъ не выть-то, сама посуди! Развѣ это шутка? Дѣвушка ко всему приготовилась...

Авдотья.

Что говорить!

Зоя.

Это и въ наши года возьми... Вотъ такъ разъ! (*Хохочетъ*).

Авдотья.

Да! Вотъ ты и думай!

Зоя.

Шаферъ-то пріѣхалъ къ нему: пожалуйте, говоритъ, Ардаліонъ Ардаліонычъ, невѣста готова. А деньги, говоритъ, готовы? Данила Григорьичъ приказалъ сказать, что послѣ

они съ вами разсчетъ сдѣлаютъ, имъ теперь недосугъ. И мнѣ, говоритъ, тоже нѣкогда: я, говоритъ, въ Сокольники долженъ ѣхать. Нѣтъ, голубушка, это—военный человѣкъ, не нагрѣешь. Его вся Москва знаетъ, вѣдь онъ въ комитетѣ п снабженію служитъ.

Авдотья.

Такъ, такъ! Нашъ туда сукно ставилъ. А ужъ какіе пріятели-то были! Какъ-то въ саду это запили, ужъ они цаловались, цаловались, словно-бы вотъ мужъ съ женой. Помнишь, говоритъ: тебѣ было хорошо и мнѣ было хорошо.

Зоя.

Я вѣдь была у него послѣ.

Авдотья.

Была?

Зоя.

Какъ-же, была. Просвирку снесла. Вошла я въ залу-то, а на меня, матушка ты моя, огромная собака: такъ я и затряслась вся, а онъ и выходитъ... Орелъ, голубушка ты моя! Картина! Не бойтесь, говоритъ, почтеннѣйшая, эта собака даже къ женскому полу привязана. Чтó, говоритъ, скажете хорошенькаго? Богъ, говорю, милости вамъ прислалъ, Ардаліонъ Ардаліонычъ. Благодарю васъ, садитесь. И пошелъ, и пошелъ!... Что онъ, говоритъ, шутить со мной вздумалъ! Развѣ онъ не знаетъ, кто онъ и кто я! Я, говоритъ, 15 лѣтъ на конѣ сидѣлъ! Хотя я теперь по непріятностямъ въ

отставку и вышелъ, а я, говоритъ, срамить себя не позволю. Безъ денегъ-то, говоритъ, всякая-бы дворянка за меня съ радостью пошла. Ежели я жениться вздумалъ, то это потому, что дѣла мои разстроились. А я ему, будто спроста: полноте, говорю, сударь, безпокоиться, развѣ мало по Москвѣ этого товару. Нѣтъ, ужъ я, говоритъ, обжегся, теперь я буду умнѣе; теперь ужъ я, говоритъ, какъ посмотрѣлъ невѣсту, такъ и деньги, сейчасъ деньги, сію минуту, вотъ сюда на столъ... всѣ... Да по столу-то кулачищемъ какъ грохнетъ! Думаю: какъ звизнетъ онъ меня съ сердцовъ этимъ кулачищемъ — на мѣстѣ оставитъ. Смотрю, матушка, чай подаютъ. Я, со страху-то, оскоромилась — со сливками выпила, ей-Богу! забыла, что и пятница-то на свѣтѣ. Ужъ онъ, матушка ты моя, ругалъ, ругалъ, срамилъ, срамилъ. Я, говоритъ, его подлеца—Господи прости ты мое великое согрѣшеніе— я, говоритъ, его, подлеца этакого, отъ каторги спасъ! Да ладно, говоритъ: я про него еще одно дѣло знаю, только-бы, говоритъ, оно наружу вышло, съ колокольнымъ звономъ подъ присягу пойду. Ей-Богу! Это онъ, должно быть, насчетъ Егорушки.

Авдотья.

Тотъ теперь, матушка, такъ въ трубу и трубитъ. Вотъ-те и Егорушка, вотъ-те и дуракъ! Вчера мимо насъ разъ двадцать на извощикѣ проѣхалъ. Ужъ ловить прималисъ, да въ трактирѣ у Серпуховскихъ спрятался.

Зоя.

А хоть-бы и поймали, что съ нимъ сдѣлаешь? Не родной сынъ.

Авдотья.

Ничего не сдѣлаешь: два судейскихъ съ нимъ ѣздятъ. Вѣдь ужъ, говорятъ, гербовую бумагу подалъ. Да вѣдь я такъ полагаю, что нашъ откупится.

Зоя.

Нѣтъ, голубушка, невозможно. При мнѣ вѣдь просьбу-то писали. Такого сутягу нашли, изъ острога недавно выпустили. Первое за жестокое обращеніе, а второе, что имущество послѣ покойника Пантелея Григорьича скрылъ. И свидѣтели, матушка, есть, свидѣтели. Такую бумагу написали, что волосы у меня дыбомъ стали. Какъ покойникъ-то захворалъ, такъ Абрамъ Васильичъ три недѣли въ подвалѣ сидѣлъ, книги какія-то переписывалъ, съ чиновникомъ это они орудовали. И чиновника-то этого розыскали, въ писаряхъ въ кварталѣ служитъ. Такую кашу заварили, страсть! Абрамъ-то Васильичъ говоритъ: терять мнѣ нечего, я слѣпой человѣкъ, пускай меня судятъ.

Авдотья.

Ишь ты! Ахъ ты, батюшки!

Зоя.

Да еще... ужъ тебѣ по секрету скажу: вѣдь ужъ у Луши съ Сергѣй-то Ильичемъ все покончено; хочетъ жениться на Лушѣ-то, нынче объявлять пріѣдетъ.

Авдотья.

Что ты?! Ну, на части разорвутъ теперь дѣвку! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Матрена Панкратьевна.

Матрена Панкратьевна.

Такъ вотъ и хожу, какъ полоумная! Ничего не вижу, ничего не слышу! Экой стыдъ, экой срамъ! Вотъ до чего мы дожили! Подумай-ка!

Зоя.

Нехорошо, Матрена Панкратьевна, нехорошо! Нехороши дѣла! А Егорку этого, Матрена Панкратьевна, прости ты Господи мое великое согрѣшеніе... удавить мало... мало его удавить! А ужъ Абрамку....

Матрена Панкратьевна.

Вотъ какого аспида выростили, какого изверга вынянчили на свою голову... И что̀ онъ затѣялъ, что̀ онъ затѣялъ!

Зоя.

Подучили, моя красавица, подучили; гдѣ ему дураку самому выдумать!

Матрена Панкратьевна.

Душка эта смирная была, теперь тоже себя показываетъ. Я, говоритъ, тиранить себя не позволю. А кто ее тиранитъ, кто?

Зоя.

Ахъ, враговъ у васъ много, Матрена Панкратьевна, много у васъ враговъ! А все это Татьяна Матвѣевна: она у васъ все мутитъ. Дочь она ваша, хоть и не родная, а, извините вы меня, этакая ядовитая бабенка, этакая-то...

Матрена Панкратьевна.

Она, матушка, она...

Зоя.

Ахъ, кабы я была на мѣстѣ Данилы Григорьича, вотъ-бы какъ я скрутила, вотъ-бы какъ всѣхъ перевернула, ни одинъ-бы не пикнулъ. Господи, прости ты мое великое согрѣшеніе! можетъ, я и грѣшу, а ей-Богу...

Матрена Панкратьевна.

Самъ-то худой такой сталъ, ходитъ словно ночь черная и угодить ему не знаешь чѣмъ. Взглянешь на него: что ты, говоритъ, смотришь—на меня? узоровъ не написано. Не глядишь—опять бѣда: что я звѣрь, что-ли, въ своемъ семействѣ. съѣлъ я, что ли, кого? А вчера ночью... *(плачетъ)* боюсь, чтобъ съ нимъ недоброе что нибудь не сдѣлалось.

Зоя.

Что это вы, Матрена Панкратьевна!

Матрена Панкратьевна.

Вчера ночью пѣсню запѣлъ!

Зоя.

Какую пѣсню?

Матрена Панкратьевна.

Протяжную такую затянулъ...

Зоя.

Что-жъ за важность такая?

Матрена Панкратьевна.

Да вѣдь никогда отъ роду, вотъ двадцать лѣтъ живемъ, никакихъ онъ этихъ пѣсенъ не пѣлъ, пьяный никогда голосу своего не давалъ. Вотъ до чего его довели! *(Плачетъ)*. Вотъ до какого разстройства! Егорку теперь другую недѣлю ловятъ, поймать не могутъ. И Абрамку этого не найдутъ нигдѣ; то, бывало, отъ воротъ не отгонишь, а вотъ какъ нужно-то, его и нѣту.

Зоя.

Я вчера его у Скорбящей видѣла, съ нищими стоялъ. Онъ завсегда тамъ. Совсѣмъ опустился, потерянный сталъ человѣкъ, даже жалко. Благоденствовалъ прежде, а теперь... Это мнѣ даже удивительно! Что значитъ Богъ... если кого захочетъ. Вотъ она гордость-то, Матрена Панкратьевна...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Данила Григорьичъ.

Данила Григорьичъ.

Ты по всей Москвѣ день-то деньской снуешь, не видала-ли этого прощалыгу-то?

Зоя.

Много я, Данила Григорьичъ, непутнаго народу знаю: тебѣ кого нужно-то?

Данила Григорьичъ.

Абрашку... Абрамъ Васильева.

Матрена Панкратьевна.

У Скорбящей, говорятъ, побирается съ нищими.

Зоя.

Вчера я за ранней тамъ была—видѣла!

Данила Григорьичъ.

Слетай-ка завтра туда опять, чтобъ сюда пришолъ. *(Молчаніе)*. Фу!.. Дѣла, дѣла...

Зоя.

Что-жъ вамъ безпокоиться, ваше дѣло правое. Ужъ неужли, прости ты, Господи, мое великое согрѣшеніе, всякой рвани повѣрятъ?

Данила Григорьичъ.

Вѣдь это, къ примѣру, грабежъ!

Зоя.

Именно, грабежъ!

Данила Григорьичъ.

Денной разбой!

Зоя.

Какъ есть разбой!

Данила Григорьичъ.

Опосля этого на свѣтѣ жить нельзя.

Зоя.

Ежели всякаго именитаго почетнаго гражданина, да всякая голь, можно сказать, будетъ въ судъ таскать. Да по какому праву? Да что это за времена пришли?

Данила Григорьичъ.

Времена пришли тяжкія! Не то что, напримѣръ, что, а всякій наровитъ, какъ бы тебя за воротъ, да къ мировому. Грѣшнымъ дѣломъ загуляешь, въ газетахъ отпечатаютъ. Развелось теперича этой сволочи: за рубль серебромъ такъ тебя опозоритъ, и въ городъ не показывайся. По ряду-то идешь, словно сквозь строй, всѣ на тебя смотрятъ, чуть не подсвистываютъ. Читали мы, думаютъ, про твои дѣла! А какія дѣла? За свои деньги пошумѣли. Экія дѣла важныя!

Зоя.

Про нашу сестру тоже описываютъ.

Данила Григорьичъ.

Въ старину, бывало, на перекресткахъ шарманки игрывали, али кто раекъ показывалъ: извольте, городъ Парижъ, какъ доѣдешь угоришь... Никому обиды не было. А нынче на перекресткахъ-то какъ собаки на тебя бросаются съ этими газетами. Извольте получить описаніе, какъ вчерашняго числа такіе-то купцы въ Сокольникахъ всю посуду перебили. Занятное происшествіе! Оттого и дѣти къ родителямъ страху не имѣютъ. Сынъ не долженъ знать, что отецъ дѣлаетъ. А теперича онъ прочитаетъ въ газетахъ... Про тятеньку-то вонъ

что̀ означено, говоритъ, вотъ какія дѣла: стало быть и мнѣ можно, и давай чертить. Отъ этого отъ самаго.

Зоя.

Ужъ именно, Данила Григо́рьичъ, можетъ я и грѣшу, а что... ей-Богу!...

Данила Григорьичъ.

А этотъ, маіоръ-то! Вотъ выжига-то! Какъ-было онъ меня смазалъ-то! На какую штуку поддѣть-то хотѣлъ.

Зоя.

Ужъ захотѣли вы!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кучеръ *(входитъ).*

Какъ угодно, а поймать нѣтъ никакой возможности... одинъ страмъ.

Данила Григорьичъ.

Гдѣ-же онъ теперь?

Кучеръ.

Въ Роговскую ударился, тамъ гдѣ-нибудь. Городоваго просили, чтобъ подержалъ. Намъ, говоритъ, невозможно. Коли ежели онъ что̀ укралъ, объявку подайте, а ежели по своей волѣ идетъ—ничего. Намъ, говоритъ, притѣснять публику не велѣно. Пущай, говоритъ, ходитъ, Москва велика.

Данила Григорьичъ.

Дуракъ? Ты должѐнъ былъ говорить, что этотъ молодецъ отъ своего хозяина скрывается.

Кучеръ.

Говорили, да ничего не подѣлаешь. Мы, говоритъ, подозрительныхъ людей останавливаемъ. Ежели-бы, говоритъ, онъ ночью, напримѣръ, шелъ... съ узломъ...

Данила Григорьичъ.

Вотъ, пошли дурака-то.

Кучеръ.

Какъ угодно, а что невозможно.... *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Данила Григорьичъ.

Одинъ сынъ распутный, другой изъ дому родительскаго убѣгъ, племянникъ говоритъ, что я его ограбилъ... Что-же я напримѣръ? Какъ ты меня понимаешь?

Зоя.

Одна неблагодарность! Истинно, можно сказать...

Данила Григорьичъ.

Молчи! *(Къ женѣ)*: Какъ по твоему?

Матрена Панкратьевна.

Что съ тобой, батюшка?

Данила Григорьичъ.

Это я къ тому, напримѣръ, что всѣ противъ меня пошли. *(Матрена Панкратьевна плачетъ)*. Эти самыя твои слезы съ дѣтей взыщутся, потому все это они...

Матрена Панкратьевна.

Батюшка, Данила Григорьичъ, послушай ты моего бабь-

лаго разуму: выгони ты изъ нашего дому это отродье проклятое, пущай хошь по міру ходятъ.

Зоя.

Вотъ тогда и узнаютъ, что̀ вы для нихъ значили. Этакая неблагодарность, этакая чорная неблагодарность! Господи, прости ты мое великое согрѣшеніе...

Данила Григорьичъ *(къ женѣ)*.

Это ты такъ точно! Конченое дѣло! Эй, кто тамъ? (*Показывается въ дверяхъ дѣвушка*). Этакъ будетъ вѣрнѣе. (*Къ Зоѣ Евграфовнѣ*): Такъ ты лети сейчасъ, тутъ недалеко. (*Женѣ*): Дай ей два пятиалтынныхъ на извощика. Можетъ, онъ тамъ за вечерней. Лети, и чтобы онъ, напримѣръ, сюда шолъ: молъ, Данила Григорьичъ пристроить хочетъ, будетъ, молъ, шляться... Чтобы безпремѣнно.

Зоя.

Мигомъ я тебѣ это дѣло обработаю.

Данила Григорьичъ.

Старайся. Ты меня знаешь?

Зоя.

Если бы, кажется (*махнувъ рукой*)... Ну, да ужъ что говорить!... (*утираетъ слезы*).

Данила Григорьичъ.

Лукерью давай.

Матрена Панкратьевна.

Лушу?

Данила Григорьичъ.

Дѣло понятное! Живо!

Матрена Панкратьевна.

Пойдемъ, матушка. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Данила Григорьичъ и Иванъ Прохоровъ.

Данила Григорьичъ.

Конченое дѣло! Ежели теперича это дѣло такъ оставить... (*Въ размышленіи*). Шабашъ! Объявку сейчасъ, что, напримѣръ, укралъ и скрывается. (*Иванъ Прохоровъ входитъ*). Ты мнѣ, братецъ, здѣсь не нуженъ, на твое мѣсто я нашолъ другаго.

Иванъ Прохоровъ.

Кажется, я ни въ чемъ не причиненъ. Старался, кажется...

Данила Григорьичъ.

Я тебя на фабрику, тамъ тебѣ мѣсто очистилось. И чтобы, напримѣръ, какъ ты молодой человѣкъ, долженъ ты жениться. Первое дѣло—баловства меньше, а второе дѣло—будешь ты подъ главнымъ прикащикомъ, значитъ, безъ этого тебѣ невозможно.

Иванъ Прохоровъ.

Вся ваша воля хозяйская, только жениться по нынѣшнымъ временамъ...

Данила Григорьичъ.

Ну-да, вотъ ты еще разговаривать будешь!

Иванъ Прохоровъ.

Я не къ тому, а что боязно безъ привычки. Въ головѣ опять-же этого не держалъ, все больше, главная причина, такую центру имѣешь, какъ-бы хозяину угодить, а не то, чтобы, напримѣръ, что-нибудь... пустяки какіе...

Данила Григорьичъ.

И какъ я теперича свою племянницу отдаю за тебя, значитъ, будешь ты мой сродственникъ (*Иванъ Прохоровъ кланяется въ ноги*): и, стало быть, долженъ все это ты понимать, и, главное, чувствовать, что какъ ничтожный ты, можно сказать, человѣкъ: Христа ради, за материны слезы, я тебя взялъ и въ люди вывелъ.

Иванъ Прохоровъ.

Оченно я это чувствую (*кланяется въ ноги*).

Данила Григорьичъ.

По бѣдности твоей, тебѣ-бы въ солдатахъ быть, а я за тебя охотника нанялъ (*Иванъ Прохоровъ кланяется въ ноги*). Теперича какъ ты сейчасъ, женишься, поѣдешь на фабрику, возьми съ собой Егорку и чтобы строго съ нимъ, чтобы не болталъ лишняго.

Иванъ Прохоровъ.

Главная причина, не въ рукахъ онъ здѣсь; въ руки ежели теперича взять его, онъ смирный будетъ.

Данила Григорьичъ.

Это уже твое дѣло.

Иванъ Прохоровъ.

У меня онъ, Данила Григорьичъ, мягче пуху будетъ. Вашей милости, извѣстно, по вашимъ дѣламъ, нѣкогда съ нимъ заниматься, а у меня онъ взгляду бояться будетъ. Какъ, значитъ, всѣ я его достоинства знаю и болтать ему невозможно, потому онъ у меня, первымъ долгомъ, будетъ въ струнѣ находиться.

Данила Григорьичъ.

А коли ежели что, я съ тебя взыщу.

Иванъ Прохоровъ.

Будьте-же покойны-съ. Выправимъ... не такихъ учили. И ежели которые онъ пустяки говорилъ—больше не будетъ (*молчаніе*). Прикажите написать въ деревню къ матушкѣ?

Данила Григорьичъ.

Объ чемъ?

Иванъ Прохоровъ.

Такъ какъ ваша такая милость, на счетъ Лукерьи Пантелевны... Чтобы ей на старости лѣтъ...

Данила Григорьичъ.

Пиши.

Иванъ Прохоровъ.

А имъ теперича что я долженъ говорить?

Данила Григорьичъ.

Кому?

Иванъ Прохоровъ.

А Лукерьѣ Пантелевнѣ? Какъ есть теперича ваше приказаніе и какъ имъ будетъ угодно?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же Матрена Панкратьевна и Луша.

Данила Григорьичъ.

Гдѣ братъ-то?

Луша.

Я не знаю.

Данила Григорьичъ.

А кто жъ знаетъ? Вѣдь ему, за его дѣла, въ острогѣ сидѣть придется, я такъ полагаю.

Матрена Панкратьевна.

Экихъ бѣдъ натворилъ этотъ парень!

Данила Григорьичъ.

Ежели его теперича поймаютъ....

Иванъ Прохоровъ.

Поймаютъ—бѣда! Потому, безъ пачпорта по Москвѣ ходитъ. По какимъ дѣламъ? По какому праву? (*Молчаніе*).

Данила Григорьичъ.

Что-жъ ты молчишь?

Луша.

Что-жъ мнѣ говорить?

Данила Григорьичъ.

Родной братъ тебѣ: должна-бы, кажется, отвести его отъ худаго.

Луша.

Я его худому не учила.

Данила Григорьичъ.

Не учила! Кажется, пора понимать тебѣ, не маленькая, въ какомъ ты есть положеніи. Сиротъ васъ взяли, одѣваютъ, обуваютъ.... Собаку ежели кормить, и та благодарность чувствуетъ, а то на-поди!

Луша.

Я вамъ очень благодарна.

Данила Григорьичъ.

Развѣ въ этомъ благодарность состоитъ, чтобъ по Москвѣ бѣгать, да кляузы распущать?

Луша.

Я никогда не бѣгаю и никакихъ кляузъ не распускаю.

Данила Григорьичъ.

Да я не про тебя и говорю.

Матрена Панкратьевна.

Про Егорку толкуютъ. Ты слушай, что говорятъ.

Луша.

Я за него не отвѣчаю.

Данила Григорьичъ.

А я долженъ за всѣхъ за васъ отвѣчать. Ты вотъ теперича на возрастѣ, и, напримѣръ, сирота круглая; кто объ тебѣ подумаетъ? Пристроить тебя теперича надо: чье это дѣло?

Луша.

Объ этомъ вы не безпокойтесь.

Данила Григорьичъ.

Долженъ безпокоиться, потому вы безъ меня по міру пойдете. Безъ меня ты-бы, можетъ, теперича на Кузнецкомъ у портнихи у какой сидѣла, али-бы...

Луша.

Дяденька!

Данила Григорьичъ.

Что, тетенька? А я объ васъ забочусь. Жениха тебѣ подыскалъ. Легко мнѣ все это? Хорошо, что добрый человѣкъ нашолся, съ рукъ моихъ взять тебя хочетъ.

Матрена Панкратьевна.

Да ужъ и пора.

Данила Григорьичъ.

Я полагаю отдать ее за Ивана Прохорова: ты какъ?

Матрена Панкратьевна.

Ну, что-жъ! Ну, и... вотъ и слава Богу! Зачѣмъ дѣло стало! (*Иванъ Прохоровъ кланяется въ ноги Матренѣ Панкратьевнѣ*).

Луша.

Я за него не пойду.

Данила Григорьичъ.

Какъ не пойдешь?

Луша.

Такъ, не пойду.

Иванъ Прохоровъ.

Лукерья Пантелевна!... Ваше дѣло сиротское...

Луша.

Ну-съ?

Иванъ Прохоровъ.

Я къ тому, напримѣръ...

Луша.

Къ чему?

Иванъ Прохоровъ

Какъ вамъ угодно-съ. Вся воля хозяйская.

Данила Григорьичъ.

Иванъ Прохоровъ, ступай въ свое мѣсто. Позову, когда нужно будетъ. *(Иванъ Прохоровъ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же, безъ Ивана Прохорова.

Матрена Панкратьевна.

Да какъ-же это ты не пойдешь-то?

Данила Григорьичъ.

Постой, постой. Словно я не все понялъ, что она говоритъ. Ежели, напримѣръ, я тебѣ приказываю.

Луша.

Вы не имѣете права мнѣ приказывать идти замужъ за кого вамъ вздумается.

Матрена Панкратьевна.

Да какъ-же это ты можешь такъ говорить? Это ее Татьяна Матвѣвна настроила.

Луша.

У меня есть женихъ, я себѣ выбрала.

Данила Григорьичъ.

Женихъ есть! (*къ женѣ*): Ты чего-жъ смотришь?

Матрена Панкратьевна.

Чортъ за ними усмотритъ, прости ты меня Господи! Не разорваться мнѣ стать. Цѣльный день подъ окошкомъ торчитъ; можетъ, и вправду навернулся какой проходимецъ. Мало-ли ихъ въ нашей сторонѣ шляется.

Луша.

Напрасно вы обижаете моего жениха, онъ не проходимецъ.

Данила Григорьичъ.

Такъ вотъ какія дѣла завелись у меня въ домѣ! Дѣвки сами начинаютъ жениховъ себѣ подбирать! Этакъ, пожалуй, и дочери мои... Это очень прекрасно!

Матрена Панкратьевна.

И ты, глядя на нее, словно сбѣсились! Вечеромъ изъ саду домой не загонишь. Ты бы вотъ велѣлъ щели въ заборѣ всѣ заколотить.

Данила Григорьичъ.

Такъ вотъ что!

Матрена Панкратьевна.

Ну, кто-жъ твой женихъ, сказывай.

Луша.

Сергѣй Ильичъ.

Матрена Панкратьевна.

Да что ты, бѣлены, что-ль, объѣлась? Возьметъ тебя Сергѣй Ильичъ!

Луша.

Возьметъ.

Матрена Панкратьевна.

Да что за тобой есть-то? Дымъ да копоть! Ему нужна невѣста богатая, а не голь какая, прости Господи! Да ежели бы онъ за мою дочь присватался, такъ я бы неугасимую лампаду повѣсила, а то возьметъ онъ тебя!

Луша.

Возьметъ.

Матрена Панкратьевна.

Да что-жъ Дарья-то Даниловна, хуже тебя что-ли? По Москвѣ, можетъ, первая невѣста, и съ большимъ капиталомъ, и сватали за него... Ишь ты, что въ голову забрала! Мильйонеръ на тебѣ женится! Нѣтъ, голубушка, очень для тебя это высоко, очень высоко! Всякая-бы этакъ-то захотѣла, да руки коротки.

Данила Григорьичъ.

Это дѣло разобрать надо.

Матрена Панкратьевна.

Вотъ и разбери! Этакое-то ты зелье, Лукерья Пантелевна, этакая ты неблагодарная!

Луша.

За что-жъ вы меня браните, что я вамъ сдѣлала?

Матрена Панкратьевна.

Да какъ-же, мать моя! Опять-же и то: кто тебя отдастъ за него?

Луша.

Я сама пойду.

Матрена Панкратьевна

Сама? Ну, не зелье ты? Да какъ ты можешь такъ говорить? Что я, воли, что-ли, надъ тобой не имѣю?

Луша.

Никакой.

Матрена Панкратьевна.

Господи! Да что же это такое? Данила Григорьичъ, тутъ что-нибудь да есть.

Данила Григорьичъ.

Стачка. Очення я это хорошо понимаю. Дѣло это теперича на виду. Это съ Егоркой одна компанія. Значитъ, ты теперича ступай вонъ изъ моего дому.

Луша.

Хорошо (*идетъ*).

Матрена Панкратьевна.

Куда-жъ ты, безпутная, пойдешь-то? (*Луша уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ-же, Даша, Сергѣй Ильичъ и Петръ Савичъ.

Матрена Панкратьевна.

Тьфу ты, пакостница этакая! (*Къ мужу*): Ужли это она и взаправду, аль такъ какое ехидство придумала?

Данила Григорьичъ.

Это дѣло надо разобрать.

Даша (*вбѣгаетъ*).

Маменька! Сергѣй Ильичъ съ Петромъ Савичемъ пріѣхали.

Матрена Панкратьевна.

Вотъ и допроси его.

Данила Григорьичъ.

Все это дѣло сейчасъ обозначится (*идетъ къ двери*). А, милости просимъ!

Матрена Панкратьевна.

Рады дорогимъ гостямъ.

Петръ Савичъ.

Рады не рады, а ужъ мы тутъ... ха, ха, ха!

Сергѣй Ильичъ.

Извините, можетъ, не во время.

Петръ Савичъ.

Вотъ-тѣ еще разговаривать—не во время! Для насъ съ тобой, для такихъ орловъ, всегда время. Такъ я говорю, Матрена Панкратьевна?...

Матрена Панкратьевна.

Это ужъ именно, завсегда рады... Это ужъ что говорить.

Данила Григорьичъ.

Садиться милости просимъ! Чѣмъ подчивать дорогихъ гостей?

Петръ Савичъ.

Окромя ласки намъ ничего не требуется. Намъ чтобы уваженіе только... Такъ я говорю, Матрена Панкратьевна? Опять-же мы за дѣломъ пріѣхали. Вотъ ежели дѣло кончимъ, тогда другой разговоръ будетъ... Можетъ, и угощенія потребуемъ, а пока такъ. (*Садятся*). Я полагаю намъ сразу!... Ну, начинай, Господи благослови!

Сергѣй Ильичъ.

Постой!

Петръ Савичъ.

За постой деньги платятъ, чего стоять! Катай сразу.

Данила Григорьичъ.

Ты все балагуришь!

Петръ Савичъ.

Нѣтъ, не то, а у него до тебя дѣло есть, а человѣкъ онъ смирный. Денегъ много, а разговаривать не умѣетъ. Гмъ! Вчера энто мы были въ клубѣ... говорить, что-ли?

Сергѣй Ильичъ.

Говори.

Петръ Савичъ.

Были, значитъ, въ клубѣ, выпили сколько намъ нужно и

впослѣдствіи времени,—поѣхали въ паркъ. Дорогой онъ мнѣ и говоритъ: жениться, гворитъ, задумалъ. Такъ я говорю?

Матрена Панкратьевна.

Это доброе дѣло, Сергѣй Ильичъ.

Данила Григорьичъ.

Будетъ болтаться-то!

Петръ Савичъ.

Хочу, говоритъ, я жениться и безпремѣнно на Лукерьѣ Пантелевнѣ. Съ ней ужъ, говоритъ, я все обдѣлалъ, только самому сказать надо. *(Молчаніе).*

Данила Григорьичъ.

Да вѣдь ты, можетъ, думаешь, что она при деньгахъ? Денегъ за ней нѣтъ.

Петръ Савичъ.

У насъ своихъ много. Такъ я говорю, Матрена Панкратьевна? Своихъ много.

Данила Григорьичъ.

Развѣ что такъ, а то...

Матрена Панкратьевна.

А мы такъ полагали, Сергѣй Ильичъ, что вамъ богатая невѣста нужна.

Петръ Савичъ.

Зачѣмъ богатую? Бѣдную дѣвушку осчастливитъ, та, по крайности, будетъ вѣкъ Бога молить. Такъ я говорю? Потому, она понимать это будетъ. Опять-же и Богъ заплатитъ

за это, что онъ сиротой не погнушался. Сиротская слеза, Матрена Панкратьевна (*показываетъ наверхъ*), вонъ она гдѣ! Я самъ на сиротѣ женатъ и въ лучшемъ видѣ!...

Матрена Панкратьевна.

Ваше дѣло, я ничего не знаю.

Данила Григорьичъ.

Очень я всему этому, что ты мнѣ теперича говорилъ, вѣрю, только дать ей свое разрѣшеніе не могу.

Матрена Панкратьевна.

Хошя она наша и племянница, а она въ сиротскій судъ приписана...

Петръ Савичъ.

Ты объ этомъ не сомнѣвайся; ужъ она такую бумагу составила, чтобы тебя прочь, а его, значитъ, попечителемъ.

Матрена Панкратьевна.

Какъ! Дядю-то прочь? Чужому человѣку...

Петръ Савичъ.

Да онъ свой будетъ... значитъ, мужъ.

Матрена Панкратьевна.

Вотъ это хорошо! Это за нашу хлѣбъ-то соль?

Петръ Савичъ.

Да вѣдь съ рукъ долой, это вамъ лучше.

Матрена Панкратьевна.

Отстань-ко, Петръ Савичъ, не съ тобой говорятъ. Батюшка, Данила Григорьичъ, что это у насъ дѣлается?

Сергѣй Ильичъ.

Кажется, съ нашей стороны обиды вамъ нѣтъ никакой.

Матрена Панкратьевна.

Какъ нѣтъ обиды, помилуйте? Я мать дѣтей... Покорно васъ благодаримъ, Сергѣй Ильичъ! Очень мы вамъ благодарны!

Данила Григорьичъ.

Молчи, не суйся не въ свое дѣло!

Матрена Панкратьевна.

Да кто я такое? Что-же это, ей Богу!...

Данила Григорьичъ.

Лукерью сюда!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ-же, Зоя Евграфовна и Абрамъ Васильевичъ (въ попыхахъ).

Зоя Евграфовна.

Приволокла!

Данила Григорьичъ.

Вонъ!

Зоя Евграфовна *(Петру Савичу).*

Пойдетъ баталія! Я старичонку-то настрочила.

Абрамъ Васильичъ.

Кого вонъ? Меня, что-ли? Нѣтъ, ужъ я теперь отсюда скоро не уйду.

Данила Григорьичъ.

Не уйдешь?!

Абрамъ Васильичъ.

Не уйду! Я тебя срамить буду. Мнѣ терять теперь, братъ, нечего, я все потерялъ: и честь потерялъ и зрѣніе потерялъ, и жену вчера схоронилъ. Ничего у меня теперь нѣтъ, только душа въ тѣлѣ осталась, и та поганая: опоганилъ я ее съ тобой. Ничего, стало-быть, ты мнѣ не сдѣлаешь!...

Данила Григорьичъ.

Ахъ, ты пьяница! Смѣешь такія слова говорить со мной!

Абрамъ Васильичъ.

Это еще что за слова! Такія-ли я тебѣ слова говорить пришелъ. Разбойникъ ты—разбойникъ! Господи! Какъ это ты насъ, этакихъ людей, огнемъ не спалишь? Видно, еще слезы-то до тебя не дошли.

Данила Григорьичъ.

Абрамъ, полно!

Матрена Панкратьевна.

Батюшка! Онъ помутился!

Абрамъ Васильичъ.

Не помутился я, врешь ты! Я не помутился! Матушка, Лукерья Пантелевна, не вижу я тебя (*становится на колѣна*). Голубица ты моя чистая, прости ты меня, матушка.

Луша.

Полноте, Абрамъ Васильичъ, вы ничего не сдѣлали.

Абрамъ Васильичъ.

Какъ, голубушка! Мы тебя ограбили съ дядей твоимъ. У покойника твоего большой капиталъ былъ. Каюсь передъ тобой! Передъ всѣми каюсь! Много мы съ Данилой Григорьевымъ народу ограбили.

Данила Григорьичъ.

Извольте видѣть, какъ онъ меня конфузитъ!

Абрамъ Васильичъ.

Надъ покойникомъ-то, Пантелеемъ Григорьичемъ, псалтырь читали, душенька-то еще, голубчика, не остыла, а мы...

Петръ Савичъ.

Будетъ, Абрамъ Васильичъ. Что старое поминать.

Абрамъ Васильичъ.

Никакъ, Петръ Савичъ? Батюшка, Петръ Савичъ, вотъ до чего я дошелъ! И смерти-то Господь за грѣхи мои не даетъ, велитъ на землѣ мучиться.

Петръ Савичъ.

Слова эти самыя твои теперича не къ разу, потому какъ Лукерья Пантелевна замужъ выходитъ, значитъ и шабашъ, все кончено! Мало кто что сдѣлалъ.

Данила Григорьичъ.

Да что же это, напримѣръ? Нашло въ мой домъ чужаго народу и теперича могутъ они командовать! Да кто-жъ я такое? Сманили дѣвку... Матрена Панкратьевна! Да кто-жъ я? Всѣ вонъ изъ моего дому!

Петръ Савичъ.

Что ты расходился-то! Коли не нравится—мы уйдемъ. Только худаго отъ насъ тебѣ ничего не было.

Данила Григорьичъ.

Вонъ всѣ!

Петръ Савичъ.

А ты пошибче, а то не страшно.

Данила Григорьичъ *(къ Лушѣ)*.

Пошла въ свое мѣсто!

Луша.

Я пойду къ Петру Савичу.

Данила Григорьичъ.

Нѣтъ, ужъ ты не пойдешь. Коли я, напримѣръ, что хочу, такъ это ужъ будетъ по моему *(беретъ за руку; Луша вырывается)*.

Петръ Савичъ.

Ты только это себѣ хуже, потому теперича тебѣ ничего невозможно. Ежели она что желаетъ, значитъ, ея это дѣло. Опять же мы не позволимъ.

Данила Григорьичъ.

Да ты кто такой?

Петръ Савичъ.

Я-то?

Данила Григорьичъ.

Ты-то?

Петръ Савичъ.

Петромъ Савичемъ прежде звали. Почотны гражданинъ.

Довольно хорошо! Ты думаешь, на тебя суда, что-ли, нѣтъ? Нынче судъ есть.

Данила Григорьичъ.

Что ты судомъ-то мнѣ тычешь! Что мнѣ судъ, ежели я въ своемъ домѣ...

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ-же и Иванъ Прохоровъ.

Иванъ Прохоровъ.

Объявку отъ судебнаго слѣдователя принесли, чтобы завтрашняго числа...

Данила Григорьичъ.

Матрена Панкратьевна! За нашу хлѣбъ-то соль вотъ съ нами какую статью обработали.

Матрена Панкратьевна.

Батюшка! что это у тебя глаза-то какіе страшные?

Данила Григорьичъ.

Вѣдь тебя за это въ Сибирь рѣшатъ.

Матрена Панкратьевна.

Господи! Меня-то за что-же?

Данила Григорьичъ.

Всѣхъ насъ эти разбойники подвели. (*Къ Абраму*). А тебя выжигу, уморю въ острогѣ. (*Уходитъ съ женой*).

Абрамъ Васильичъ.

Самъ прежде сядешь.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Сергѣй Ильичъ.

А ты, дѣдушка, ступай жить къ намъ—мѣста много. Помаялся, будетъ. А дѣтей пристроимъ.

Абрамъ Васильичъ.

Голубчикъ ты мой, Сергѣй Ильичъ! Пошли тебѣ Господи.

Луша.

Успокойтесь, Абрамъ Васильичъ.

Зоя Евгафовна *(Ивану Прохорову).*

А ты-было и слюни распустилъ на Лукерью Пантелевну.

Иванъ Прохоровъ.

Намъ все единственно... воля хозяйская (*уходитъ*).

Алёшка.

Петръ Савичъ, когда его судить будутъ? Я опять пойду (*смѣется*). Оченно я это люблю.

СЦЕНА У КВАРТАЛЬНАГО НАДЗИРАТЕЛЯ.

Квартальный надзиратель.
Григорьевъ, его слуга.
Купецъ.
Иванъ Ананьевъ, фабричный.

Квартальный надзиратель (*сидитъ утромъ въ канцеляріи и читаетъ бумаги*).

„А посему Московская Управа Благочинія“.... Григорьевъ!

Григорьевъ.

Чого зводьте, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель.

Вели мнѣ приготовить селедку съ яблоками.

Григорьевъ.

Слушаю, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель (*читаетъ*).

„Навести надлежащія справки“....

Купецъ (*входитъ*).

Квартальный надзиратель (*оборачиваясь*).

Кто тутъ?

Купецъ.

Это, батюшка, я-съ.

Квартальный надзиратель.

Что за человѣкъ?

Купецъ.

Я здѣшній обыватель.

Квартальный надзиратель.

Что тебѣ нужно?

Купецъ.

Я къ вамъ, батюшка, со всепокорнѣйшею просьбой.

Квартальный надзиратель.

Напримѣръ?

Купецъ.

У меня есть до васъ, батюшка, казусное дѣло.

Квартальный надзиратель.

Казусное? Какого роду?

Купецъ.

Дѣло, батюшка, вотъ какого роду: не безсудьте, ваше

благородіе, позвольте вамъ для домашняго обиходу три рублика серебрецомъ.

Квартальный надзиратель.

Прошу васъ садиться.

Купецъ.

Постоимъ, ваше благородіе.... Постоять можемъ...

Квартальный надзиратель.

Какое ваше дѣло?

Купецъ.

Не безъизвѣстно вашей милости, что у меня въ вашемъ фарталѣ находится домъ и деревяннымъ заборомъ обнесенъ....

Квартальный надзиратель.

Да.

Купецъ,

Въ оноемъ домѣ у меня производится фабрика, ткутъ разныя матеріи.

Квартальный надзиратель.

Потомъ?

Купецъ.

Былъ я, сударь...

Квартальный надзиратель.

Садитесь, садитесь...

Купецъ

Ничего-съ. Былъ я, сударь, въ субботу въ городѣ, да маленько, признаться, замѣшкамшись... Бѣгу изъ городу-то, по-

читай-что бѣгомъ; думаю, хозяйка ждетъ, по семейному дѣлу, чай пить...

Квартальный надзиратель.

Ну да, дѣло семейное...

Купецъ.

А на фабрикѣ у меня есть крестьянинъ Иванъ Ананьевъ...

Квартальный надзиратель.

Что-же онъ пьянъ что-ли напился?... буйства что-ли какія надѣлалъ?

Купецъ.

Это-бы, сударь, ничего, это при емъ-бы и осталось: онъ у меня укралъ *срѣзку*.

Квартальный надзиратель.

Что такое *срѣзка?*

Купецъ.

А это, выходитъ, какъ ежели теперича собственно матерія, которая, значитъ, по нашему дѣлу...

Квартальный надзиратель.

Понялъ!

Купецъ.

Я ему говорю: Иванъ Ананьевъ, пойдемъ къ фартальному. Я-ста, говоритъ, твоего фартальнаго не боюсь.

Квартальный надзиратель.

Какъ-такъ? Григорьевъ!...

Купецъ.

Я говорю: какъ не боишься? Всякій благородный человѣкъ

ударить тебя по мордѣ и ты ничего не подѣлаешь, а наипаче фартальный надзиратель...

Квартальный надзиратель.

Григорьевъ!...

Купецъ.

Вѣдь оно, ваше благородіе, нашему брату безъ сумленія кажинную вещь пропущать нельзя, почему что всего капиталу рѣшишься...

Квартальный надзиратель.

Григорьевъ!

Купецъ.

Опять-же говорю, что фартальный у насъ, яко-бы, значитъ... примѣрно... выходитъ...

Григорьевъ, потомъ Иванъ Ананьевъ.

Григорьевъ.

Чого звольте, ваше благородіе?

Квартальный надзиратель

Дуракъ!

Григорьевъ.

Слушаю, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель.

Дай мнѣ сюда Ивана Ананьева.

Григорьевъ (*отворяя дверь*).

Кондратьевъ! И де винъ тутъ Иванъ Ананьевъ... Который? Давай его къ барину... Иванъ Ананьевъ!...

Иванъ Ананьевъ (*входитъ*).

Квартальный надзиратель.

Какъ твоя фамилія?

Иванъ Ананьевъ.

Сейчасъ умереть, не бралъ.

Квартальный надзиратель.

Чего?

Иванъ Ананьевъ.

Не могу знать чего.

Квартальный надзиратель.

Отправь его въ частный домъ.

Иванъ Ананьевъ.

Кузьма Петровичъ только мораль на меня пущаетъ, почему что какъ я ни въ какомъ художествѣ не замѣченъ...

Квартальный надзиратель.

Возьми его!

Григорьевъ.

Кондратьевъ!...

Купецъ.

Благодаримъ покорно. Больше ничего не требуется!

Квартальный надзиратель.

Тамъ въ канцеляріи напишите объявленіе.

Купецъ.

Слушаю (*уходитъ*).

Квартальный надзиратель.

Григорьевъ!

Григорьевъ.

Чого зводьте, ваше благородіе?

Квартальный надзиратель.

Дай мнѣ мундиръ.

Григорьевъ.

Да винъ увесь у пятнахъ, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель.

Какъ?!

Григорьевъ.

Не могу знать.

Квартальный надзиратель.

А можно ихъ вывести?

Григорьевъ.

Можно, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель.

Чѣмъ?

Григорьевъ.

Не могу знать.

Квартальный надзиратель.

Я думаю, скопидаромъ.

Григорьевъ.

И я думàю, що скопидаромъ.

Квартальный надзиратель.

Да вѣдь вонять будетъ...

Григорьевъ.

Вонять будетъ, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель.

А можетъ, не будетъ...

Григорьевъ.

Ничего не будетъ, ваше благородіе... (*Приноситъ обратно*). Готовъ, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель.

Что?

Григорьевъ.

Ничого.

Квартальный надзиратель.

Воняетъ?

Григорьевъ.

Вонаетъ, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель.

Скверно?

Григорьевъ.

Скверно, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель.

Да вѣдь, я думаю, не замѣтно.

Григорьевъ.

И я думаю, що не замѣтно. Звольте надѣвать.

СЦЕНА У ПУШКИ.

— Ребята, вотъ такъ пушка!

Да!...

— Ужъ очненно, сей часъ умереть, большая!...

Большая!..

— А что, ежели теперича эту самую пушку, къ примѣру, зарядить да пальнуть...

Да!...

— Особливо, ядромъ зарядятъ.

Ядромъ ловко, а ежели, бонбой, ребята,—лучше.

— Нѣтъ, ядромъ лучше.

Да бонбой дальше.

— Все одно, что ядро, что бонба.

О, дуракъ, чортъ! Чай ядро особь статья, а бонба особь статья.

— Ну, что врешь-то!

Вѣстимо! Ядро теперича зарядять, прижгуть—оно и летить.

— А бонба?

Чаво бонба?

Квартальный надзиратель.

Да вѣдь, я думаю, не замѣтно.

Григорьевъ.

И я думàю, що не замѣтно. Звольте надѣвать.

СЦЕНА У ПУШКИ.

— Ребята, вотъ такъ пушка!

Да!...

— Ужъ оченно, сей часъ умереть, большая!...

Большая!..

— А что, ежели теперича эту самую пушку, къ примѣру, зарядить да пальнуть...

Да!...

— Особливо, ядромъ зарядятъ.

Ядромъ ловко, а ежели, бонбой, ребята,—лучше.

— Нѣтъ, ядромъ лучше.

Да бонбой дальше.

— Все одно, что ядро, что бонба.

О, дуракъ, чортъ! Чай ядро особь статья, а бонба особь статья.

— Ну, что врешь-то!

Вѣстимо! Ядро теперича зарядять, прижгуть—оно и летить.

— А бонба?

Чаво бонба?

— Да.

А она у его дочь...

— Ну?

Въ прачешной должности состоитъ и портному обучена...

— Тебѣ-то какое-же дѣло?

То-есть... выходитъ... по своему дѣлу, а онъ у его... сторожъ...

Такъ тебѣ-то что-же?

....Законнымъ бракомъ хотимъ.

— Ну, такъ женись.

То-то. Я вашей милости долдожить пришелъ.

БЛОНДЕНЪ.

Разсказъ купца.

Только проходимъ мы съ приказчикомъ, съ Иваномъ Ѳедоровымъ, смотримъ—народу видимо-невидимо, такъ валомъ и валитъ. Иванъ Ѳедоровъ говоритъ: тутъ одинъ на канатѣ ломается. Пойдемъ посмотримъ... что за важное дѣло!... Пришли въ кассу. Какое, другъ сердечный, преставленіе? Грамотѣ, говоритъ, умѣете? По печатному разбирать можемъ. Иванъ Ѳедоровъ по печатному оченно превосходно.... Сейчасъ прочиталъ:—будетъ, говоритъ, великое восхожденіе по канату, съ нѣмцемъ, въ пятьсотъ фунтовъ. Что, другъ сердечный, вѣрно на афишкѣ обозначено, на чести, подвоху нѣтъ? Вѣрно, говоритъ. А нѣмца таскать будутъ?—Будутъ. Живаго?—Живаго. Почемъ билеты? Вамъ, почтенные, въ какія мѣста угодно? Которыя попроще.... Цѣлковый рубъ отдали. Вышелъ сейчасъ этотъ самый Блонденъ и пошелъ.... Шелъ, шелъ—сорвался! Барыни которыя такъ и завизжали!... А вѣдь онъ, сударь мой, не упалъ... Слово что-ли такое знаетъ, али такъ счастье ему: зацѣпился штаниной, повисъ на воздусьяхъ—ви-

сить. Я говорю: Иванъ Ѳедоровъ, когда-жъ нѣмца-то? Вишь тащутъ. Смотрю: нѣмецъ какъ есть настоящій и человѣкъ, надо полагать, степенный. Ну, думаю, шабашъ, братъ, адью! Умора, сударь мой, какъ онъ его поволокъ: ухватилъ такъ-то... трогай! Батюшка, говоритъ, господинъ Блонденъ, пусти душу на покаяніе. Нѣтъ, говоритъ, Карла Иванычъ, сиди, а то уроню. Намъ, говоритъ, публику обманывать не приказано, вишь: квартальный стоитъ. Протащилъ его, колѣно сдѣлалъ—ему фору, а мы, грѣшнымъ дѣломъ, въ трактиръ, по рюмкѣ померанцовой горечи перкувырнули — домой пошли.

РАЗВЕСЕЛОЕ ЖИТЬЕ.

СЦЕНА ИЗЪ КУПЕЧЕСКАГО БЫТА.

Купецъ.

Наслышаны мы объ васъ, милостивый государь, что вы напримѣръ, ежели что у мироваго сейчасъ можете человѣка оправить.

Адвокатъ.

А у васъ дѣло есть?

Купецъ.

Дѣло, собственно, неважное, пустяки, выходитъ... Не мы первые, не мы послѣдніе... извѣстно, глупость наша...

Адвокатъ.

Скандалъ сдѣлали?

Купецъ.

Шумъ легонькой промежду насъ былъ.

Адвокатъ.

Въ публичномъ мѣстѣ?

Купецъ.

Какъ слѣдуетъ... при всей публикѣ.

Адвокатъ.

Нехорошо!

Купецъ.

Дѣйствительно, хорошаго мало.

Адвокатъ.

Гдѣ-же это было?

Купецъ.

На Владимірской... такое заведеніе тамъ прилажено.

Адвокатъ.

Въ Орфеумѣ?

Купецъ.

Въ этомъ самомъ. (*Молчаніе*). Ежели я теперича, милостивый государь, человѣка ударю, что мнѣ за это полагается?

Адвокатъ.

Въ тюрьмѣ сидѣть.

Купецъ.

Такъ-съ!.. Долго?

Адвокатъ.

Смотря какъ... недѣли три... мѣсяцъ...

Купецъ.

А ежели я купецъ, напримѣръ, въ гильдію плачу.

Адвокатъ.

Тогда дольше: мѣсяца два, а то и три.

Купецъ.

Конфусъ!... (*Молчаніе*). А ежели онъ, съ своей стороны, тоже дѣйствовалъ, и оченно даже... Можно сказать сокрушить хотѣлъ.

Адвокатъ.

Да разскажите мнѣ все что было. Садитесь. Раскажите по порядку.

Купецъ.

Порядокъ извѣстный—напились и пошли чертить. Вотъ изволите видѣть: собралось насъ, примѣрно, цѣлое обчество, кампанія. Ну, а въ нашемъ званіи, извѣстно, разговору безъ напитку не бываетъ, да и разговоръ нашъ нескладный. Вотъ собрались въ Коммерческую, ошарашили два графина, на шампанское пошли. А шампанское теперича какое? Одно только ему званіе шампанское, а такой составъ пьемъ—смерть! Который непривычный человѣкъ, этимъ ежели дѣломъ не занимается, съ одной бутылки на стѣну лезетъ.

Адвокатъ.

А не пить нельзя?

Купецъ.

Для восторгу пьемъ. Больше дѣлать нечего. Ну, заправились какъ должно—поѣхали. Путались-путались по С.-Петербургу-то, метались-метались — въ Эльдорадо пріѣхали. Опять та же статья, съизнова. Поѣхали по домамъ-то, одинъ изъ нашего обчества и говоритъ: давайте, говоритъ, прощальный карамболь сдѣлаемъ, чтобы всѣ чувствовали, что мы за люди есть. Сейчасъ на Владимірскую. Мыслей-то ужъ въ головѣ нѣтъ, стыда этого тоже, только стараешься какъ бы все чуднѣй, чтобы публика надъ тобой тѣшилась. Набрали этого самого женскаго сословія — тамъ его видимоневидимо—угощать стали. Угощали, угощали—безобразничать.

Подошелъ какой-то — не то господинъ, не то писарь: — нешто говоритъ, такъ съ дамами возможно? Это, говоритъ, ваше одно необразованіе. Кто съ краю изъ нашей компаніи сидѣлъ, какъ свиснетъ его: вотъ, говоритъ, наше какое образованіе. Такъ тотъ и покатился. Ну, и пошло!... Вся эта нація завизжала! Кто кричитъ полицію, кто кричитъ — бей!

Адвокатъ.

А вы били кого-нибудь?

Купецъ.

Раза два смазалъ кого-то... подвернулся.

Адвокатъ.

Прежде вы за буйство не судились.

Купецъ.

При всей публикѣ?

Адвокатъ.

Да, — у мироваго судьи?

Купецъ.

У квартальнаго раза два судился прежде. Тогда проще было: дашь, бывало, письмоводителю — и шабашъ. А теперича и дороже стало, и страму больше.

Адвокатъ.

Сраму больше.

Купецъ.

Въ газетахъ не обозначатъ?

Адвокатъ.

Напечатаютъ.

Купецъ.

А ежели, напримѣръ, пожертвовать на богадѣльню, или куда?..

Адвокатъ.

Ничего не поможетъ.

Купецъ.

Безпремѣнно ужъ, значитъ, сидѣть.

Адвокатъ

Я думаю.

Купецъ.

Все одно, какъ простой человѣкъ съ арестантами.

Адвокатъ.

Да.

Купецъ.

Изъ-за пустаго дѣла!... Хлопочи вотъ теперь, траться... Сейчасъ былъ тоже у одного адвоката, три синенькихъ отдалъ.

Адвокатъ.

За что?

Купецъ.

За разговоръ. Я, говоритъ, твое дѣло выслушаю, только мнѣ, говоритъ, за это пятнадцать руб. и деньги сейчасъ. Ну, отдалъ, разсказалъ все какъ слѣдуетъ.

Адвокатъ.

Что же онъ?

Купецъ.

Взялъ онъ эти деньги: „уповай, говоритъ, на Бога".

Адвокатъ.

И больше ничего?

Купецъ.

Ничего! Уповай, говоритъ, на Бога,—и шабашъ!

ТРАВІАТА.

Разсказъ купца.

Проходимъ мы съ приказчикомъ, съ Иваномъ Ѳедоровымъ, мимо каменнаго театру. Иванъ Ѳедоровъ почиталъ-почиталъ объявленіе:—понять, говоритъ, невозможно, потому не нашими словами напечатано. Господинъ, что на афишкѣ обозначено? Прочиталъ. Говоритъ: Фру-фру. Въ какомъ, говоритъ, смыслѣ? Это, говоритъ, на ихнемъ языкѣ обозначаетъ настоящее дѣло. Такъ-съ! Покорнѣйше благодаримъ.... Господинъ городовой! Вы человѣкъ здѣшній, можетъ слыхали: какъ намъ понимать эту самую Фру-фру? Ступайте, говоритъ въ кассу — тамъ все отлепортуютъ. Пришли въ кассу. Пожалуйте два билета, на самый на верхъ, выше чего быть невозможно.—На какое представленіе? — Фру-фру. Здѣсь говоритъ, опера. Все одно, пожалуйте два билета, намъ что хошь представляй. Иванъ Ѳедоровъ, трогай! Ступай! Пришли мы, сѣли, итальянскіе эти самые актера дѣйствуютъ. Сидятъ, примѣрно, за столомъ, закусываютъ и поютъ, что имъ жить оченно превосходно, такъ что лучше требовать нельзя. Сейчасъ г-жа Патти налила

стаканчикъ красненькаго, подаетъ г-ну Канцеляри:—выкушайте, милостивый государь. Тотъ выпилъ да и говоритъ: очевно я въ васъ влюбленъ. — Не можетъ быть! — Вѣрное слово!—Ну такъ, говоритъ, извольте идти куда вамъ требуется, а я сяду, подумаю объ своей жизни, потому наше дѣло женское, безъ оглядки намъ невозможно.. — Сидитъ г-жа Патти, думаетъ объ своей жизни, входитъ нѣкоторый человѣкъ...

— Я говоритъ, сударыня, имени-отчества вашего не знаю, а пришелъ поговорить насчетъ своего парнишки: парнишка мой запутался и у васъ скрывается—турните вы его отсюда. — Пожалуйте, говоритъ, въ садъ, милостивый государь, на вольномъ воздухѣ разговаривать гораздо превосходнѣе. Пошли въ садъ. Извольте, говоритъ, милостивый государь, сейчасъ я ему такую привилегію напишу, что ходить онъ ко мнѣ не будетъ, потому я сама баловства терпѣть не могу. Тутъ мы вышли въ калидоръ, пожевали яблочка, потому жарко очевно, разморило. Оборотили назадъ-то—я говорю:—Иванъ Ѳедоровъ, смотри хорошенько.—Смотрю, говоритъ.—Къ чему клонитъ?—А къ тому, говоритъ, клонитъ, что парнишка пришелъ къ ней въ своемъ невѣжествѣ прощенья просить: я, говоритъ, ни въ чемъ не причиненъ, все это дѣло тятенька напуталъ. А та говоритъ: хоша вы, говоритъ, меня при всей публикѣ острамили, но при всемъ томъ я васъ очевно люблю! Вотъ вамъ мой патретъ на память, а я между прочимъ помереть должна... Попѣла еще съ полчасика, да Богу душу и отдала.

НА ПОЧТОВОЙ СТАНЦІИ.

Ночью.

— Ямщики! Эй, ямщики! Тарантасъ подъѣхалъ...

— Вставай.. чья череда-то?..

— Микиткина....

— Микитка!.. Слышь!.. Микитка, гладкій чертъ!.. тарантасъ подъѣхалъ..

— Сичасъ!..

— Да какъ-же ты теперича поѣдешь-то?

— А что?

— Ночью-то?!.

— Такъ что-же?

— По косогорамъ-то?

— Такъ тарантасъ-то вляпаешь!..

— Вляпаешь! Пятнадцать годовъ ѣзжу, да вляпаешь!...

— Ваше благородіе! Тутъ у насъ на 7-й верстѣ къ Озерецкому-то косогоры, такъ вотъ отъ поштоваго епартаменту обозначено, чтобъ сумлѣнія не было...

— Помилуйте, ваше благородіе, я пятнадцать годовъ ѣзжу...

— Онъ-тѣ въ загривокъ-то накладетъ...

